

В. ПИРОЖКОВА

Пути молодежи в СССР

Вне стран с тоталитарным режимом можно часто слышать мнение, что дети и молодые люди, выросшие в рамках режима, верят в него и в идеологию, потому что ничего иного не знают. Их с детства учат этой идеологии, внушают, что она единственно истинная и что советский режим — самый лучший в мире, и они, не имея сравнения, верят этому. Это широко распространенное мнение, однако, совершенно неверно. Людям, живущим в Советском Союзе, не нужно объяснять, отчего это мнение неверно. Каждый подросток в Советском Союзе знает то, чего вне коммунистических стран не знают многие ученые, политики и журналисты. Каждый подросток в Советском Союзе знает действительную жизнь в стране и разницу между пропагандой и действительностью. Относительно советской действительности вряд ли у кого из жителей Советского Союза могут быть заблуждения. И молодежь видит эту действительность и не может в ней ошибаться. Может быть кое-кто еще верит в идеальный коммунизм и, не вдумавшись в теорию, полагает, что современные руководители искажают его. Но в самый режим в том виде, в каком он существует в действительности, верить трудно. В него могут верить наивные люди, живущие вне Советского Союза, но сами жители Советского Союза не могут верить в то, что режим создал им счастливую жизнь и что это самый лучший режим в мире.

Но не означает ли это утверждение, что все теперешние коммунисты — только карьеристы, устраивающие свою жизнь и не верящие в идеологию коммунизма? В одной из прошлых статей мы как раз говорили, что все обстоит не так просто.

Мы сейчас хотим сделать попытку анализировать психологию известной группы людей, живущих в Советском Союзе. Можно спросить, не слишком ли это смелая попытка со стороны человека, уже довольно давно живущего в свободном мире. Имеет ли это смысл? Ведь люди, живущие там, знают все это сами. Они сами лучше понимают, что они чувствуют и что руководит их поступками. На это следует ответить, что если они там многое знают и понимают, то не в состоянии высказать это вслух. Не все люди находятся в одной и той же ситуации. Те, кто находится в ситуации, разбираемой нами, не могут, даже если хотят, рассказать об этом другим. У всех в Советском Союзе во рту клаят. Но, кроме того, в условиях советской диктатуры, под давлением террора и тотальной пропаганды, многие могут чувствовать, но не умеют до конца анализировать свое же собственное положение. Я знаю это по своему личному опыту. И я смогла довести анализ до конца, только когда вышла из атмосферы советской диктатуры. Поэтому мы и пробуем сделать этот анализ, вполне понимая, что он необходимо должен остаться неполным и не может охватить все психологические нюансы.

В Советском Союзе вся жизнь политизирована. Там нет ни одной жизненной области, лежащей вне политики. Тоталитарная система не оставляет человеку права избрать себе род деятельности, лежащий полностью вне политики. Полеты в космос, например, не имеют ничего общего с тем или иным политическим режимом. Их совершают как русские, так и американские космонавты, причем американцы первыми вступили на Луну. Но каждый успех рус-

ских космонавтов сопровождается трескучей пропагандой о преимуществе советского режима над свободными странами, о величии коммунистической партии и так далее. Даже такие политически нейтральные достижения науки и техники советские руководители пытаются политизировать и использовать для пропаганды режима.

Молодому человеку с активным характером чрезвычайно трудно найти себе род деятельности, далекий от политики и все же удовлетворяющий его активные наклонности. Трудности начинаются уже с детского возраста. В свободных странах подросток может участвовать в самых различных молодежных группах и организациях, если у него есть желание быть активным. Есть молодежные организации, связанные с различными партиями. Но если подросток или молодой человек не хочет присоединиться ни к какому политическому направлению, он может участвовать в молодежной организации скаутов или же в церковной молодежной группе того или другого вероисповедания, или в любой другой группе, возникающей по инициативе самой молодежи. Выбор большой. Но в Советском Союзе и в других коммунистических странах нет вообще никакого выбора. Подростку и молодому человеку остается только или быть активным в пионерской и комсомольской организации, или же пытаться совсем подавить в себе свою активность. А это очень трудно. Убить в себе прирожденную активность и остаться в стороне от общественной жизни означает убить в своей душе нечто очень важное. Многие все же принуждают себя к этому, но не все это могут. Несправедливо было бы утверждать, что люди, уходящие с головой в политическую активную деятельность, — лишь карьеристы и честолюбцы. Есть и такие. Но среди активных немало и очень ценных людей. Чтобы как-то найти возможность действовать, они пытаются закрыть глаза на то, что видят, пытаются вопреки своему собственному опыту верить идеологии. Иначе нужно отказаться от деятельности. На Западе часто говорят о мимикрии или «двойных рельсах» жизни в коммунистических странах. Под этим подразумевается сознательное притворство. Человек на самом деле не верит ни во что, ни в идеологию, ни тезисам пропаганды, но делает вид, что верит. Однако такое двойное сознание не так легко выдерживать. Человеку невольно хочется оправдать свою собственную деятельность, и он убеждает себя в том, что не может же быть все плохо; в режиме, а особенно в идеологии, должно быть что-то хорошее и правильное. Активный человек спрашивает себя, не следует ли включиться в общественную деятельность и постараться преодолеть то, что еще плохо. Человек, старающийся оправдать себя, хочет верить, что дурное и отрицательное в режиме идет не от корня и его можно еще преодолеть в рамках существующей идеологии.

Мы упоминали о двух рельсах или двух плоскостях сознания. Бежавший два года тому назад на Запад писатель Анатолий Кузнецов говорит даже о трех плоскостях в сознании многих людей в Советском Союзе. На самой внешней плоскости находится то, что эти люди должны официально высказывать и во что они совсем не верят. На, так сказать, средней плоскости еще до известной степени сознательно культивируемая вера в идеаль-

ный коммунизм, вера в идеологию, надежда, что душевные силы не были отданы чему-то ложному в самой своей глубине. И, наконец, есть самый глубокий душевный слой, тот, где человек чувствует, что вся идеология в самом ее корне порочна и ничего хорошего дать не может. Кузнецов надеется, что процесс прозрения, процесс как бы поднятия в верхние слои этого глубинного понимания, еще не осознанного до конца разумом, пойдет теперь у интеллигенции Советского Союза все быстрее. К этому желанию можно только присоединиться. Но нужно сказать, что такое поднятие глубинного прозрения в верхние слои сознания является уже вторичным, обратным процессом. Сначала молодому человеку надо было вобрать в себя идеологию и допустить, чтобы в его душе возникла хоть относительная вера в нее. Этот процесс восприятия происходит только в незначительной степени под влиянием словесной пропаганды. Сама жизнь слишком ясно на каждом шагу ее опровергает. И идеология столетней или даже большей давности, если в нее непредвзято вдуматься, содержит в себе столько противоречий и слабых мест, что не может увлечь молодого человека в Советском Союзе. Но большую роль играет необходимость жить и действовать. В зависимости от степени активности того или другого человека, от рода избранной им деятельности, а также от наличия у него честолюбия и карьеризма, восприятие идеологии внутрь себя может произойти более или менее полно. Многие молодые люди, может быть, намерены подлаживаться под режим только постольку, поскольку это абсолютно необходимо для их деятельности. Но думающие так наивны. Тоталитарный режим, как мельничное колесо, затягивает всякого, кто вступил на него хотя бы одной ногой. Такой человек или должен полностью приспособиться к его ходу, или он будет втянут и измолот. С тоталитарным режимом нельзя сотрудничать только отчасти, одновременно сохраняя свое внутренне Я и личную независимость.

Молодые активисты, вырастающие внутри режима, могут вобрать в себя идеологию так глубоко, что они полностью к ней внутренне приспособляются. Тогда происходит то, о чем мы говорили в прошлой статье. Идеология, устройство личной жизни, жажда власти и карьеры сливаются в одно. Получается сплав, из которого уже невоз-

можно выделить отдельные части. Так создается тип нового, современного коммуниста, аппаратчика, функционера. Конечно, и такой человек может еще прозреть и стряхнуть с себя всю вобранную внутрь ложь, но это чрезвычайно трудно. Этим объясняется, что некоторые бывшие коммунисты, ставшие сами жертвами режима, прошедшие тюрьмы и лагеря, все еще пытаются цепляться за идеологию, они все еще стараются уверить себя, что она хороша, только искажена теми, кто сейчас находится у власти. Эти попытки представляются жалкими и безнадежными. Но такие люди не в состоянии признаться самим себе, что посягнули свою жизнь служению чудовищу. У тех же, кто остается у власти, еще меньше возможности задуматься над вопросом, кому они служат и какой ценой куплены их личные блага.

С молодым человеком, вырастающим в Советском Союзе, может произойти и обратное развитие. Мы предположили, что он сначала сознательно приспособляется к идеологии. Он ей не верит или же в ней сомневается, но, чтобы обеспечить себе возможность деятельности, старается к ней приспособиться. Затем она понемногу совсем затягивает его в свои сети и он принимает ее внутрь себя. Но может быть и так, что молодой человек инстинктивно чувствуя, что иначе все пути ему будут закрыты, принимает идеологию сразу. Верит ей, или думает, что верит. Но как раз потом у него возникают сомнения. Деятельность, или даже достигнутая карьера, уже больше не удовлетворяет. Слишком быстро воспринятая в ранней молодости идеология представляется до такой степени ложной, что человек рискует не только карьерой, но иногда и жизнью, чтобы избавиться от ложного идола. Люди, шедшие этим путем, легче могут порвать с наскорю принятой в себя идеологией, но травма все же большей частью остается.

В наше время появляется все больше энергичных молодых людей, выбирающих активную деятельность, но не в смысле приспособленчества и служения господствующей идеологии, а в смысле поисков истины и служения ей вплоть до жертвы. Наиболее ярким примером таких молодых людей является, думаю, Владимир Буковский. Перед их героизмом остается только преклониться и от души пожелать, чтобы их жертва не была напрасной, но пробудила бы широкое движение.

ИГУМЕН ГЕННАДИЙ (ЭЙКАЛОВИЧ)

„Должно вам родиться свыше“

Вместо введения. В 1971 г. в Риме состоялся VII Всемирный Томистический Конгресс. Среди иных докладов был прочитан и доклад польского философа-вронскиста Георгия Брауна, в котором он рассматривал схоластическое учение о проблеме бессмертия в свете того, что говорит нам на эту тему современная философия, в частности — абсолютная или креационистическая философия Вронского. Около двадцати лет тому назад я защитил магистерскую диссертацию в Православном Богословском Институте в Париже на тему «Закон Творения по учению И. М. Гоэна-Вронского», причем в одном из моих устных магистерских тезисов я рассматривал учение о бессмертии на фоне беседы Иисуса Христа с Никодимом (Ин. III, 1—21). Ту часть этого тезиса, которая касается догматической философской экзегезы вышецитированного евангельского отрывка, я предлагаю вниманию читателя в нижеследующей статье.

Беседа Иисуса с Никодимом является первой догматической беседой в Четвертом Евангелии, которое в дальнейшем представляет собой как бы последовательное богословское развитие на фоне исторических событий из

жизни Иисуса Христа тех догматических тем, которые, как бы в ракурсе, затронуты в этой беседе. Догматическое учение сводится, собственно говоря, к четырем основным темам: о Царстве Божьем, о Крещении, о Св. Духе и о Вознесении. Темы эти взаимно связаны, они концентричны.

В этой статье мы сосредоточим свое внимание на теме рождения «от воды и Духа» и попытаемся дать новое толкование, навеянное духом креационистической философии. Оно не будет противоречить толкованию традиционному, а лишь привнесет новое освещение православного учения о синергизме. Освещение это находит себе, по нашему мнению, оправдание в тематике и языке Четвертого Евангелия.

Начиная с Пролога (Ин. I, 1—18), евангелист возносит к таким вершинам тайнозрения, что человеческий язык с трудом лишь переводит на канву привычных богословских и философских терминов то, о чем он повествует. Об этом хорошо написал православный богослов, о. Сергей Булгаков: «Такой высоты предмета, при отвлеченности и связанной с ней трудности изложения, как это свойственно Прологу, не достигают другие священные книги. Поэтому является естественным и вполне допустимым, что отдельные слова и речения допускают различное понимание, если оно только не содержит в себе противоречия».¹

Это относится и к другим отрывкам того же Евангелия. Иоаннов метод косвенных ответов, скорее указывающих на нечто внутреннее и глубинное, запредельное, чем конкретно разъясняющих вопрошания: «двуликие» и «многоликие» слова, как, например, «архи», «логос», «пневма», «анофен» и др.: символика сопоставления света и тьмы; антиномические выражения — все это свидетельствует о том, что искать только одного, прямого смысла слов было бы противно духу Евангелия. Наиболее широкие возможности многообразного толкования дает нам пневматологическая терминология, точнее — ее неопределенность и переливчатость. Это отражает ту необычайную трудность, которую человеческая мысль встречает при попытке определить грани между Духом Святым, Его дарами и действиями. Каждое определение стремится к статическому попятно определяемому предмету. Дух же Святой — это ипостасная Жизнь; Жизнь пронизывает своим духом все и животворит все, а это ведь динамика по преимуществу!

Абсолютная цель человеческого существования — это его спасение, т. е. обладание вечною жизнью, т. е. обожение посредством причастия к жизни Бога. А таковое состояние предполагает пребывание, вернее бытие человека в Царстве Божьем. И это Царство Божье является центральной темой и у синоптиков и у Иоанна. Сам термин «Царство Божье» у Иоанна встречается только два раза, и то в беседе Иисуса с Никодимом (III, 3 и 5). В дальнейшем тексте Евангелия понятие Царства Божьего заменяется синонимическими понятиями «вечной жизни» и просто «жизни». Понятие Царства Божьего не было чуждо Иудеям: они ожидали Мессию для обоснования своего владычества на земле. Но Иисус Христос в беседе с Никодимом указал на особый характер истинного Царства Божьего, а в ответе Пилату — прямо сказал: «Царство Мое не от мира сего» (XVIII, 36).

Объективным условием установления Царства Божьего для людей является вознесение Иисуса Христа — в двойном его понимании: и как вознесение на крест и как Вознесение во Славе. Вознесение на крест — это мистическое омовение кровью Богочеловека грехов мира: крестная смерть Иисуса Христа была отрицательным условием основания Царства Божьего. Присутствие человеческой природы на Небе — это есть мистическое и метафизическое участие в этом Царстве. С другой стороны, таинственное, но реальное присутствие божественной Плоти и Крови в Церкви, т. е. в Теле Христовом, есть эмпирическое существование Царства Божьего. Согласно этому в синоптических Евангелиях и говорится о Царстве Божьем то как об ожидающемся и отдаленном, то как об уже наступившем.

Царство Божье предполагает три момента: 1) мистическое, объективное основание его Иисусом Христом, 2) индивидуальное и субъективное обретение его «внутри нас» и 3) объективно-универсальную реализацию его в эсхатологическом свершении — как Новый Иерусалим.

Перейдем теперь к субъективному условию участия в Царстве Божьем, т. е. к теме о рождении от воды и Духа. Эта тема занимает центральное место в Беседе и поэтому мы посвятим ей больше всего внимания.

Герменевтическая предпосылка. Мы исходим из положения, что всякая вещь, всякое явление, всякая мысль, вообще всякая реальность, конкретная или мыслимая, имеют два полюса. В богословии эта двуполюсность выражается, между прочим, в учении о синергизме как о наличии и сочетании двух элементов — божественного и человеческого — в деле спасения вообще и в каждом таинстве — в частности. Учение о Богочеловечестве предполагает принятие идеи синергизма. Аналогичной, в некоторой степени, парой понятий в философии будут гетерономия и автономия (чужезаконность и самозаконность). Гетерономия, отнесенная к Богу, называется теонимией. Заповеди — это область гетерономии; свободное волеизъявление человека — область автономии. Правильное богословие сохраняет в равновесии оба эти элемента; чрезмерный уклон

в одну из сторон приводит обычно к ереси. Для примера скажем, что уклон в сторону гетерономии привел к монофизитству² и августиновскому учению о предопределении к гибели, тогда как перевес в сторону автономии породил ересь несторианства³ и пелагианства.⁴

Родственной парой понятий будут гетеротелия (чуждеполюсность) и автотелия (самоцелеполосность). Человек, рождаясь, входит в уже готовую систему целей и, в качестве индивида, принимает участие в этой системе целей, установленных до и помимо него. Вся эта система, внешняя по отношению к нему, является для него данностью, она им «застается», придается ему как бы поневоле. Область гетеротелии это прежде всего царство природы с навсегда установленными законами и целями.

Но понятие индивида не исчерпывает собой реальности, называемой человеком: в человеке имеется нечто, отличающее его от всякой другой твари и от всякого иного человека, именно — личность. Человек есть **личность**. Адекватное определение личности невозможно. Личность познается в своей опосредствованности, окачественности. Самым характерным атрибутом личности мы должны признать свободу. А свободный человек может ставить себе цели иные, чем те, которые перед ним, как индивидом, ставит природа. Свободная человеческая личность обладает даром полагания себе целей поверх и даже вопреки природе: это свободное полагание своих, автономных целей создает область автотелии.

Для верующего в существование Бога Творца гетеротелия и гетерономия отождествляются с теотелией и теонимией.

Историческое развитие человека знаменовалось постепенным переходом от гетерополюса к автополюсу: достигнув предельной точки второго, движение начнется в обратном направлении, по спирали. Это не будет отказом от автономных достижений, а, если можно так выразиться, процессом автономизации гетерономных целей и ценностей, процессом свободной и творческой ассимиляции того, что гетеротетически вложено в мир и человека самим Творцом.

Понятия гетерономии и автономии не новы. Они встречаются уже у Канта, который, однако, не разработал их окончательно. Этими проблемами занимается и о. Василий Зеньковский в статье «Автономия и Теонимия» («Путь», № 3).⁵ Насколько убедителен и блестящ его анализ автономии, настолько неразработан, как нам кажется, вопрос теонимии. О. Василий попросту призывает к возврату человеческой мысли к теонимии, т. е. к старым критериям разума и морали. Спрашивается, зачем же существует история? Теонимия — это ветхозаветные заповеди, это внешние приказания, через которые и человечество вообще и каждый в отдельности должны пройти как через свое относительное духовное и интеллектуальное детство. Но после эры Закона в Ветхом Завете настала эра Благодати (Новый Завет). Этот переход постоянно осуществляется в наших индивидуальных сердцах и разумах. Благодать предполагает абсолютную свободу, внутреннее убеждение, добровольность решения... Отсюда максима: «Я поступаю так не потому, что это велит мне или запрещает Закон, а потому, что считаю свой поступок истинным и благим».

Человеческая мысль должна была дойти до тупика, до предела, и притом в обоих направлениях, чтобы найти возможность плодотворного синтеза. Насколько вредно было бы задержаться в автополюсном крайнем положении, настолько же неправильно было бы вернуться к гетерополюсу, т. е. к исходной точке, к ветхозаветной теонимии, к нашему историческому и религиозному детству. Найти этот новый синтез и должна христианская философия.

Итак, вдохновляясь верой и питаясь таинствами, человеческий разум должен сам поставить себе цели, и можно смело утверждать, что если они будут поставлены правильно, то они совпадут с теми целями, которые задумал Творец, создавая мир и человека.

Предел этого поступательного и кругозамыкающего движения, поскольку нам дано это постигнуть, для отдель-

ного человека в тварном мире совпадает с моментом его физической смерти, для целого же человечества — с моментом эсхатологического свершения.

Пределом и целью всего является единство в Боге. Пробраз и залог этого единения, этого синтеза божественного и человеческого, мы имеем в Богочеловеке, в котором неслитно, нераздельно, неизменно и неразлучно соединено божественное начало с человеческим. Такое единство постулировано всем учением о Богочеловечестве. В данное время Бог и человечество суть две разные реальности. Нравственный генезис вселенной проявляется в постепенном стремлении человеческой реальности к соединению с божественной реальностью: пределом этого стремления и этого процесса будет обожение человечества, т. е. абсолютное тождество этих двух реальностей при сохранении их абсолютной разности. Это понятие антиномично, но оно оправдано и новозаветным откровением и святоотеческим учением. Спасенное и преображенное человечество войдет во внутреннюю жизнь Бога, по Его благоволению, но в нем оно не растает, не исчезнет, хотя и опрозрачится, абсолютно очистится от самостности. В противном случае, т. е. если бы человечество исчезло в Божестве, было им поглощено, то тогда осталось бы единственно божественная реальность, не отличающаяся ничем от той же реальности до создания мира: втуне было бы сотворение мира, человечества, воплощение и искупление. История оказалась бы неудачей Творца. К этому, собственно говоря, сводится индусская мысль.

Нет, после окончания этого мира, пребудет новая Богочеловеческая реальность. В ней совершится синтез божественных и человеческих целей и законов, синтез, который на философском языке можно было бы назвать теоантропотелией и теоантропономией.

Экзегетическое применение.

Исходя из вышеизложенного понятия «полярности» всякой реальности нам легче будет теперь понять, что некоторые тексты Св. Писания требуют двойного толкования вследствие присущей им антиномичности. Антиномия не есть противоречие, она снимается в высшем плане, в плане трансцендентном. К истинам Св. Писания нельзя применять только законы школьной логики: последние суть необходимые орудия повседневного мышления, однако они слишком однопланны и «секторны» для того, чтобы оперировать с антиномическими понятиями. Логика требует монистической установки, философия же — триадической. Эта триадическая философская установка во всякой реальности обнаруживает два несводимых, гетерогенных, полюсных элемента, синтезируемых третьим элементом — нейтральным или основным. Этот третий элемент есть акт, творчество или чудо, если употребить религиозный термин. Во всякой реальности мы можем вскрыть эти три элемента или, во всяком случае, найдя один из них, постулировать существование двух остальных. А постулировав — пытаться обнаружить их...

Возьмем, для примера, слова Иисуса Христа: «Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня...» (Ин. VI, 44). О. Сергей Булгаков писал об этом: «Принимая во внимание все значение контекста, которое свойственно вообще Четвертому Евангелию, и эту черту предисциплинарности мы должны истолковывать ограничительно, как заведомо одностороннюю догматическую стилизацию. Именно, поскольку ему вообще свойственно изображать божественную сторону земных свершений в их божественном плане, постольку это относится и к данному случаю. Божественная данность считается с человеческой заданностью в тварной свободе и соответствием между той и другой, которое составляет самое основание синергизма, а вместе с тем тайну премудрости Промысла Божия. В богочеловечности творения не может быть и нет такого божественного свершения, которое не было бы вместе и человеческим. Но возможно преимущественное сосредоточение внимания при изложении каждой из обеих этих сторон предмета, и в Богословском Евангелии таковой является именно сторона божественная».

В переложении на философский язык скажем, что в вышеприведенном тексте Евангелист делает ударение на гетеротетическом аспекте спасения. Поясним это на примере. В моей воле лежит петь или не петь. Но коль скоро я пожелаю петь, то я необходимо должен использовать объективно существующую гамму тонов и полутонов. Решение петь или не петь — мое автономное решение; возможность петь зависит от гетеротетических данных — слухо-голосового аппарата и музыкальной гаммы. Так и со спасением.

Однако мы можем отыскать в тексте Евангелия и автополюсный текст: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. III, 16). Весь «детерминизм» первой цитаты сводится к объяснению объективного начала в деле спасения, выражается в объективных условиях самой онтологической возможности Царства Божьего. Это объективное условие сотворено самим Богом, как переход от онтологического «ничто» к принципиальной возможности связи между творческим актом Бога и его последствиями. В качестве таковой, гетерономия предшествует автономии. Вторая была бы бессодержательна, пуста, без первой. Первая является бытийственной канвой, идеально-потенциальной; вторая есть актуальное, конкретное проявление предначертанного Богом узора и проявителем его же является сам человек. Однако человек может и не пожелать быть этим проявителем, может отказаться от возможности войти в Царство Божие. Даже среди ближайших, избранных учеников Иисуса нашелся один, который именно так и поступил. В этом сказывается тайна и трагизм человеческой свободы.

Исходя из вышеизложенных соображений, попытаемся доказать, что слова Иисуса Христа, относящиеся к крещению — «если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия... если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ин. III, 3, 5), — в общепринятой экзегезе получают слишком ограничительное толкование. Реальность повторного рождения свыше (снова) предполагает два начала, о которых уже была речь. Рождение от воды, предполагающее, само собой разумеется, таинственное освящающее действие Св. Духа, это есть Крещение в собственном смысле слова. Крещение водой — это объективный факт чудесного введения человека за завесу, отделяющую физический, естественный мир от мира духовного. Крещение — это есть мистический переход из области, где от плоти рождается плоть, в область, где от Духа рождается дух. Это есть событие поставления человека перед лицом того, что от него не зависит, но чему он может причаститься.

Это крещение представляет собой гетерономное начало духовного рождения человека, его данность. Рождение Духом (от Духа) мы понимаем как автономное начало, как акт, жизненный процесс, как осуществляемая заданность. В этой автономной области нет детерминированности. Это область духовного самосозидания внутреннего, нового человека, в которой, если употребить слова о. Сергия, благодать позлащает лишь вершины человеческого подвига и творческого дерзновения.

Перейдем дальше к обоснованию нашего тезиса. Сперва — филологические и текстуальные предпосылки.

Прежде всего мы должны отбросить мысль, что формулировка догматических текстов в Четвертом Евангелии является только литературным приемом. В употреблении таких, а не иных слов, в построении таких словесных сочетаний мы имеем право и даже обязанность усматривать некий преднамеренный смысл, тем более, что в богословных писаниях кроме и помимо прямого смысла, вложенного сознательно человеческим автором в слова, имеется и провиденциально прикровенный смысл — для будущего раскрытия. Это объясняет постоянную актуальность нравственного и откровенного учения Св. Писания. Подозревать, что Иисус Христос нарочито говорил загадочно там, где это можно было бы сказать просто и

ясно, хотя бы даже и в Иоанновой редакции, было бы кощунством.

При принятии традиционного толкования возникает вопрос, почему на недоумение Никодима относительно повторного рождения свыше Иисус Христос не ответил: «Если кто не крестится, не может войти в Царство Божие»? В то время, когда Иоанн писал Четвертое Евангелие, таинство крещения уже упрочилось в христианской традиции. И такой ответ был бы понятным, не загадочным. Спрашивается, что побудило Иисуса Христа ответить столь загадочно и «двузначно»? Мы можем только сказать, что понятие рождения «от воды и Духа» не вполне покрывается понятием крещения: оно шире его. Дух Святой, хотя и действует в крещении, но этим таинством не ограничивается. «Дух дышит, где хочет» (Ин. III, 8). Рождение в Духе Святом может иметь место и до крещения водой, как это случилось в доме Корнилия сотника (Деян. X, 44—47, Мф. III, 11).

Рождение Духом предполагает подвиг, активное и автономное достижение человека. Косвенным текстуальным подтверждением этому может послужить факт, что греческое «экс» в ст. 5 может пониматься и в инструментальном значении («водой и Духом», а не «от воды и Духа»). В русском переводе «Дух» написан с большой буквы, тогда как в греческом тексте стоит «пневма» без члена, что может означать дар Св. Духа или дух человеческий, вообще область духовного, что, в сопоставлении с «водой» лишает его ипостасных признаков. В свете вышеприведенных соображений перевод «если кто не родится водой и духом» кажется нам более убедительным и понятным. «Водой» значит в воде, т. е. в купели крещения, в баптистерии; «духом» же значит в результате процесса в созиидании в себе духовного человека, т. е. в результате стяжания Духа Святого.

Далее, не лишним будет подчеркнуть, что Иисус Христос называет Духа Святого «Параклитос». В русском переводе слово Параклитос переведено как «Утешитель» (Ин. XIV, 16—26; XV, 26; XVI, 7), в тексте же Первого Послания от Иоанна (гл. II, 1) — словом «Ходатай». Употребляемое в греческом тексте слово «Параклитос» — это пассивная форма от глагола «паракалео», в прямом смысле означающая призывание к кому-то, призывание на сторону кого-то, и лишь вторичным смыслом будет значение совета, помощи, поддержки. Родственные образования: клитос, анаклитос, апоклитос, энклитос, эпиклитос — все в страдательном залоге. В Новом Завете нет ни одного слова этого рода в действительном или среднем залоге. Классическое значение слова — адвокат, ходатай, защитник, заступник, председатель. Ориген первый придал этому слову значение «о паракалон» — активное. Это последнее и всеми принятое словоупотребление представляет, однако, лишь одну из функций «адвоката», но не преимущественную. И если контекст Послания требует понимать это слово в смысле защитника, ходатай, то евангельский текст допускает все вышеприведенные смыслы, является как бы смысловым аккордом. Пассивная форма особенно отвечает нашему толкованию участия Духа Святого в деле нашего собственного рождения духом. Правда, в Новом Завете мы имеем много примеров активного действия Св. Духа, где Он действует как организующее, побуждающее и образующее начало. Но в области человеческой автономии Дух Святой действует неслышно и невидимо, именно — молится за нас «воздыханиями неизреченными». В этом сказывается Его животворящая пассивность, Его кенозис. Здесь невольно напрашивается аналогия с текстом Книги Бытия (1, 2), где «Дух Божий носился над водой». Словом «носился» переведен еврейский глагол «рахав», который также означает высиживание птиц своих птенцов: птица-мать дает свое тепло и защиту, под влиянием которых зарождается самостоятельная жизнь в яйце. Если употребить весьма грубую аналогию, то можно сказать, что действие Св. Духа в автономной области самозидания человека подобно действию катализатора, который обуславливает или ускоряет химическую реакцию, но сам в ней участия не принимает. Пассивная форма

«Параклитос», на которую как будто никто не обратил догматического внимания, становится объяснима на фоне православного учения о божественном кенозисе (самоуничижении).

В подтверждение вышесказанному приведем слова еп. Кассиана, учнейшего толкователя новозаветного текста нашего времени. Разбирая текст Ин. VII, 39, он говорит: «Речь идет не о крещении только, но о домостроительстве Духа Святого в мире. Это домостроительство включает и благодать Духа, подаваемую в таинстве крещения, но ею не ограничивается».

Догматическое значение текста. В чем же заключается автономное рождение человека в духе?

Человеческий дух впитывает в себя разные влияния из окружающего его мира: добрые и злые. Наша личность образуется в меру преобразования нашего духа в том или ином направлении. Материал для нашего интеллектуального и нравственного роста мы черпаем из окружающей нас культурной и религиозной среды. Человек либо позволяет нести себя по волнам житейской случайности, либо находит интерес и силу преодолевать косность естественных законов и случайных либо нарочитых внешних стимулов для того, чтобы достигать цели, определенные его разумом и верой. В первом случае в судьбе человека действует детерминизм; во втором случае — правильно поставленный, христианский экзистенциализм. С христианской точки зрения человеческая личность не есть то, что она есть актуально, но то, чем она долженствует становиться. Из понятия личности неустраним динамический и аксиологический элемент.

В постоянной борьбе с данностью нам споспешествует Святой Дух. Сила и эффективность этого споспешествования является как бы функцией нашего духовного напряжения. В зависимости от нашего преуспевания, наши сердца все более и более открываются веянию в них Духа Святого. Можно повторить слова ап. Павла, что в меру нашего подвига и духовного созревания наши тела преобразуются в храмы Духа Св., который незримо и неслышно наполняет их своим сиянием. И, наоборот, каждый грех как бы вытесняет из нас это сияние, сгущает в нас мрак.

Соотношение Духа и духа может колебаться от зачаточного, чисто потенциального состояния вплоть до полного просветления, когда душа человеческая делается прозрачной для всего божественного.

Стяжание Духа Св. есть не факт, а процесс, именно — наше рождение Духом и в Духе, о котором говорил Иисус Христос Никодиму. Абсолютное исполнение нашего духа Святым Духом и предвлетает обожение человека.

Если мы, согласно с учением таких святых отцов, как Максим Исповедник или Григорий Палама, признаем, что наша душа символически тройственна, то из этого сможем сделать следующий вывод: так как во Святой Троице Бог Сын предвечно рождается в Духе Святом, то, следовательно, в меру стяжания нами Духа Святого в нас должен рождаться (проявляться) Логос. Ведь первая и вторая ипостаси Св. Троицы — диадичны⁶ и сизигийны.⁷ Об этом и говорит ап. Павел: «И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. II, 20). Рождение в нас Логоса является симптомом сознательного, осознанного, оразумленного созидания в себе «нового человека». Не сказано ли в Св. Писании: «Вы — боги и сыны Всевышнего — все вы» (Пс. 81, 6)? На слова эти ссылался и Сам Иисус Христос (Ин. X, 34—35). С нашей стороны это не есть дерзкая узурпация, но благоговейное и радостное внимание сынов словам любви Отчей, ибо: «А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими» (Ин. I, 12). И еще: «Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. V, 48).

Обратим внимание: одним фактом крещения благодать не сделала нас сынами Божиими; но Бог сам дал нам власть (мощь) ими становиться. Отказываться от этого высочайшего призвания — это значит довольствоваться положением раба в Отчем Доме, закапывать данный нам талант в землю. Ведь «Царство Небесное силою берется, и

употребляющие усилие восхищают его...» (Мф. XI, 12; Лк. XVI, 16).

«Как это может быть?» (Ин. III, 9).

Иисус Христос отклонил этот вопрос вопросом же: «Если Я сказал вам о земном, и вы не верите, — как поверите, если буду говорить вам о небесном?» (Ин. III, 12).

На этом, по существу, заканчивается беседа Иисуса Христа с Никодимом. Невольно возникает вопрос, почему же Господь не ответил Никодиму, что условием спасения является вера в божественность Сына Человеческого и праведная жизнь? Ведь каждый священник имеет право дать именно такой ответ вопрошающему его о бессмертии мирянину! Кошунственным было бы предполагать, что Иисус Христос преднамеренно скрыл от Никодима такую простую и удобопостижимую для него истину!

В загадочном этом ответе кроется глубокая тайна. Был ли вопрос Никодима вопрошанием праздного интеллектуального любопытства, или же искренним желанием узнать условия и способ практического свершения духовного рождения? Если принять первое предположение, то Иисус Христос мог бы принципиально отклонить праздное вопрошание, ссылаясь на абсолютную непостижимость «небесного» (та эпурация). Но из формы ответа скорее следует, что «небесное» недоступно уразумению Никодима не принципиально, а актуально. Подтверждение этому мы находим в словах Иисуса Христа, обращенных к избранным ученикам, которым Он в свое время объяснял притчи и поучал помимо притч: «Еще многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить» (Ин. XVI, 122). В этом свете ответ-вопрос Никодиму принимает характер жеста, указывающего в будущее.

Остался ли человек одинок перед лицом сфинкса-будущего? Должен ли он сам в муках тысячелетий рождать ответ на вопрос Никодима «Как это может быть»? И да, и нет! Здесь мы снова вернемся к области гетерономии и автономии. В сфере автономии человек сам должен решить загадку своего существования на земле, опознать его цель и найти средства к его достижению: это представляет задачу христианской философии. В сфере гетерономии, в помощь человеку послан Утешитель: стяжать Его дары для помощи и руководства в духовной жизни — это предмет религии. К учению о домостроительстве Духа Святого нам и предстоит перейти в конце нашего краткого исследования.

Миссия Святого Духа состоит в том, чтобы под влиянием Его животворного дыхания новый человек уразумевал «небесное». Христос не оставил людей «сырыми», не покинул их одними перед мучительной загадкой будущего, но послал «другого Утешителя», чтобы Он пребыл с ними вовек. Подчеркнув, что ученики-люди не в состоянии еще вместить того, что им следует знать, Иисус Христос обещал: «И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя... Утешитель же, Дух святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам... Когда же придет Он, Дух Истины, то поставит вас на всякую истину» (Ин. XIV, 16, 26; XV, 26).

Дух Святой пришел на землю в день Пятидесятницы, но люди не смогли еще «вместить» Его. Но с того дня на-

чался акт Домостроительства Духа Святого. В гетерономном Ветхом Завете, когда человечество было еще «в детском возрасте», Дух Божий сходил на избранных людей иногда даже независимо от их воли. «И было ко мне слово Господне: прежде, нежели Я образовал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя: пророком для народов поставил тебя» (Иер. I, 5). Но Новый Завет есть Царство благодати, свободы, автономии. Кенозис Духа Святого в Новом Завете состоит в том, что Он ожидает свободного принятия нами Логоса в наши сердца. Это и есть «длящаяся Пятидесятница». Нет пути в Царство Божие помимо логоса. «Я есмь путь и истина и жизнь...» (Ин. XIV, 6).

Путь в Царство Божие предполагает познание истины (разумный аспект) и крестоношение (нравственный аспект) в жизни. Дух же Святой — это Дух Истины и Животворящий Дух.

Может ли каждый человек осуществить в абсолютной степени эту Абсолютную Цель? Нам кажется, что отдельный человек призван к тому, чтобы осуществлять ее, но осуществить ее сможет лишь человечество-Церковь: осуществление это свершится в «тот день», когда Господь «излиет от Духа Святого на всякую плоть» (Иоил. II, 28).

1 О. С. Булгаков, Толкование на Евангелие от Иоанна, курс лекций (неизд.).

2 Монофизитство — еретическое учение о том, что божественная природа Иисуса Христа преодолела человеческую. Ересь эта возникла в V веке как реакция против учения Нестора о двуипостасности Иисуса Христа. Учение о единой (божественной) природе Иисуса Христа исповедуют ныне Коптская и Сиро-Яковитская Церкви.

3 Несторианство — еретическое учение Нестора, патриарха Константинопольского (V в.), о двух природах и двух ипостасях Иисуса Христа.

4 Пелагианство — еретическое учение Пелагия (нач. V века) о том, что человек сам, собственной заслугой, может обрести спасение. Пелагий полемизировал с бл. Августином, который утверждал, что решающим элементом спасения является божественная благодать. Расхождение между этими двумя богословами сначала было небольшое, но со временем, ожесточившись, они оба пришли к крайностям. В частности, бл. Августин в результате этой обостренности полемики, начал утверждать, что Бог заведомо и изначально предопределил одних людей ко спасению, а других к погибели. Это еретическое учение бл. Августина о «репробации» замалчивается обыкновенно Римско-католической Церковью.

5 В. Зеньковский, Автономия и теонимия, «Путь», III, Париж, 1926.

6 Диадичный — (греч.) от «диада» — двоица, пара полюсных понятий или реальностей.

7 Сизигийный — (греч.) от «сизигия» — парное сочетание, парная запряжка, содружество. Стойки во всяком предмете усматривали пару понятий, как, например, активный и пассивный. Диалектика св. Максима Исповедника оперирует сизигиями как теми парами крайних понятий, которые позже встречаем у Гегеля как тезис и антитезис.

К. ВОЛЬНЫЙ

Пятое освободительное движение. Демократы

Очерк Вольного «Интеллигенция и демократическое движение», из которого мы печатаем здесь последнюю часть, посвящен прошлому и настоящему русской интеллигенции и ее борьбе за свободу. Он распространяется в Советском Союзе в Самиздате.

Первая часть статьи Вольного — это исторический очерк о русской интеллигенции. Вольный возносит ее на пьедестал, но, к сожалению, показывает только одну линию ее развития, только один ее аспект. У нее были и

другие аспекты. Разбирать здесь подробно непопулярную часть статьи не приходится, но все же хочется указать на одну очень часто встречающуюся ошибку. Она касается оценки некоторой части декабристов. Вольный пишет: «В движении декабристов существовало два течения: 1) Умеренное, конституционное (Н. Муравьев), 2) радикальное, демократическое (Пестель). Первое ставило своей целью установление конституционной монархии, отмену крепостного права, сохранение крупного помещичьего землевла-

деня, наделение крестьян минимальным доходом в две десятины на душу. Второе считало необходимым установить демократическую, парламентарно управляемую республику с гарантией всех политических прав и свобод гражданам, отменить крепостное право, безвозмездно наделить крестьян землей с частичной конфискацией помещичьего землевладения, поощрять частное предпринимательство» (Манускрипт, стр. 5—6).

К сожалению, то, что Вольный говорит об идеях Пестеля, покоится на огромной ошибке. «Русская правда» Пестеля, где он рисует свое идеальное государство, никаких прав и свобод для граждан не предусматривает. Это — рационалистическое государство с жестокой диктатурой, в котором каждый гражданин должен всецело подчиняться интересам государства. Пестель предусматривает такую систему слежки за гражданами, что царское III Отделение в сравнении с этим кажется детской игрушкой. Доносительство должно быть вменено гражданам в неприменную

60-е годы явились переломным моментом в развитии нашей интеллигенции. Согласно периодизации, данной в книге С. Радонежского «Мир, человек, время» ч. 2, в конце 60-х годов завершается 25-летний «подростковый» период развития нашей интеллигенции, которая в целом характеризовалась небогатым разумом, духовной незрелостью, животной или искусственно привитой нравственностью, с первыми смутными инстинктами самоутверждения. Одновременно начинается новый 25-летний «молодой» период развития интеллигенции, которой здесь будут свойственны «духовное пробуждение, поиск новых ценностей, новые человеческие формы нравственности, яростная борьба за самоутверждение».

После самоуглубленной внутренней работы дух интеллигенции, видимо, начинает требовать активного приложения своих сил и к внешним формам общественного бытия. Это подтверждается и внешними событиями. Несмотря на усиленный идеологический нажим и пропагандистскую обработку режим все более явно теряет духовную почву под ногами. Укажем, что еще в 1946 г. основывается Высшая партшкола, создается около 80 двухгодичных партшкол, вводится принудительная политучеба. Только в 1949—50 г. через сеть политучебы прогнали более 8 млн. человек. Все это лишь русский вариант изучения цитатников Мао Цзэ-дуна, которое у нас иногда непрочь лицемерно покритиковать.

После кратковременной оттепели уже Хрущев был вынужден ту же завинтить идеологический пресс, а Брежнев открыто провозгласил доктрину «обостренной идеологической борьбы» и пытался возродить элементы сталинизма. Но внутренние процессы в интеллигенции все нарастают, о чем свидетельствует ряд внешних фактов. Мы лишь бегло перечислим некоторые из них, надеясь, что читатели сами в рабочем порядке исправят или дополнят текст не названными здесь фактами и событиями:

1965 — первый арест генерала Григоренко, писателей Даниэля и Синявского, Юлии Вишневской.

1966 — процессы Даниэля и Синявского, 9 студентов ЛГУ*) за издание журнала «Колокол», художников-монументалистов в Киеве, арест Черновола, демонстрация Хаустова и Буковского.

1967 — процессы Хаустова и Буковского, «Христианско-демократического союза» в Ленинграде, арест Гинзбурга, Галанскова и Лашковой за издание журнала «Феникс-66», обращение П. Якира, Кима и Габая к сов. интеллигенции.

1968 — процессы издателей «Феникс-66», выстрел Ильина у Никитинских ворот Кремля по правительственному кортежу, демонстрация Литвинова, Богораз-Даниэль, Дремлюги, Делоне, Бабицкого, Файнберга, Горбаневской

обязанность. Этот документ является действительно предтечей большевизма. Звучит почти как насмешка то, что немец Пестель назвал свое ужасное государство «Русской правдой». Если принять во внимание, что император Николай I читал этот документ, многое в его действиях становится более понятным.

На примере этой ошибки Вольного мы хотели показать, что недифференцированное восхваление русской интеллигенции и всех прежних революционных движений не соответствует исторической истине. Напомним в связи с этим «Вежи», а также статью современного автора О. Алтаева, «Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура» («Зарубежье», № 1 (29), март 1971 г.).

Но идеи, вдохновляющие сейчас Вольного и его сподвижников, — это те идеи, которые непременно станут по крайней мере одной из компонент будущего России. Нам они представляются очень ценными, а потому мы и печатаем эту часть очерка.

на Красной площади против вторжения в Чехословакию и их арест, воззвание Яхимовича к КПСС и его арест, арест московских интеллигентов Габая, Григоренко, Краснова-Левитина, ленинградских интеллигентов — Гендлера, Квачевского, Данилова, Шашенкова, появление брошюры академика Сахарова, обращение эстонской интеллигенции к Сахарову.

1969 — процессы в Горьком, Куйбышеве, Краснодаре, Севастополе, Харькове, процесс по делу «Союза борцов за политическую свободу», основанного группой офицеров Балтийского флота во главе с Гавриловым, арест Красина и Горбаневской в Москве, 18-летней девушки В. Новодворской, разбрасывавшей листовки до Дворце Съездов, выход брошюры Амальрика, исключение А. Солженицына из Союза советских писателей, опубликование в октябре «Программы демократического движения», «Манифеста русской социалистической партии» в Ленинграде, обращение в ЦК Сахарова, Турчина и Медведева с 14 требованиями демократизации.

1970 — процессы в Ленинграде, Киеве, Новосибирске, Рязани, Обнинске, опубликование тактических документов демократического движения, интервью западным телекорреспондентам деятелей демократического движения П. Якира, Амальрика и Буковского (гражданский подвиг!), арест Пименова, Амальрика и многих, многих других...

Это лишь некоторые отрывочные факты деятельности и имена из мартиролога молодой интеллигенции. И да простят автору те герои и мученики, чьи имена здесь по неосведомленности не названы...

Демократическое движение является детищем молодой интеллигенции, которое КГБ изо всех сил стремится задуть в колыбели. Только за неполный 1969 г. было арестовано более 160 участников движения. В демократическом движении в настоящее время имеется два течения: а) либеральное («14 пунктов»), требующее демократизации под руководством КПСС и б) радикальное («Программа ДДС» 1969), стремящееся опереться на все организованные или неорганизованные политические силы общества в деле построения свободного демократического общества в рамках правового государства.

Демократы провозгласили своим священным незыблемым принципом — СВОБОДУ как основу политической, экономической, культурной и национальной жизни общества.

Но выполнение этой великой исторической задачи встречает большие трудности в нашей стране: сверху — давление и преследование невиданного в истории тоталитарного режима, снизу — несвободолюбивый народ, не понимающий права и склонный к насилию, рядом — многочисленный, но культурно отсталый, политически незрелый и нравственно безразличный класс людей интеллектуальной сферы...

*) Ленинградский Государственный Университет.

Умерло чувство свободы, потеряна вера в общественные движения, скомпрометирована идея народного представительства, выкорчеваны традиции земского и городского самоуправления царской России, еще мало подлинной политической интеллигенции, отсутствуют политические партии, без которых демократия не функционирует..

Свобода рождается в муках, среди всеобщего недоброжелательства. Что и говорить — трудности немалые!

Поэтому в нашем трусливом и пассивном обществе, где нет настоящей общественной жизни, раздаются голоса о якобы бесцельности и неминуемом поражении движения. Эти люди не понимают, что любые режимы — временны, народы — воспитуемы (если этим серьезно заниматься!) и лишь в руках интеллигенции находятся исторические судьбы общества.

В противовес этим нытикам и маловеерам мы приводим слова глубоко уважаемого нами общественного деятеля о том, что демократическое движение положило «начало н е о б р а т и м о м у процессу самоосвобождения» в нашей стране (из письма П. И. Якира к А. Амальрику от 28 марта 1970 г.). Пусть поймут эти люди, что именно эти перечисленные трудности, являющиеся тяжелой болезнью нашего общества, и обязывают демократов к их священной борьбе. Только демократическое общество и борьба за него — подлинная школа морального воспитания нашего народа и интеллигентной личности.

Как честные и мыслящие люди, демократы открыто заявляют, что неумелое введение демократии может в крайнем случае в условиях нашей страны привести к следующим явлениям:

- 1) Анархический разгул масс из-за неподготовленности народа к свободе после снятия цепей, 2) паралич власти из-за необоснованной критики, бойкота и саботажа масс, 3) господство воли неквалифицированного большинства, могущее питаться узким и несправедливым эгоизмом, 4) падение социальной дисциплины, непослушание законам, ибо свобода, ослабление нажима, возможно, будет пониматься как слабость, 5) возможность политических авантюр со стороны экстремистов, максималистов и ловких демагогов, 6) опасность насилия и гражданской войны из-за разжигаемого эгоизма, зависти, ненависти различных общественных слоев, 7) падение физического могущества государства из-за волны общественной критики, протестов, разоблачений, бойкотов, забастовок и т. д., 8) оживление капитализма и частнособственнической психологии с их напористостью и бездушием, 10) уменьшение державы за счет выделившихся наций.

Но эти явления возмещаются следующими достоинствами демократии:

- 1) Устранение деморализующего влияния диктатуры, привитие навыков общественно-политической жизни и дисциплины, 2) ответственность власти перед обществом, невозможность преступлений с ее стороны, сведение ее ошибок к минимуму, 3) критика и политическая деятельность квалифицированного меньшинства, 4) превращение произвола в устойчивый правопорядок, образование честного класса управляющих, воспитание правовой личности, 5) возможность политического созревания общества, 6) возможность медленной органической подготовки более совершенных форм общества, 7) подъем духовной и моральной мощи страны, возникновение ее всемирного нравственного авторитета, 8) насыщение материальных потребностей приведет к росту высших духовных потребностей, 9) подъем благосостояния, контакт с остальным миром, выход из политической и экономической изоляции, 10) переход от мировраждебного милитаристского великодержавия к общечеловеческой солидарности, ко всемирной консолидации вокруг ООН или другого мирового центра.

В усилении и наращивании этих 10-ти положительных тенденций и состоит искусство демократии.

Русское самодержавие (1000 лет), иноземное иго (250 лет), крепостное право (265 лет) и покосная, нерушимая сельская община («мир») произвела на свет рабство и бесправие, приучили к жестокости и подавили личную инициативу в нашем народе (что мы наблюдаем ежедневно!). Свобода, неразлучимая с понятием о человеческом достоинстве, не вошла в плоть и кровь нашего народа, он не понимает ее смысла, не умеет пользоваться ею, применять ее в своей жизни. Свобода понимается как слабость и расценивается как повод к озверелому буйству, тираническому насильничеству, кощунству и надругательству. Любая свободная политическая борьба стремится превратиться в хулиганский разгул, в междоусобицу... Демократия не наступит простым введением законов и учреждений. Это лишь форма. Содержанием ее может быть только гражданская зрелость народа. Последняя же невозможна без искоренения векового русского рабства и хамства из души народа уже в ходе самой борьбы за демократию и против диктатуры.

Для нас, демократов, любая диктатура, любой тоталитаризм — это лишь переодетый милитаризм, средство достижения физического могущества, сопровождающееся неизбежным культурным и моральным упадком общества. Опыт 20 века с двумя мировыми войнами наглядно показывает, что лишь диктаторские государства провоцируют и развязывают войны, демократия же от них лишь защищается (Франция, Англия, США).

Какими ресурсами располагает движение?

Демократическое движение опирается в своей борьбе на свобододобивую интеллигенцию и лучшие слои рабочих и крестьян. В этом всесословность движения. Демократов ни в коей мере не смущает, что основная масса людей интеллектуальной сферы занята бытательскими хлопотами, крестьянство — первоначальным накоплением, а рабочие обмещаниваются и удовлетворены социальным продвижением из бедной колхозной деревни в относительно благоустроенный город. Еще народники и славянофилы, идеализируя Россию, предсказывали ей скачок «через обывателя-мещанина» прямо в царство духа. Но мещанский быт с его массовой мещанской культурой, мещанским образом жизни и мышления — это господствующий ныне этап исторического развития, начавшийся с 1918 г. Он неизбежен с ростом мелкой собственности. Торжествующее мещанство — это хотя и варварская, но все же форма цивилизованного развития. Пресыщенность материальными благами вызовет кризис мещанства, и повернет его лицом к духу. И тогда оно будет дополнительной социальной почвой для будущего духовного возрождения России. В своей организационной политике демократы сейчас принципиально не гонятся за массами, которые в данный момент лишь разбавят гвардию свободы. Демократия начинается с первого ее борца и сторонника. Один борющийся демократ сделает больше, чем тысячи неустойчивых и нетвердых в морали людей. Один свободоборец стоит больше миллиона обывателей. Близким и необходимым союзником демократов является мощное религиозное движение СССР (15—20% от общ. населения), ибо демократия — наилучшее условие для свободной религиозной жизни и начальный этап христианизации жизни общества. В этом вселенское движение. Естественным и ценным союзником демократов является национальное движение народов СССР, ибо демократия — лучшее условие для подлинного самоопределения и основа свободной самоорганизации национального бытия. В этом интернациональность движения.

Демократам помогает также сочувствующее общественное мнение лучших людей нашего общества и всего мира, вдохновляет моральная поддержка лучшей части человечества.

На пользу демократии работают также установившиеся чисто внешне республиканские формы сов. общества, дух третьей расчетливости и стремления к равенству, усилившийся после революции. Наконец, основным отрядом и боевой силой демократии являются сами участники движе-

ния. Их общее число (далеко не полное и тех, по которым имеются данные) составляет около 270 тысяч человек. Его руководящий актив насчитывает — 20 тыс., постоянных рядовых участников — 180 тысяч и периодически участвующих — 70 тысяч. При этом мы не считаем миллионов людей — участников религиозного и национального движения, просто сочувствующих.

Политическое освобождение нашего общества — дело не одного дня. Демократия прочна, если она созревает во внутренних, органических процессах, в противоречиях тирании, а не во внешних и механических. Свободу надо полюбить и выстрадать... И здесь решает не историческое мгновение, а годы исторической работы.

Огонь свободы не должен вспыхивать опустошительным пожаром, не тлеть, угасая, под пеплом, а неуклонно разрастаясь в наших сердцах, нести обществу тепло и свет.

По нашим рядам еще не раз пройдет карательная машина, снимая свою страшную жатву нашими страданиями, кровью, быть может и жизнями. Не первый раз свободолюбивая интеллигенция восходит на Голгофу под крики «Распни его!».

Но мы вновь и вновь будем воскресать, и если от нашего 250-миллионного общества останется хотя бы 250 человек, — будем продолжать наше высокое дело!

Демократическое движение — не только достояние нашей страны. Это величайшее историческое движение человечества, выросшее из этических потребностей человека в достоинстве, свободе, праве и равенстве. Демократия — это также и культурный идеал современного человека, воплощение его чувства справедливости.

И поэтому говорим мы — будущая Россия может быть лишь страной великой демократии!!

Ю. КРОТКОВ

История майора Сквайрса

Предлагаемая вниманию читателя статья — это глава из неопубликованной рукописи Ю. Кроткова о деятельности КГБ.

Ю. В. Кротков, писатель и киносценарист, бежал в сентябре 1963 г. на Запад. За это время в русских эмигрантских органах появилось немало его рассказов и статей. Серия статей в «Новом русском слове» «КГБ и интеллигенция» (сентябрь 1970 г.) автобиографична и рассказывает о том, как многие писатели, артисты, художники были завербованы КГБ и являлись его кооптированными агентами, оставаясь одновременно писателями, артистами, художниками. Ю. Кротков был завербован в 1946 г. и вплоть до своего бегства «работал» с иностранцами.

Однажды Румянцев¹ попросил меня «приодеться» для встречи с высоким начальством и предупредил, что встреча будет официальной и произойдет в здании МГБ. В определенный день и час я явился на Лубянку. В бюро пропусков был заказан мне пропуск. Его проверяли два или три раза. Я поднялся на шестой этаж, кажется, тот же самый, на котором в свое время сидел Судоплатов. Сначала меня встретил Румянцев, провел к себе, в длинную, темноватую, достаточно замызганную комнату, в которой стояло три-четыре стола. Это был штаб его отделения. Затем Румянцев повел меня к Федору Шубникову.² Миновав секретариат и приемную, мы вошли в небольшой, но изящно обставленный кабинет Шубникова. Там я застал самого Шубникова, Павловского и Медведева.³ Шубников встретил меня весьма радушно. Медведев смотрел на меня исподлобья. С Павловским мы были старыми «приятелями». Во время разговора в кабинете оставался и сияющий Румянцев (он шел в гору). Слева от Шубникова, на маленьком столике, стояли специальные телефонные аппараты, в том числе аппарат ВЧ⁴ и «кремлевка». Шубникову звонили, он очень четко и коротко

Его, к сожалению, еще неопубликованная рукопись дает ясную картину, как КГБ старается поймать в свои сети каждого иностранца, находящегося в СССР, в том числе и послов иностранных держав. Ю. Кротков участвовал в удачной, с точки зрения КГБ, акции по отношению к послу Франции Дежану и неудачной попытке завлечь в сети КГБ посла Индии Кауля.

До сих пор еще не было опубликовано ни одной книги, которая бы так подробно вскрывала эту сторону работы КГБ. Поэтому редакция считает этот разоблачающий материал весьма важным и надеется в будущем поместить и другие отрывки из этой рукописи.

отдавал распоряжения. Раз он говорил с самим министром, произнося слова «товарищ министр», но при этом не унижаясь, с достоинством. В Шубникове чувствовалась внутренняя собранность и острый, ясный ум. По ходу дальнейшей беседы он часто перебивал Павловского, даже прикрикивал на него.

Выяснилось следующее. В ГДР, в районе Шверина, через границу переехал на своем «Фольксвагене» английский офицер, майор Ричард Сквайрс. Он решил не возвращаться на родину и просил политического убежища. Наши оперативники немедленно на самолете переправили его в Москву и поселили на даче в Малаховке. Павловский почему-то стремился представить мне Сквайрса как разведчика и вообще человека подозрительного, но Шубников, оборвав Павловского, сказал, что это чепуха и что Сквайрс не имеет никакого отношения к разведке, что он армейский офицер, занимавшийся в Рейнской армии вопросами обучения солдат.

Передо мной поставили вопрос: могу ли я «вместе» со Сквайрсом написать книгу о его жизни, книгу, которая, разумеется, была бы направлена против политики Англии и вообще против «империализма». Таково было указание генерала Питовранова.⁵ (Это был «разгар» холодной войны. Кажется, уже вышла книга Анабеллы Бюкар «Правда об американских дипломатах»). Вероятно, Сталин требовал от своих подчиненных книг, которые можно было бы противопоставить книге Кравченко «Я избрал свободу».

¹ Румянцев, майор МГБ, в дальнейшем полковник, мой первый «шеф». В то время он заведывал отделением Великобритании, во Втором Главном управлении МГБ.

² Федор Шубников, заместитель начальника Второго Главного управления МГБ СССР.

³ Полковники Павловский и Медведев, помощники Шубникова, начальники отделов во Втором Главном управлении.

⁴ Телефон ВЧ означает правительственный телефон высокочастотный.

⁵ Генерал Питовранов, в то время начальник Второго Главного управления МГБ СССР.

Мог ли я отказаться? Нет, не мог.

Несколько дней спустя, мы с Павловским выехали в Малаховку. По дороге почему-то зашел спор о национальностях и Павловский стал доказывать, ссылаясь на «классиков» и приводя цитаты, что в будущем национальные признаки будут стираться и возникнет единое коммунистическое общество. У станции Малаховка мы зашли в «деревяшку», я выпил квасу, Семен «пропустил» свои обычные 150 граммов. Когда сели в мой «Москвич», Семен вдруг начал отступать и говорить, что вопрос с национальностями чрезвычайно сложный и что вряд ли будет создано единое общество. Я понял, что он, на всякий случай, решил отгородиться от «космополитов», которых тогда преследовали. Книжник — книжником, эрудиция — эрудицией, а самосохранение, конечно, прежде всего. Вероятно, благодаря этому инстинкту самосохранения, чекист-еврей Павловский благополучно закончил свою карьеру в доме умалишенных, а не в тюрьме.

Да, между прочим, Павловский предупредил меня в машине, что Сквайрс живет не один, что с ним немка, по имени Лотти, которая является как бы «женой» англичанина.

Ричард был высоким, достаточно сдержанным, но с улыбкой, черты лица его были тонкими, манеры хорошими, в разговоре он обнаружил природную у англичан склонность к юмору. В движениях чувствовалась военная выправка. Лотти оказалась такой, какой я ее себе представлял: полноватая немка, мягкая, добрая, покорная, женственная. Сквайрс объяснялся с ней по-немецки. Английским языком она не владела.

Дик встретил нас на открытой террасе. Павловский здесь уже бывал не раз. А меня Сквайрс, судя по всему, ждал. Вероятно его предупредили. Во дворе разгуливал Алексей, сотрудник первого управления МГБ, охранявший со своим сменным Сквайрсом днем и ночью. Собственно, их было даже трое. У каждого, конечно, был пистолет. Алексей, худощавый, с вьющимися волосами, носил его почему-то без кобуры, просто заткнутым за пояс, под пиджаком, разумеется.

В доме была еще женщина из МГБ, которая готовила пищу и убирала комнаты.

Сразу за террасой помещалась гостиная, она же столовая, справа из гостиной был вход в спальню, в глубине, около кухни, была еще небольшая комнатка без особого назначения, а лестница вела на второй этаж в мансарду, в которой я вскоре и поселился. Двор был просторный и зеленый, с типичным подмосковным сооружением — душем с баком, куда наливалась подогретая солнцем вода. Уборная находилась в самом конце двора и имела, так сказать, азиатскую систему, без канализации, но с крышей над головой и фанерными щитами вокруг...

В тенистом углу двора стоял стол для игры в пинг-понг. У Дика была пишущая машинка с латинским шрифтом, которую, кажется, он привез с собой. На ней он и печатал днем, после завтрака, свои «мемуары». Я заранее прочитал в Москве то, что уже было написано Диком, и понял, что этого материала для книги абсолютно недостаточно, мягко и доброжелательно говоря, и что он вовсе не той «консистенции», которая требовалась. После разговора с Диком я убедился в том, что рассчитывать на его помощь не приходится. Все, что он знал, все, что он испытал, служа в английской армии, было ужасно обыденно и с политической и с идеологической точки зрения ничем не примечательно. Пришлось искать дополнительные источники. Тут я вспомнил о наших «зеленых»⁶ бюллетенях. Павловский нашел их в секретариате Абакумова.⁷ В течение нескольких дней с утра до вечера я сидел на Лубянке, в малюсеньком кабинете Павловского, и читал эти

⁶ «Зеленые» бюллетени — это совершенно секретные бюллетени, которые составлялись в Бюро Информации СВАГ (Сов. Военная Администрация в Германии) для советского правительства о положении в Германии. В 1947 году я находился под «крышей» этого Бюро информации в Берлине, выполняя задания МГБ.

⁷ Абакумов, в то время министр МГБ СССР.

сверхсекретные бюллетени Бюро информации СВАГ, выписывая из них что-либо интересное, «обличительное», что можно было бы вложить в уста Сквайрса не дезавуируя источник. Примечательно, что несмотря на доверие, которым я пользовался у Шубникова, да и у Павловского, конечно, в кабинете со мной постоянно находились либо сам Павловский, либо Владимир Самойлов, один из помощников Румянцева. Помню, как однажды в моем присутствии зазвонил телефон. Павловский поднял трубку и, по разговору, я догадался, что генерал Райхман⁸ поздравил Павловского с новой наградой, новым орденом Красной звезды. (Уж не за Сквайрса ли, авансом?).

Кое-какие сведения я подобрал и в Экономических бюллетенях Бюро информации СВАГ.

Затем, вернувшись в Малаховку, я взялся за дело.

Я работал днем. После обеда и вечером мы отдыхали и развлекались как могли. Мой «демократический» нрав расположил ко мне охрану, а, кроме того, все трое считали, что я «свой». И вот какую поразительную историю я узнал от сотрудников первого управления МГБ. Лотти, проживавшая в Шверине, по их сведениям, специально была послана в Рур для того, чтобы «подцепить» какого-либо английского офицера. Это была одна из операций МГБ, по их сведениям. Как они мне рассказали, Лотти поступила работать к Сквайрсу в качестве прислуги. А у Сквайрса была жена, о чем, между прочим, он мне ничего не говорил. Жил Ричард, по сведениям МГБ, я упорно это подчеркиваю, где-то под Дюссельдорфом. Это мне говорил и Сквайрс; мы с ним нередко вспоминали обоим знакомые места, так как я не скрывал, что в качестве советского журналиста, посещал английскую зону оккупации Германии. В дальнейшем, по версии охранников, Дик влюбился в Лотти и сначала связь эта утаивалась от жены Дика. Потом же, когда эта связь, вернее любовь, стала очевидной и скрывать ее было нельзя, произошло объяснение с женой. Решили какое-то время сохранять внешний декорум. Это было в дальнейшем, ясно: Дик и Лотти бежали в советскую зону, захватив с собой то, что было возможно, в смысле вещей. Не случайно Дик пересек границу около родного Лотти Шверина. Собственно, об этом и о том, как он на «Фольксвагене» подъехал к советской комендатуре в Шверине, рассказывал мне сам Сквайрс.

Любопытная деталь: чекисты, доверившие мне эту историю, в комментариях к ней откровенно осуждали Лотти и сочувствовали Диду...

Сквайрс о своих семейных делах и вообще об интимном со мной почти не говорил, он избегал этой темы. А я и не настаивал. Однако я видел, что он действительно был влюблен в Лотти и что она для него стала главным в жизни. Ради нее он распрощался с Англией и дезертировал из армии. Как иначе он мог соединить себя с Лотти, будучи католиком и женатым? Что же касается политических убеждений, то их у Дика, по моему, просто напросто не было, или это была для него прежде область острот и шуток, как это принято у англичан до момента, когда на их головы начинают падать бомбы. Правда, он заявлял мне очень неуверенно и даже стыдливо, что хотел переехать в «лагерь социализма» по внутренним мотивам. (Что он имел в виду под внутренними мотивами?). Но характер Дика никак не соответствовал этим заявлениям и своим человеческим инстинктом он, разумеется, не принимал социализма в его конкретных проявлениях. А последний начинал о себе давать знать...

Происходили постепенные метаморфозы. На моих глазах Ричард, как человек, подвергался ломке. Он совершил поступок, о дальнейших последствиях которого он не подумал, а если и подумал, то по-своему, легко и наивно, главным образом руководствуясь своим чувством к Лотти. Однако в дальнейшем, несмотря на то, что он все же был достаточно изолирован от реальной жизни и сидел

⁸ Генерал Райхман, в то время заместитель Питовранова, то есть заместитель начальника Второго Главного управления МГБ.

в Малаховке, несмотря на то, что он улавливал лишь отраженно отдельные черты этой жизни, он, тем не менее, стал постигать весь ужас содеянного. Но отступать он не мог: а Лотти? В то же время Лотти же и была для него защитой, укрытием: чувство к ней его выручало и утешало. Повторяю, на моих глазах, Ричард, как человек, подвергался ломке. Это были чисто психологические, разумеется, истязания. Переносил их Сквайрс легче, чем переносил бы их, скажем, русский. Ведь англичане очень часто относятся к психологическим переживаниям, как к арифметической задаче или к кроссворду, и вовсе не тратят душевных сил. В этом их огромное преимущество и в этом их спасение.

А физически все было, разумеется, вполне сносно. Дика и Лотти кормили, поили (почему-то мне запомнились постоянные сосиски с пюре). Дикю даже сшили в ателье МГБ новый костюм (приезжал специально портной, снимал мерку), несколько мешковатый, с длинными рукавами, но Дик не возражал, не возражать же против советских мод! Он гулял по саду, за пределы которого, правда, выходить ему было запрещено. Он играл в пинг-понг (весьма посредственно, увьи!). А главное — он был с любимой женщиной, которая, кстати сказать, и это очень существенно, забеременела от него и тем самым привязала его к себе еще больше. Мне вспоминается сцена: приехал Павловский; Дик, Лотти и Семен уединились в спальне, закрыв за собой дверь. Там происходило совещание. Решался вопрос: что делать Лотти? Аборт? Или рожать? Вот тогда и была решена участь будущей дочки Сквайрса-Диксона: МГБ подарило ей жизнь (счастливую ли?).

Да, как мне известно, позже у Сквайрса родилась дочь. А разве существуют на свете категории сильнее таких, как любовь, жена, дочь?

Любила ли Лотти, со своей стороны Ричарда, если учитывать ее связь с МГБ и поездку в Рур со спецмиссией?

Я боюсь точно ответить на этот вопрос, ибо тут скрывается, с моей точки зрения, феномен. Мне кажется, что Ричард для Лотти также был единственным утешением. Ведь родители ее остались в Шверине. Работала она в МГБ или просто использовалась на разовых началах или в «темную», но жизнь в Подмоскowie для нее выглядела как ссылка. В этих условиях, конечно, Дик стал ей близким и родным человеком. А, может быть, она его и любила. В практике этой жизни так бывает сплошь и рядом: начинается с делового альянса, при участии МГБ, а затем перерастает в человеческую любовь, кстати, весьма опасную для МГБ. Да, бывает. И один Бог знает, о чем Дик и Лотти говорили или до сих пор говорят один на один в ночное время, вероятно шепотом, все еще побаиваясь микрофонов в стенах.

Наблюдая Дика и Лотти, я часто вспоминал запомнившийся мне со студенческих лет рассказ Тика или Новалиса, в котором влюбленные поселяются в доме, к которому ведет лестница, и в зиму, в холод, не имея дров, топят печь, разрушая постепенно деревянную лестницу, тем самым изолируя себя от внешнего мира...

Когда же вопрос касался основного — его книги, Дик смиренно опускал голову, понимая, что будет написано нечто вовсе не соответствующее его знаниям, его взглядам на вещи, его опыту, нечто диаметрально противоположное. Короче, он понимал уже, что для книги используется лишь его имя и звание британского офицера.

Я переводил ему некоторые отдельные страницы, написанные мною. Сначала он осторожно возражал, а затем, как-то вспыхнул и устроил мне солидный скандал. После этого он даже перестал со мной разговаривать и мы ели сосиски с пюре молча. За столом только Лотти виновато улыбалась и тоже, разумеется, молчала. Наступили тяжелые дни. Я позвонил со станции Павловскому. Он срочно приехал и заперся со Сквайрсом в спальне. Они беседовали часа полтора. И Сквайрс стал с тех пор тише воды и ниже травы. Он со всем, решительно со всем, отныне соглашался. Я выдумывал за него различные истории, используя посторонние источники. Он соглашался. Я врал. Он соглашался. Человек превратился в по-

слушное орудие нашей пропаганды. Не раз я ловил на себе ненавидящий взгляд Сквайрса, хотя он великомерно понимал, что не во мне дело. Не раз он хотел сказать мне, что он сожалеет о том поступке, который он совершил. Но он не говорил, молчал, боялся. Да, он боялся, потому что уже на деле, в реальной ситуации понял, что такое советская государственная машина и на каком «топливе» она работает. Прав у Ричарда никаких не было (а у кого они в СССР есть?). То, что он получил политическое убежище, ничего не меняло и ничего к его несправии не прибавляло. А поехать, скажем, в Москву, на Софийскую набережную, явиться в Британское посольство с покаянием он не мог, и не потому, что его страшило наказание за дезертирство из армии, а просто потому, что его сторожил Алексей. Он сторожил его не от англичан, которые, по словам Павловского, могли попытаться «схватить» Сквайрса, а от самого Сквайрса, чтобы он не имел возможности поехать в Москву на Софийскую набережную. А к тому же, что было бы в этом случае с Лотти? А будущий ребенок?

Ричард все более замыкался в самом себе и в своих семейных делах, стараясь не замечать того, что происходит вокруг него.

Так продолжалось около месяца. Написав первые три главы, я отдал их машинистке МГБ. Она приехала специально из Москвы и перепечатала все начисто для начальства. Затем эти три главы читали Павловский, Медведев, Шубников и в заключение Питовранов.⁹ Кто-то из них, кажется Питовранов, остался неудовлетворенным. Я думаю, что мне не удалось выразить достаточно четко основную мысль. Я думаю, что я пытался все же оставить что-то от Сквайрса, то есть не обезличивать книгу окончательно. Вероятно, получилось слишком «либерально», мягкотело. Да и фактов все же было маловато, да и факты-то были не очень хлесткими, недостаточно скандальными. Я переделал эти три главы. Но опять получалось не то, чего хотел генерал Питовранов. Ему нужна была бомба, пропагандный удар, шумная история, которую могли бы раздуть наши газеты и газеты «наших друзей» за рубежом. Так, вероятно, запланировал и Абакумов. Так, наверное, приказал Сталин.

Меня торопили. Последнее время я работал уже вовсе безо всякой консультации со Сквайрсом, вставлял в его книгу Бог знает что: и сцену взятия Берлина, и разговор с комендантом Берлина, и Динкельбаха, и Курта Шумехера, которых Дик не только в глаза не видел, а о которых он даже не очень много знал. Он окончательно смирился и смотрел на меня теперь просто усталым и безразличным взглядом. А разве я был виноват? Впрочем, может быть, да.

Представляю, что пережила в аналогичной ситуации Анабелла Бюкар. Читатель, вероятно, не помнит, а может быть и не знает, что случилось с Бюкар. Она работала шифровальщицей в посольстве США в Москве. Затем она познакомилась с известным певцом Московской оперетты Лапшиным. Его подсунило МГБ. Бюкар влюбилась в Лапшина. Мышеловка захлопнулась. Бюкар вышла замуж за Лапшина, несколько лет она появлялась на улице в сопровождении двух, не одного, а двух Алексеев (может быть у нее были Иваны или Петры). Родила ребенка, потом еще одного. Позже поступила во Всесоюзный радиокомитет и стала диктором в американском вещании. Ее голос и сегодня звучит в эфире и знаком тем, кто слушает московское радио на английском языке.

Анабелла Бюкар, «написала» книгу «Правда об американских дипломатах». Кто «потел» за нее, я не знаю. Наверное какой-либо кооптированный «литератор» моего типа. Но эта книга в свое время действительно нашумела. Дело дошло до того, что на «Мосфильме» предполагали снимать кинокартину по этой книге, под названием: «Прощай, Америка». И если я не ошибаюсь, то снимать ее собирался один из наиболее талантливых советских

⁹ Опять упоминается начальник Второго Главного управления МГБ СССР генерал Питовранов.

кинорежиссеров и писателей Александр Долженко.

Я уже не помню почему, но дело это сорвалось...

Знаю лишь одно. Это я знаю точно. Бюкар, по прошествии многих лет, продолжала внутренне сожалеть о содеянном. Но возврата к прошлому не было. Семья, дети.

Судьбы Бюкар и Сквайрса очень схожи. К ним можно было бы прибавить еще несколько десятков подобных.

Как-то, встретившись с Павловским, я посоветовал включить в работу над книгой Сквайрса Георгия Беспалова как знатока Германии и талантливого журналиста. Я понял, что одному мне с этим делом не справиться.

Моим советом воспользовались в том смысле, что я выехал из Малаховки, а туда въехал на время Беспалов. Я не уверен, что Георгий Михайлович жил в Малаховке, но он часто там бывал и принимал активное участие в написании последнего варианта книги Ричарда Сквайрса, которая получила название «Дорогами войны. Записки английского офицера». Однако, в дальнейшем оказалось, что и Беспалова недостаточно и ему одному не удалось состряпать подходящее блюдо для генерала Питовранова, вернее для того, чтобы Абакумов мог подать это блюдо к столу Сталина. По инициативе Беспалова, к делу привлекли немецкого автора, я не знаю точно, но, кажется, этим немцем был не кто иной, как Альберт Норден, весьма популярный в то время журналист и пропагандист, позже ставший членом президиума ЦК СЕПГ. Мне неизвестно, как практически книга писалась. То ли Норден прилетал в Москву и встречался со Сквайрсом, чтобы хотя увидеть его в лицо, то ли Сквайрса возили в Берлин к Нордену (похоже на то, что Ричарда возили в Берлин). Однако Беспалов как-то сказал мне, что Нордену удалось раздобыть «сенсационный» материал из западного сектора Берлина. Кажется этот материал и «спас» книгу Сквайрса.

Словом, с тех пор я уже больше никогда не видел Дика.

Книга же «его» была издана сначала в Берлине на немецком языке, а затем в 1952 году вышла в Москве, напечатанная издательством «Литературная газета» (здорово закамуфлировали!). В тексте книги указано, что редактором ее является Георгий Беспалов.

Я не читал этой книги до самого недавнего времени. Но перед поездкой в Лондон, я отправился в Ленинскую библиотеку и там прочитал это сочинение. Волосы поднялись на моей голове дыбом. От Сквайрса в тексте не осталось ничего. Кое-что осталось от меня, не очень много, но зато там появилось нечто, что не имело отношения к Сквайрсу, ко мне, к Беспалову и, я думаю, даже к Альберту Нордену. «Автор» упоминает в книге Лиделла Гарда, его воспоминания о Дюнкерке. Дик ничего мне не говорил о Гарде. Он такого не знал. «Автор» пишет о своем разговоре с офицером в небольшом итальянском портовом ресторане в Таранто. Речь там идет о трех направленных английской разведки. «Автор» пишет: «В 1943—1944 годах фактическим руководителем всей шпионской работы, направленной против Югославии, был сын Черчилля Рандольф, который, как известно, поддерживал контакт лично с Тито. В 1944 году Рандольф Черчилль то и дело курсировал между штабом Тито и Римом». Это поразительная чепуха, ибо Сквайрсу все это не могло быть известно потому, что он был самым обыкновенным офицером английской армии и подобного разговора в Таранто у него не было (если бы он был, я и сам давно бы «состряпал» эту книгу, без Беспалова и Нордена). Ведь в первые дни моей работы с Диком я пытался «выцедить» из него все, что только было возможно. Но корова просто не дала сь, молока в вымени не было. Я очень сомневаюсь в том, что Дик что-либо знал вообще о Рандольфе Черчилле (может быть лишь то, что такой существует на свете). «Автор» пишет в книге о генерале Брайяне Робертсоне, как о генерале от каучука, доказывая принадлежность Робертсона к крупной английской монополии. Если это даже и так, то Ричард понятия об этом не имел. Я знал о Робертсоне несравненно больше, я даже встречался с ним на пресс-конференции в Берлине. А Ричард и в глаза его не видел. Упоминание о темных махинациях англичан и американцев в Западной Германии, о королеве

Нелли из Гармиш-Партенкирхена — это мои выписки из «зеленого» бюллетеня, которые я вставил в «рукопись» Сквайрса. А вот это место целиком мое: «Майор Ригби из штаба британских войск в Берлине и майор Харгривс из Гамбурга рассказывал мне о притонах гомосексуалистов и наркоманов, где развлекались военнотружущие британской и американской армии. Кафе «Ханка» в Берлине и тайный клуб на Бисмаркштрассе в английском секторе Берлина были хорошо известны как англичанам, американцам, так и немцам». Это мои личные воспоминания о ночи, проведенной с майором Колби в западном секторе Берлина, то есть то, о чем я написал и в отчете для Беспалова, и в рапорте для МГБ, и в статье для «Литературной газеты». Имена, разумеется, изменены. «Автор» пишет о сэре Кирпатрике, ничего о нем не зная; он также пишет о совещании промышленников в 1946 году в ресторане Беттермана, о работе ДЖЕИ, об американце Дрейпере, о немецких генералах Шпейделе и Хойзингере, также решительно ничего об этом не зная. Вся книга пестрит цитатами, которых Сквайрсу делать не мог, потому что у него к этому, слава Богу, никогда не было склонности. И, наконец, эта фантастическая мистификация с дневником американского генерала Гроу. Я не берусь судить о самом дневнике и о том, как он попал в руки к Нордену. Но прием этот поразителен по своей прямолинейности и глупости. Дневник американского генерала Гроу, видите ли, оказывается в руках у майора Сквайрса и он его «обнародует» частями.

Ох, какая это беззастенчивая ложь! Но вот так, таким путем, таким методом в СССР и по сей день фабрикуются пропагандистские утки. Правда, такого рода книги мало кто читает. Кто читал «Дорогами войны»? Генерал Питовранов, да и то по служебной необходимости, а не то он предпочел бы взять в руки Кронина или Голсуорси, он ведь тоже книжник и лингвист...

Но примечательно во всем этом другое. Примечательна судьба Сквайрса, судьба человека, попавшего в сети советской разведки. Вот уж поистине выжали, как лимон, и выкинули на свалку. Впрочем, мне известно, что Ричард позже был отправлен на Украину и, кажется, в Тарнополь преподавал английский язык студентам Пединститута. Но как человек, я полагаю, Ричард кончился. Быть может я понимаю его теперь больше, чем прежде, ибо что-то отдаленно схожее, ведь, случилось и со мной; я имею в виду положение личности, когда нарушены самые основные устои жизни, когда ясно сознаешь, что ложь пронизала все твое существо и что выхода из этого нет.

Как страшно звучит в книге «Дорогами войны» упоминание о семье Ричарда Сквайрса из Ливерпуля, о его братьях. Что-то настоящее, вечное, вдруг вкрапливается в поток обмана, фальши. Страшно и стыдно за человека, и за себя, в первую очередь за себя. Ведь старший брат Ричарда Джон погиб на войне, он погиб за свою родину, он погиб как человек...

Я думаю, что Ричард и Лотти хотели бы сохранить эту историю втайне. Может быть они по-своему счастливы и хотели бы лишь скрыть свой позор от дочери, чтобы она не узнала его. Но моя разрушительная миссия ввергнет их еще в одно горе. Однако я не могу уносить в вечность то, что принадлежит людям. А кроме того, если я не сделаю этого, то это сделают другие.

Правда открывается теми или иными путями. И вот вам доказательство.

Летом 1965 года в лондонской газете «Ивнинг стандарт» появилась корреспонденция Глории Стюард¹⁰ из Москвы. И не только корреспонденция. Тут я увидел фотографию человека, которого я сразу же узнал. Это был Ричард Сквайрс. Стюард сообщила, что секрет молчания Сквайрса до сих пор неясен, что, вероятно, английское правительство по «высоким» соображениям не хочет ничего «открывать», и что, повидимому, Ричард сбежал на Восток, имея в руках секретные американские документы. Глория Стюард даже высказала предположение, что Ричард мог иметь

¹⁰ Глория Стюард была корреспондентом лондонской газеты «Ивнинг стандарт» в Москве.

доступ к такого рода документам. Она заявила, что он перешел к «русским» в Берлине, но затем оказался в Москве. Больше того, по сведениям Стюард, Ричард Сквайрс совершил недавно тайную поездку в Англию, и сказал ей по телефону, когда она дозвонилась до него в Москве: «А Лондон очень изменился, когда я был в нем несколько дней».

Глория Стюард сообщила детали, которые абсолютно точны: жена-немка, дочь 15 лет, фамилия Диксон, под которой Сквайрс живет в СССР, учитель английского языка. Для меня было ново и неожиданно, что Дик переехал в Москву, общается с иностранными коммунистами, ну и, конечно, вот эта секретная поездка в Англию...

Могли ли на Лубянку использовать Ричарда как «разведчика» и включить его в какую-либо операцию? Ведь появление Сквайрса в Лондоне это не такое простое дело. Риск велик. А ради чего идти на него? Нужна была солидная цель. Это не так просто и с технической стороны. А зачем рисковать? Разве мало блестящих молодых офицеров МГБ, которые говорят по-английски так, как говорят, скажем, только в графстве Кент, или только в Лидзе, или только в Шотландии? Да они и надежнее. А Дик...

Нет, я бы его на такое дело не выпустил, даже если бы он был на двадцать лет моложе. Просто, зная Дика, зная его характер, я бы в данном случае обошелся без него. Хотя не могу утверждать этого категорически, так как дела МГБ — сложные дела и многообразные дела. Допускаю мысль о том, что при известных, чрезвычайно специфических условиях, могла понадобиться и секретная поездка Сквайрса-Диксона в Англию.

Странно, что Глория Стюард, явно острая журналистка, изучая в Москве «загадку Сквайрса», не дорылась до «его» книги «Дорогами войны». А ведь она так много открыла бы Глории Стюард! Во всяком случае, как-то более прояснилась бы эта идиотская версия с секретными американскими документами (дневник генерала Гроу, конечно).

Очень интересны объяснения родителей и родственников Сквайрса, из Ливерпуля, по поводу бегства Ричарда, также опубликованные в «Ивнинг стандарт».

Все они в один голос утверждали, что Ричард не мог сделать этого по собственной инициативе, что он был примерным католиком и семьянином и что это дела коммунистов, в руки которых он случайно попал.

ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ МОРДУХАЙ-БОЛТОВСКОЙ*

Средние века

Проф. Д. Д. Мордухай-Болтовской, известный математик, занимавшийся и другими науками, скончался в Ростове-на-Дону в 1952 г. Статья, помещаемая ниже, с небольшими сокращениями, не могла увидеть свет в Советской России по понятным причинам. Только недавно ее получил за границей сын покойного автора С. Д. Болтовской, любезно представивший ее «Возрождению».

«Ошибка поспешного мышления: обнаружить ветвь и выдавать ее за все дерево. Западное просвещение — только ВЕТВЬ западной культуры и отнюдь не самая плодородная, может быть. Она отходит от ствола, не идет от корня.

— А что же главней?

— Да, если хотите, главней — духовная жизнь Средневековья. Такой интересной духовной жизни, с перевесом над материальным существованием, человечество не знало ни до, ни после».

(Солженицын, Август четырнадцатого, Париж, 1971, стр. 503)

Редакция решила перепечатать из журнала «Возрождение» статью Д. Д. Мордухая-Болтовского «Средние века», так как она представляется весьма симптоматичной для пробуждения интереса на нашей родине к средним векам, их лучшего понимания и более правильной оценки. С легкой руки эпохи просвещения стало модным называть эту поистине великую эпоху «мрачным средневековьем» и приписывать ей все грехи, которые совершались преимущественно уже в новое время. Поразительно, что даже в наш век, век массовых концлагерей, газовых камер, жесточайшего идеологического, политического, расового преследования считается возможным смотреть свысока на «мрачное средневековье» и считать свой век не только технически, но и морально более прогрессивным.

Возрождение интереса к средним векам и более объективно взгляда на них чрезвычайно значительно и важно. В статье Д. Мордухая-Болтовского, конечно, много спорного и много такого, с чем согласиться трудно. Это прежде всего его биологическое деление человечества на юность, зрелый возраст и старость. Нам кажется, что это

еще отзвук той же самой традиции нового времени, которую Д. Мордухай-Болтовской в своей статье хочет преодолеть, с ее сведением духовного к естественным наукам и биологическим феноменам. Такие попытки делались не раз, но даже талантливейший Константин Леонтьев снижает уровень своего мышления, когда начинает приравнивать человеческие культуры и нации к биологическим организмам.

Если средневековье было юностью европейского человечества, а наш век — его старость, и если это развитие также естественно неизбежно, как и развитие живого организма, то, по существу, нам нечему поучиться у средних веков, мы можем только вздохнуть о них, как о романтической поре нашей молодости. Молодость вернуть нельзя, а в старости остается только ждать смерти. Но мыслители, приравнивающие человечество как таковое к одному организму, забывают, что человечество всегда состояло и теперь состоит из личностей, они забывают о персональном достоинстве и ответственности каждой личности. Личность — самостоятельная единица, а не соподчиненный орган единого организма. Как раз об этом вспоминает Солженицын: «И есть духовная жизнь ОТДЕЛЬНОГО человека, а потому хоть и вопреки среде ЛИЧНАЯ ответственность каждого — за то, что делает и что делают при нем другие», — говорит молодая женщина-профессор в «Августе четырнадцатого».

Вот эта-то духовная жизнь и ответственность каждой личности одинаково возможны и в средние века и теперь. Только тогда люди больше отдавали себе отчет в этом. Они еще не старались спрятаться за «среду», за «коллектив» или за другие фетиши.

Если считать, что неизбежное и независимое от человека развитие вызвало к жизни в свое время «иррациональное, волевое и полное чувства» существование средних веков, и то же неизбежное развитие сделало нас к старости сухо рациональными существами, тогда ответственность личности отпадает, ей остается только плыть по течению неизбежного потока.

Если бы Бог был только призраком юных дней, тогда, конечно, не имело бы смысла искать Его сейчас.

Своим допущением, что вера и Бог — лишь призраком, субъективное восприятие, автор хочет сказать каждому читателю, в том числе и атеисту, что даже в этом случае средние века были замечательной эпохой человечества.

* «Возрождение», № 223, июнь 1971.

Своей собственной точки зрения автор не высказывает до конца.

Указание Солженицына на духовную жизнь средних веков яснее вскрывает их сущность. Эта духовная жизнь возможна и у человека наших дней. Интеллектуальность, тем более рационализм, — это еще не духовная жизнь, но интеллектуальность не обязательно должна убивать духовность. Духовность стоит над интеллектуальностью, и над волею, и над чувством. Не просвещенная духовностью воля, так же как и не просвещенный духовностью интеллект, могут быть ужасны, но также возможно и не просвещенное духовностью чувство. Автор, конечно, прав, что интеллектуальная разница между людьми не так значительна, гораздо значительнее разница в воле и характере, самая значительная разница заключается в том, просвещены ли воля, характер, интеллект духовностью или нет, направлены воля и интеллект к

добру или ко злу.

То, что в наше время духовная жизнь слабее, чем она была в средние века, вряд ли можно считать неизбежным роком нашего времени. Если мы всерьез отнесемся к нашей личной ответственности, то увидим, что и наш рационалистический век может быть просвещен духовностью.

Удивляет, что математик Мордухай-Болтовской оказывается на бесконечности, в то время как для современного математика и физика эта бесконечность уже «округлилась» в новую сферу. Эта сфера носит иной характер, чем сферы древних, но, преодолев представление линейной бесконечности в пространстве и времени, наука снова приблизилась к Богу и Творцу. Может быть, Мордухай-Болтовской слишком рано скончался: в Советском Союзе ведь долго не давали хода теории относительности и другим теориям современной физики.

В. Пирожкова

§ 1 ИНТЕЛЛЕКТ И ВОЛЯ

Со школьной скамьи мы привыкли к низкой оценке средневековья. Мы привыкли видеть в нем только дурное. Прежде всего — умственный застой, период жизни человечества, который должен быть совершенно вычеркнут, как не способствующий прогрессу, а только его задерживающий.

Затем средневековье представляется периодом жестокости, эпохой инквизиции с ее кострами. Только в блестящую эпоху Возрождения происходит восход солнца. Только тогда мертвую иконопись заменяет продолжающаяся и в настоящее время живопись и вместо бесплодной словесной схоластики встает истинная наука, ведущая к разгадке мироздания. И вот на вопрос, какая эпоха в жизни человечества является наихудшей, всегда готов ответ: эпоха средневековья.

Нет большего заблуждения! Истина здесь перевернута вверх ногами. Правильный ответ как раз противоположный. **Не худшей, а лучшей эпохой в жизни человечества было средневековье.**

Я на себя беру трудную задачу защиты этого парадоксального тезиса. Но я предлагаю прежде всего установить тот масштаб, которым следует производить мерку. Обычно людей расценивают по уму, другие же качества относятся к второстепенным. Почему это так? Потому, что ум это только **внешность души**. Это то же, что расценка человека по внешнему облику. Такая расценка производится вовсе не потому, что ум — действительно самое ценное в человеке, а потому, что он наиболее заметен. Ведь именно он хорошо усматривается непосредственно в словах и действиях человека, в его творениях, в особенности в тех случаях, когда он в какой-либо узкой области выявляется, подымая человека на более высокую ступень в сравнении с другими. Верно говорит Лихтенберг: умный человек не только иначе говорит, чем глупый, он иначе ходит, иначе сидит и т. д.

Более того, расценка обычно ведется даже не по общему характеру и широте и глубине ума, а по величине **специальных** интеллектуальных способностей. Мы больше удивляемся и больше превозносим феноменального счетчика, чем рядового человека с широким или остроумным интеллектом.

Высшую оценку получают не **умные** люди, а **умственные фокусники**.

И, конечно, здесь усматривается полная аналогия с телесной красотой или даже с платьем.

Не только женщины, но и мужчины даже в пожилые годы большую часть своего внимания полагают, именно в этой преходящей внешности. А между тем, ум, как и телесная красота, зависит от всяких случайностей. Именно про них можно сказать, что «они опадают, как цветы, проходят, как тень». Ведь, малейшее поранение лица нарушает красоту, а сделанные ошибки уже заставляют сомневаться в интеллектуальной силе, и больше всего — в интеллектуальном фокусничестве; они что-то вроде фальшивых нот в игре, может быть, талантливого виртуоза.

И то, что ум далеко **не первое** в жизни, это можно видеть и из того, что в жизни побеждают вовсе не наиболее умные, а скорее наиболее сильные **характером**.

Да и в науке успех зависит не столько от силы ума, как от **прилежания и настойчивости**.

Только ими достигается успех в том, что наиболее ценится: в специальной научной работе и в интеллектуальном фокусничестве. В то время, как простые смертные стараются в головы великих людей поместить каких-то демонов или ангелов, сами эти великие люди их не находят. Великий математик Гаусс утверждал прямо, что он отличается от других только тем, что он прилежен. Ньютон на вопрос, как он открыл закон всемирного тяготения, сказал: «Я о нем постоянно думал». Если это не совсем так, то во всяком случае в этом много истины. Пожалуй, верно то, что гений — это **колоссальное трудолюбие**.

В трудах великих математиков меня всегда больше всего удивляла их **трудолюбивость**. Я вполне могу вообразить себя открывающим сообщаемые ими истины, но никогда — совершающим их труд, неисчислимое множество неудачных попыток, затем колоссальную черновую работу, связанную с проверкой и перепиской.

Я предлагаю, на время отрешившись от культа гениальности, совершенно объективно посмотреть работу наиболее выдающихся государственных и общественных деятелей, и, я думаю, придется прийти к такому выводу, который едва ли найдет у многих одобрение: **люди в отношении ума различаются не так сильно, но колоссальное различие их в силе воли**. Ведь, существуют люди, которые могут работать по двое-трое суток подряд, не сходя с места. Другие же не могут просидеть и полчаса. И таких существует очень мало, которые могут работать так, как Кеплер при установке своих знаменитых законов, и как Ньютон, размышляющий над законом мироздания. Я не говорю, что этими открытиями мы обязаны только их настойчивости, но я говорю, что мы обязаны больше настойчивости, чем уму. Когда стараются выявить причину успеха Наполеона, то ее ищут только в его уме, а если не находят, то относят все к случайности. Между тем, основная причина успеха — в **воле**. И то же следует сказать и о других великих людях. Приоритет остается не за беспольным разумом, а за волей — этим основным **мужским** началом.

Поэтому прав был Дунс Скотт, выдвигавший, в противоположность рационалисту Фоме Аквинату, приоритет воли, а не разума. Прав и Шопенгауэр, считавший наиболее существенным в человеке его волю, а вовсе не интеллект, находящийся в подчинении воле. Протестантство по существу уничтожает религию, выдвигая приоритет веры в сравнении с действием, которому отдает приоритет католичество. Между тем, вера, как говорит апостол Павел, без дел мертва. Чрезмерное развитие воли может быть вредным для других, но самому человеку дает все, и охраняет его от врагов, и подымает его на высоты Наполеонов и Цезарей. Но чрезмерное развитие интеллекта в ущерб воле создает несчастного, который, много зная и много понимая, как шекспировский Гамлет, не будет в со-

стоянии на что-либо решиться. Люди природой предназначены для дела, и если они начинают больше думать, чем делать, они идут против природы и обычно расплачиваются за это.

Согласимся, что в настоящее время человек **лучше думает**. Но можем ли мы признать, что в настоящее время он **лучше действует**, чем в средние века? В настоящее время мы имеем умных ученых, умных администраторов, но имеем мало людей, железная воля которых не сгибалась бы в борьбе с личными или с идейными врагами.

В настоящее время нет людей с такой волей, как у Григория VII и Иннокентия III, старавшихся возвести над светской властью — стоящую выше всякой национальности папскую власть от Бога, нет людей с волей крестоносцев, из которых только едва ли одна десятая доходит до конечной цели — до освобождения гроба Господня, нет людей с волей альбигойцев и других еретиков, предпочитавших костер отказу от своих убеждений.

Но развитие этого **мужского** начала — воли — не может характеризовать только средневековье. Это развитие воли мы находим и в эпоху Возрождения, в которой тоже имеет место приоритет воли над интеллектом.

Полная характеристика средневековья дается единовременным развитием как мужского начала — воли, так и **женского** — **чувства**. Эпоха Возрождения была началом падения этого второго начала. Человечество лишается своего глубокого чувства, которому служила воля. Человечество становится только волевым, для того, чтобы потом сделаться интеллектуальным.

Молодость сменяется зрелым возрастом для того, чтобы потом обратиться в старость.

§ 2. ВОЛЯ И ЧУВСТВО

Теперь обратимся к женскому началу — **чувству**.

Над волей стоит чувство, так как именно в чувстве заключается сама **жизнь**. В то время, как воля определяется только ее напряженностью, для интеллекта и эта оценка является неопределенной, так как напряженность интеллекта относится опять к воле, связанной с интеллектом, для чувств же мы имеем не только степени их напряженности, но также и большую и меньшую их высоту, так же как для звука. Если интеллект подчинен воле, то сама воля, если она не **слепая**, должна двигаться чувством. Э. Гартман абсолютом считает соединение воли с интеллектом, но правильнее было бы говорить о соединении воли с чувством, т. е. мужского начала с женским, причем приоритет следует отдать не первому, а второму.

Нет, собственно говоря, **злой воли**, а есть **злое чувство**; оно и управляет волей, оно как бы соблазняет волю, как Ева Адама, и тяжесть первородного греха лежит больше на Еве, чем на Адаме.

Многие склонны принижать все женское и смотреть на женщину как на существо низшего порядка.

Но здесь я решаюсь высказать парадоксальную мысль. Женщина мыслит меньше, чем мужчина; она бесспорно меньше действует, но она **больше чувствует**.

Проанализируйте душевный мир женщины, и вы увидите богатые переживания не в области **волевой**, но в области **чувственной**, самые тонкие нюансы этих переживаний, которых вы не найдете в мужчине.

Можно ли спорить с тем, что женщина чувствует и тоньше, и глубже чем мужчина, что любовь женщины, лишенная порывистости мужского чувства, и благороднее, и тоньше, и постоянной? Можно ли спорить с тем, что именно на долю женщины выпало наиболее прекрасное чувство — безграничная и готовая на все жертвы любовь к ребенку?

И средневековая мысль и еще более — средневековое чувство смогло сделать то, что не смогла сделать античная мысль, а именно — поставить на пьедестал чувство и женщину, как ее носителя.

В средние века мужчина — рыцарь приводит свою могучую волю на служение своей даме, на служение чувству.

Только средние века создают прекрасный образ Божией Матери, только они начинают понимать, что в глубине человеческого **сердца**, которым более всего управляет женщина, заключается и наиболее ценное в человеке.

И вот, если мы над волей поставим чувство, то здесь высказывание окажется еще более категорическим: ни мы, ни люди эпохи Возрождения не чувствуем так, как люди средних веков.

Если когда-либо человек глубоко чувствовал, то только в средние века.

Все эти титанические чувства античных героев и наши, быстро улетающие в сутолоке жизни, чувства — это пигмеи в сравнении с теми, которые испытывал крестоносец или монах средневекового монастыря — св. Бернард или св. Франциск.

§ 3. СРЕДНЕВЕКОВАЯ МОРАЛЬ

Враги средневековья! Не спешите выставлять грубость и жестокость нравов, снижающих уровень нравственности среднего человека. Едва ли можно согласиться с тем, что показателем нравственного уровня человечества должно служить **среднее арифметическое**, а не **максимум**. Можно сказать, что человечество в целом решает моральную проблему, и решение ее определяется именно максимумом — тем наивысшим подъемом, на который человечество поднимается не в целом, а только в **ведущих личностях**. Кульминационная точка морального подъема там, где, как крест готической колокольни, возносится над обыденностью **святость**, где ярким светом горит моральный идеал, достижимый только избранными.

Высшая мораль — это не рассудочная мораль долга, это **мораль подвига**, представляющая мораль чувства, возносящегося над интеллектом и подчиняющего себе волю.

И это чувство в античном мире, в этом младенчестве человечества, еще не вспыхнуло. А в настоящее время оно уже погасло, и душа наша, как улитка, замкнулась в тесной раковине. И для нас теперь далека и непонятна душа средневекового человека. Все наиболее прекрасное, все то, что призвало к жизни человеческое многострадальное и вместе с тем вкушающее небесные радости сердце — все это наш иссушающий рассудок старается объяснить экономическими факторами, более близкими современным банкирам, чем средневековым рыцарям.

Забудьте настоящее и на мгновение вернитесь вспять, в прошлое, уже заволоченное туманом. Иоанна д'Арк для наших современников только эпилептичка, страдающая галлюцинациями. Забудьте на время психиатрический подход. Прочитайте все сообщаемое свидетелями, все протоколы суда над ней, с ее мудрыми кроткими ответами, и перед вами встает во всей красоте этот блестящий образ средневековья, и я спрошу, может ли настоящее время создать что-либо подобное этому образу?

Да разве в настоящее время может кто-либо так чувствовать, как Владимир Мономах, послание которого Олегу Святославовичу представляет один из прекраснейших перлов средневековья? Он зовет во имя Христа своего врага к примирению, он прощает ему смерть своего любимого сына, павшего в сражении, как прекрасный полевой цветок от безжалостной косы. Или прочтите слово епископа Олесницкого к королю Казимиру, призывавшего последнего к примирению со злейшим врагом — Михаилом Сигизмундовичем.

Только невежды могут видеть в средневековье только слова и слова, нагромождаемые бесплодной схоластикой. Именно в средневековье менее всего **учились говорить**. Только от избытка сердца говорили уста средневекового человека.

Да, именно, у него был избыток сердца, а не ума. Ни в схоластических рассуждениях, ни в административных актах с их испорченной латынью нет бездушной риторики Цицерона. Но под грубой оболочкой мы ясно чувствуем биение средневекового сердца, бившегося в груди рыцаря, шедшего через самые ужасные лишения и страдания ко гробу Господню.

И как много тупого непонимания у тех, которые видят в крестовых походах только жестокость и бесчинства толпы, только зверства при взятии Иерусалима, забывая, что из большой армии только кучка дошла до Иерусалима!

Поищите такое лицо, моральный облик которого мог бы сравниться с обликом Людовика Святого. Не представляет ли это удивительное соединение храбрости, рыцарского благородства, милосердия и святого подвижничества — пожалуй лучшее, что могло произвести Человечество с начала средних веков? Не бледнеют ли перед ним и все наши научные открытия, благодаря которым мы чувствуем себя проникнувшими в самые недра мироздания? Не бледнеют ли вместе с тем картины Рафаэля, музыка Шопена и Бетховена?

Вы будете говорить о развратных средневековых папах, но прежде всего напомним, что рекорд здесь побит не средневековым, а эпохой Возрождения. Последнее дало нам Борджиа, средневековые же дало таких, как Иннокентий III, равного которому мы уже не находим в позднейшие времена. Хотя и суровой, но глубокой стойкой моралью проникнута вся история защиты им прав несправедливой супруги французского короля Филиппа II. Правда, не все средневековые духовные таковы, но из их среды высоко поднимаются личности, готовые на всякие жертвы при защите правды, при служении Богу.

Вот вам Эвес, епископ Шартрский, который стойко идет против Филиппа, добивавшегося развода с Бертой, чтобы жениться на другой. «Я», — говорит он гордо, — «пожелал бы лучше быть брошенным между жерновами, чем скандализировать слабых и невежественных».

И что же? Он, в конце концов, приводит короля к раскаянию.

Вспомните историю Генриха IV в Каноссе, когда Григорий VII Гильдебрандт заставил его смириться. Вспомним, как Григорий VII добивался поднятия морального уровня среди духовенства и укрепления папской власти, как идущий от Бога и стоящий выше власти королей и императоров.

И на свободе и в плену он остается столь же твердым, всегда считая себя ставленником Бога, отвечающим только перед Ним, и не только за простых мирян, но и за королей и императора, которые должны ему подчиняться.

§ 4. ПАПСТВО

При оценке папства следует различать сам идеал высшей теократической власти и его осуществление. Никто не будет спорить с тем, что этот высокий идеал не мог осуществляться полностью. Земные условия таковы, что чистая власть от Бога не может осуществляться. Идеал оказывается слишком высоким, и человечество срывается при его осуществлении. Душа, поднявшись очень высоко, падает с этой высоты в темную пропасть. Со святостью всегда живет и грех, и чем выше святость, тем ниже опускается грех. Маятник колеблется с большей амплитудой.

Не содержит ли всякая власть элементы имморальности? Не правы ли частично анархисты, объявляя всякую земную власть аморальной?

Конечно, дальнейший их вывод о возможности существования **безвластия** — детская наивная утопия. Но если согласиться с этим, то это можно отнести только к земной власти, но не той, которая идет от Бога, т. е. не к теократической.

Не лучшие ли властители те, которые не избираются народом, а ставятся самим Богом, т. е. вернее те, которые считали себя ставленниками Бога и отвечают за народ только перед Богом?

Вглядитесь в мумии фараонов, этих божеских ставленников, — Сети, Рамзеса и других. Не говорят ли их лица о чувствах, ими владевших, о том, что над каждым из них был только Бог, что только перед Богом они отвечают за вверенный им власти и заботам народ?

Положите на одну чашку весов Борджиа (хотя он и не принадлежит средневековью) и других пап развратников, а на другую всю ту пользу, которую принесли папы, стоявшие выше грубых и жестоких феодалов и нравственно

на них влиявшие, и вторая чашка перетянет. Уже один «Божий мир», шедший от папы и удерживавший феодалов от взаимной резни, указывает, в каком направлении могла бы пойти папская власть, если бы ей удалось приобрести всю полноту своей божественной власти над воюющими королями и феодалами. Вне сомнения, такое теократическое интернациональное государство сделало бы возможным уничтожение международной войны больше, чем Лига Наций и ООН,

§ 5. ИНКВИЗИЦИЯ

Самое тяжелое обвинение, бросаемое средневековью, это **инквизиция**. Но и здесь рекорд побивается эпохой Возрождения. Больше всего жертв дает не инквизиция против альбигойцев XIII века, а инквизиция против маранов (евреев), протестантов и колдунов XVI и XVII веков. Вообще, не средние века, а эпоха религиозных войн отличалась нетерпимостью.

Вспомним процесс Абельяра, взгляды которого на Лица Божественной Троицы вне сомнения еретичны. Но ведь устранение его от преподавания нельзя приравнять к сожжению на костре, например, Сервета и притом кем? — реформаторами-кальвинистами. Согласимся, что в позднейшее средневековье инквизиция обнаруживает крайнюю жестокость. Но во время ереси альбигойцев **всему христианству грозила страшная опасность**. Манихейское учение о двух богах — добром и злом — Ормузде и Аримане Заратустры — доводило это дуалистическое мировоззрение до поклонения дьяволу. Другие секты, хотя и правильно осуждали клир, **разрушали церковь**, падение которой тогда вело к падению христианства.

Вспомним, что даже кроткий Франциск Ассизский, этот сверх-христианин, согревавший своим телом прокаженного и говоривший проповеди братьям волкам, стоял за решительные меры в борьбе с еретиками.

Нет, если уже кого-либо обвинять в жестокости, так не средние века, а именно настоящее время, хвляющееся своей гуманностью.

§ 6. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ВЕРА

Но, скажете вы, средние века представляют одно заблуждение, они верят в то, во что мы уже не можем верить. Ведь, это царство сплошного суеверия и фантастических, не имеющих под собою почвы образов! Я не намерен сейчас разбирать, что в религиозных представлениях можно считать истинным или имеющим шансы оказаться таковым и что представляет собой безусловное заблуждение. Я и здесь пойду по пути, заставляющему многих покоробиться и отвернуться от меня. Я поставлю **жесточкий** вопрос, ответ на который опять дает заключение в пользу средневековья.

Верно ли то, что человечество было наилучшим именно тогда, когда оно лучше всего знало действительность? Не кроется ли доля правды в том, что говорит Пушкин: «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман»? Пусть содержание религий — один призрак. Но что получается при лишении человечества этого призрака? Мы в конечном счете потеряли больше, чем если бы лишились всех наук, ибо для **чувств** последние дают меньше, а, ведь, чувство и есть сама жизнь.

Впрочем, эта мысль смягчается следующим замечанием.

Неужели **вся целиком** религиозная мысль только ошибалась? Неужели все это только сплошной призрак и ничего более, в то время как учение Бора о строении атома и все другие учения, друг другу противоречащие, это только чистые истины, что в учении об общем принципе относительности мы уже окончательно становимся на путь решения основных мировых загадок?

Не содержится ли, наряду с призраками, во всем этом прекрасном мире средневековых мысли и чувств нечто еще такое, что неотделимо от призраков и что **теперь** мы уже не можем принять только вследствие того, что лишились соотвествующего органа познания, находящегося при этом более в сердце, чем в голове?

Да и не покажется ли через 1000 лет все то, во что мы так горячо верим, тоже призраками, как теперь нам кажется то, что было предметом веры средневековья?

Но, если это так, то и в средневековых призраках живет истина, и эта неуловимая для нас и **утраченная нами истина** получает особенно высокую цену, так как за ней идет и высокое чувство и связанная с ним воля, ведущая к подвигу.

§ 7. МИСТИКА

Средневековье больше чувствовало, чем мыслило. Говорят о сухости средневековой мысли. Но это совершенно неверно. Схоластика оперирует не **мертвыми символами**, как мы, а **живыми понятиями**, за которыми она видит живые образы, все озаренные **живым чувством**. В темную келью схоластика проникает пучок ярких солнечных лучей и освещает его пыльные фолианты, заполненные схоластическими абстракциями и силлогизмами. Мысль его каждую минуту возвращается к Богу, который для него и альфа и омега, и душа его всегда переполнена интеллектуальной любовью к Богу, более горячей, чем та, о которой говорит Спиноза в своей этике.

Промежуточным звеном между средневековым религиозным чувством и средневековым разумом-схоластикой стоит средневековая **мистика**. Она ищет пути, ведущие к соединению с Богом. Она анализирует последовательно ступени, по которым душа подымается к Богу.

Блаженный Августин дает свою исповедь-историю души язычника, рядом душевных переживаний приходящего к христианской вере.

Он указывает на то, что люди, удивляясь ширине морей, величине звездного неба и высоте гор, забывают о более интересном и более важном — о том, что находится **в душе**.

Он является истинным основоположником современной философии с чуждой и античной мысли психологией, и средневековой мистики Бонавентуры, Гюго и др., и, наконец, мистики эпохи Возрождения Бэма, Таулера и Силезия.

Мистические средневековые эксперименты бесспорно были первыми экспериментами опытной психологии. Только средневековье научило человечество изучать душу, которая для античного мыслителя была лишь конгломератом круглых атомов или аристотелевской **фермой тела**, т. е. жизненной силой.

Пусть Бог только призрак. Но и тогда остается великая заслуга за средневековьем. Ведь, во-первых, этот призрак тогда остается все-таки в **душе**, во-вторых, он дает сильные духовные переживания и их анализ дает богатейший материал, относящийся к психологической жизни.

Ведь для психолога совершенно не имеет значения, имеют ли реальную основу переживания: скорбь и радость. Ведь наши сновидения, окружающие нас роем призраков, заставляют нас страдать и радоваться не меньше, чем наяву от реально существующих предметов и людей.

В обоих случаях и скорбь и радость в равной мере могут входить в лабораторию психологических наблюдений и опытов. И совсем неважно, приводит ли самоуглубление к зрению реально существующего Божества, важно то, что это самоуглубление ведет душу по новому, чуждому античной мысли пути, по пути разнообразных психических переживаний, с которыми переплетаются яркие и смутные образы и понятия.

Пусть средневековье — это только сновидение. Но согласитесь, что это сновидение **прекрасно**, что единичному человеку не суждено видеть такие сновидения. Евангелие — это только начало всей прекрасной драмы, которую продолжает средневековье. Если вся эта драма была во сне, то сон этот оказался для человечества имеющим большее значение, чем бодрственная жизнь настоящего времени, эта жизнь бесполой души старика, отстающего от себя прошлое как одно лишь призрачное заблуждение.

§ 8. ИСКУССТВО

Тем же высоким чувством охвачена и душа средневекового художника. Никто не будет спорить, что техника средневековья уступает таковой эпохи Возрождения, а тем более современной. В средние века не было ни Рафаэля, ни Репина. Мало похожи на живых людей святые на иконах в их неестественных позах.

Можно ли сравнить Моисея Микеланджело с раскрашенными деревянными статуями в средневековых храмах? С точки зрения техники средневековье оказывается здесь на очень низкой ступени.

Но возьмите другую мерку.

Во всех этих технических несовершенных художественных творениях следует стараться уловить чувство художника, и если это удастся, то открывается дивный мир средневековых переживаний, который светит в упомянутом выше письме Владимира Мономаха.

Вспомните в Троицу и святых Рублева. Творческое воображение этого глубоко верующего художника создавало эти скользкие по облакам фигуры и именно в тех позах, которые чужды земной жизни, но в которых они живут в мире божественных сказок, в мире этих легкокрылых ангелов, со сказочно-нежными и тонкими кистями рук.

И старые школы византийского письма скорее возбуждают религиозное чувство, чем прекрасно выполненные картины Васнецова и Нестерова, к которым, несмотря на гениальность мастеров, не может уже вернуться угасающее религиозное чувство.

Но есть ли что-либо прекраснее готической архитектуры? И именно в ней, а не в скульптуре и живописи наиболее ярко выявляется средневековая мысль и чувство, возносящиеся вместе с острокопечными колокольнями к небесам, к бесконечности, к Богу. В **позднейшей пламенной готике** о том, о чем говорит все здание, говорят и все мельчайшие его детали.

Вы скажете, что все это очень однообразно, что постоянно повторяется одна и та же мысль. И я согласен с тем, что **интеллектуальное** содержание бедно. Но так богато **эмоциональное!** Одни и те же слова можно петь на различные мотивы и одна и та же, даже бедная, мысль может рождать различные полосы чувственных переживаний и связанных с ними образов.

И то же следует сказать о средневековой поэзии. Ведь, все те же евангельские проповеди и события повторяются и в молитвах и в религиозных стихах. Содержание бедно. Но как богат в них мир душевных переживаний!

Христос и Божья Мать являются св. Бернарду, Франциску и другим, но всякий раз в другом виде.

И в мрачных проповедях св. Бернарда, звучащих как погребальный колокол, и в кротких проповедях Франциска мы слышим разные мотивы, мы улавливаем разные чувства.

В прекрасной средневековой песне „Stabat mater dolorosa“, как и в Троице Рублева, ярко светит средневековая верующая и ищущая подвига душа.

Ярче, чем самое вдохновенное стихотворение настоящего времени, она воскрешает с одной стороны — на кресте образ подвижника, приносящего себя в жертву идее, с другой стороны — страдающую за сына мать, идущую вместе с сыном на великий подвиг.

§ 9. ЭМБРИОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Я все говорил о воле и чувстве. Я указывал на то, что интеллектуально средневековье следует поставить ниже эпохи Возрождения. Но можем ли мы сказать, что здесь только **пустое место?**

Мы можем непосредственно проследить жизнь ребенка, начиная с его рождения, но можем ли мы сказать, что до этого **ничего не было?** Психологический подход к истории подводит нас к вопросам **эмбриологии** идей. И все основные научные идеи имеют свою, так сказать, **утробную жизнь**.

Математические идеи сперва рождаются в форме смут-

ных **метафизических** идей и только затем развиваются в математические, ищущие себе обоснования.

Эти эмбрионы — всегда вначале с **эмоциональной окраской**, вызываются чувственными переживаниями. Сперва бесплодные, без всяких выводов, они подвергаются только анализу и пока ничего не объясняют. Чтобы они приобрели объясняющую силу, необходимо их созревание. Более того, необходимо, чтобы в борьбе за существование они взяли верх над другими многочисленными эмбрионами-идеями, подымающимися вместе с ними. И эти другие должны заглухнуть, как глухнет молодняк, из которого вырастают до облышного дерева только избранные.

Но тонкое исследование средневековой мысли **принадлежит будущему**.

Ведь здесь приходится выслеживать мелкие ростки, порой очень мало похожие на те растения, в которые они потом обратятся.

И я уверен, что только тогда вместо постоянно подчеркиваемой бедности откроется **богатство идей**, правда находящихся только в эмбриональном состоянии. В иных случаях обнаруживается возможность **экстраполирования**, т. е. построения дальнейшого возможного развития задержанных в развитии идей.

Обычно стараются представить средневековую мысль совершенно **бессодержательной**, оперирующей только словами. Но здесь глубочайшее непонимание средневековья, которое оперирует не словами, а понятиями. Я скажу более, что именно средневековье богато понятиями, что оно владеет тонкими их различиями, которые теряются следующими эпохами. Силлогистические операции рационалистов оказываются возможными только при **упрощении** этих понятий, при исключении всех тех плоскостей существования, на которых оперирует схоластическая мысль.

§ 10. РОЖДЕНИЕ БЕСКОНЕЧНОСТИ

Укажем наиболее существенную заслугу средневековой мысли. Это — создание научного понятия о **бесконечности**, причем в этой бесконечности средневековая мысль находит себе **смерть**. Она вначале, как античная мысль, живет **конечным**, живет на земле, на которую опускается Бог, который страдает, как человек, но, оставаясь земным, не порывает связи с ней.

Дантова вселенная с ее приближающимися к Богу сферами, со всей этой мировой гармонией, управляемой ангелами, так не похожа на современную вселенную — на этот мрачный ад, в котором гармоническое правильное движение планет является только исключением, а правилом — беспорядочное движение звездных потоков, в недрах которых происходит непрерывная гибель звезд и конечная судьба которого — тепловая смерть.

Конечно, в Дантову вселенную теперь уже никто не верит. Музыка сфер перестала звучать в наших ушах. Но согласитесь, что эти образы были прекрасны, и душа, их создавшая, была тоже прекрасна. И вот кристаллические сферы разбиты, и открылись пути к бесконечности...

Но вместе с тем Бог ушел от человека, он устремился ввысь, куда устремляются крыши готических колоколен и вместе с ними и душа средневекового человека.

Средневековая мысль должна была умереть вместе с исчезнувшей готической архитектурой. Но звук от оборванных струн слышался еще долго... И в настоящее время он еще слабо звучит, когда мы забываем о сутолке современной жизни.

В полумраке средневекового мышления медленно совершается процесс **рождения актуальной бесконечности**, которая мыслится сначала Богом, оказывающимся вне Аристотелевых категорий, выше субстанции, а потому и без формы, но это уже не несовершенство, как для античной мысли, а наоборот, признак высшего совершенства.

За бесконечностью Бога выдвигается бесконечность его творений, так как бесконечной причине отвечает бесконечный эффект. Таким образом, мысль подходит к бесконечности вселенной. Но средневековая мысль все-таки не выходит за границы античных кристаллических сфер и не решается объявить **вселенную бесконечной**. Даже Коперник еще не вполне освобождается от этих сфер.

Путь же в бесконечность открывает только Бруно, который уже вполне подходит к современному представлению вселенной, по мнению которого звезды такие же системы, как наше солнце, окруженное планетами.

Следующий этап — это **математическая бесконечность**. Николая Кузанского следует отнести к промежуточной степени, на которой математизируется космическая бесконечность.

Бог и его творение сперва только чувствуются, затем начинают мыслиться как сверхлогическая бесконечность, которая затем переносится в область логического.

Мы видим, что колыбелью даже самых абстрактных идей является **чувство**. Из него рождается и воля, приводящая к действию, из него рождается и мысль.

Мы видим, что средние века, которые главным образом принадлежат чувству, были и колыбелью мысли. Наши абстракции, бледные, как вечерний туман, постепенно обращающиеся в бессодержательные символы, которыми работает современная наука, как фабрика работает колесами, — раньше были живыми, заставлявшими биться сердца чувствами.

Пойдем же, наконец, средние века, увидим в них юность человечества и пожалеем в них многое, что мы жалеем в нашей ушедшей и никогда уже не возвращающейся юности.

АЛЕКСАНДР ВАРДИ

Наука развенчивает марксизм-ленинизм

В специальной и массовой советской печати появилось в последнее время много статей, посвященных проблемам соотношения биологического и социального в жизни человека и в развитии общества. В числе таких публикаций — отчеты о ряде симпозиумов, конференций и совещаний на политико-теоретических верхах. В центре внимания этих форумов были проблемы советских гуманитарных наук, возникшие вследствие развития биологических знаний. Все это выявило обострение конфликта между передовыми биологами и советскими идеологами. Последние до сих пор пытаются защитить основы и следствия тех теорий, которые господствовали в советской биологии в годы застоя лысенковцев.

Это, конечно, не удивительно. Лысенковская биология была тщательно приспособлена к постулатам диалекти-

ческого и исторического материализма. Такого же приспособления биологии к диалекту «теоретический фронт» требует до сих пор. Как и прежде, казенная идеология опирается на установки основоположников марксизма-ленинизма, а эти основоположники, формулируя законы общественного развития, исключали учет роли биологических факторов в развитии общества. Ведь, как известно, марксизм-ленинизм целиком опирается на диалектический анализ социально-экономических и политических аспектов общественного развития, и на этой основе декларирует законы общественного развития. Генетическая структура общества, роль наследственности, социально-психологические факторы, психические особенности исторических личностей, субъективное воздействие и многое другое — вне поля зрения коммунистических теоретиков, когда они пытаются

обосновать свои законы общественного развития. Именно это и стало важной частностью, выявившей несостоятельность диалектической методологии и, значит, всего марксистско-ленинского учения. Доказательство обоснованности упомянутых утверждений — тема настоящей статьи.

Говоря о руководящих установках марксистско-ленинской философии в вопросах соотношения биологического и социального в жизни человека и в развитии общества, мы имеем в виду, в частности, следующее:

«Сама природа человека есть продукт истории».¹

«Особенности биологической организации человеческого организма являются результатом его общественно-трудовой деятельности... Труд создал самого человека».²

Как видим, основоположники утверждали, что в соотношении биологического и социального (в жизни человека) примат за социальным. О том, что этими установками руководствуются нынешние руководители «теоретического фронта», свидетельствует такое утверждение члена редколлегии журнала «Вопросы философии» А. Ф. Шишкина:

«Проблема наследственности и среды, природы и воспитания человека требует очень серьезного внимания и не решается усилиями одних генетиков. Методологическим ключом к ее решению является марксистское положение об определяющей роли социальных отношений в формировании личности».³

Ведущий советский теоретик-психолог А. Н. Леонтьев (он заслуженный деятель науки РСФСР, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР и декан факультета психологии МГУ) писал:

«Все психические свойства и процессы человека представляют собой продукт динамических прижизненно складывающихся систем мозговых связей — основных рефлексов».⁴

Эти установки «теоретического фронта» развивает и другой ведущий теоретик советской психологии Ф. Т. Михайлов в книге «Загадка человеческого я» (Москва, 1964 г.). Излагая смысл утверждений Ф. Т. Михайлова, доцент Донецкого медицинского института Д. Н. Дубровский писал:

«Психологические особенности определяются не анатомо-физиологическими (структурно-функциональными) особенностями мозга, а средой, совокупностью общественных отношений».⁵

Доцент Д. Дубровский критиковал эти казенные установки, игнорирующие роль биологических факторов в жизни человека, людей, общества.

К числу послушных «теоретическому фронту» ученых относится и Л. И. Божович. Она писала:

«У ребенка еще нет развернутой речи и развернутой системы предствлений; он целиком зависит от тех внешних воздействий, которые идут от окружающей среды».⁶

Критикуя это отрицание роли наследственных, генетических свойств, советский психолог А. В. Брушлинский писал: «Это широко распространенная у нас точка зрения».⁷

Иными словами — такова разрешенная в СССР точка зрения. Такова установка «теоретического фронта».

О том, что именно так обстоит дело, можно прочитать, в частности, в статье доктора медицинских наук, профессора К. К. Платонова. Критикуя авторов ортодоксальных статей в «Известиях» и в «Комсомольской правде» о соотношении биологического и социального, К. К. Платонов писал:

«Многие другие философы, психологи, педагоги, юристы, врачи и литераторы стоят на той точке зрения, на которой двести лет назад стоял Гельвеций. А он, как известно, писал: «Квинтилиан, Локк и я утверждаем: неравенство умов есть результат известной причины и эта причина — разница в воспитании».⁸

Такова оценка советским ученым установок «теоретического фронта» о соотношении социального и биологического в жизни человека и в развитии общества. Эти установки по сути дела, гильецианские; они игнорируют или, в лучшем случае, радикально умаляют роль биологических факторов (в первую очередь наследственности) в развитии человека и общества.

Чем вызвана такая позиция «теоретического фронта»? Ведь советские идеологи постоянно клянутся, что главное в их учении — это научность. Что же вынуждает их сейчас отстывать теории, принципы, несовместимые с биологическими знаниями, с наукой?

Дело в том, что признание роли биологических факторов в развитии человека и общества противоречит диалектическому и историческому материализму, то есть философии марксизма-ленинизма. Разберемся в этом.

Как известно, марксисты-ленинцы считают диалектику «душой марксизма» (В. Ленин). «Вкратце, диалектику можно определить как учение о единстве противоположностей», — писал В. Ленин («Философские тетради», Москва, 1947, стр. 194).

В соответствии с этим постулатом, советские идеологи анализируют и расценивают все явления в «природе, обществе и мышлении», включая исторические процессы, путем «раздвоения единого». С позиций этого генерального тезиса марксистско-ленинской философии общественное развитие происходит вследствие единства и борьбы противоположностей (производительных сил и производственных отношений, рабочих и капиталистов). Причем, антагонистические (с марксистской точки зрения) противоречия, такие, как противоречия между рабочими и капиталистами, разрешаются согласно диалектическому и историческому материализму путем ликвидации одной из противоположностей другою. Это значит, что, согласно этой аксиоме, рабочие должны ликвидировать капиталистов. В этом суть попытки теоретического обоснования коммунистическими идеологами утверждений о неизбежности коммунистической революции для установления так называемой «диктатуры пролетариата» (фактически — диктатуры руководства компартий).

С позиций современных биологических знаний упомянутая теоретическая конструкция марксистов-ленинцев оказывается лишенной научного основания, поскольку эта конструкция возведена на основе анализа (ошибочно, ненаучного) только социально-экономических и политических аспектов общественного бытия без учета роли биологических факторов. Признание же роли биологических факторов в развитии общества означает, что кроме социальных противоположностей (например рабочие — капиталисты) и экономических противоположностей (производительные силы — производственные отношения) общественное развитие импульсируют, обуславливают, определяют такие факторы, как генетическая структура общества, психический тип исторических личностей, как и политические активные силы этого общества и всего народа. О роли биологических факторов в развитии общества говорил, в частности, видный советский генетик, доктор биологических наук А. А. Нейфах на совещании, организованном редакцией журнала «Вопросы философии». А. Нейфах сказал:

⁸ «Вопросы философии», № 9, 1970, стр. 141.

¹ «Вопросы философии», № 9, 1970, стр. 152.

² Ф. Энгельс, Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, «Вопросы философии», № 11, 1970, стр. 83 и К. Маркс и Ф. Энгельс, том 20, Гос. изд. полит. литер. Москва, 1961, стр. 486.

³ «Вопросы философии», № 8, 1970, стр. 128.

⁴ А. Н. Леонтьев, «Вопросы психологии», № 1, 1955, стр. 29 и «Вопросы философии», № 9, 1970, стр. 153.

⁵ «Вопросы философии», № 8, 1968, стр. 128, 129.

⁶ Л. И. Божович, Личность и формирование в детском возрасте, Москва, 1968, стр. 229.

⁷ «Вопросы философии», № 9, 1970, стр. 152.

«Развитие науки и культуры во многом, хотя и не во всем, определяется высокоодаренными людьми... Научно-технический прогресс общества невозможен без особо одаренных людей и можно сказать, что от их количества зависят темпы научно-технического прогресса».⁹

Защищал значительность роли наследственности в проявлении способностей, одаренности человека великий русский ученый И. П. Павлов. В споре с ортодоксальными социологизаторами «теоретического фронта» академик И. П. Павлов говорил:

«Вы от человека отбрасываете как бы все, что прирожденно, и отдельно получаете то, что он приобрел. Это — абстракция, а реальность — это есть фенотип, то есть с чем родился и что представляет собой человек в результате индивидуальной жизни».¹⁰

Советский физиолог профессор П. К. Анохин писал о роли наследственности следующее:

«Многое из того, что мы считаем специфически человеческим, приобретенным человеком после рождения, на самом деле содержится в нашей генетике, заготовлено в нашей природе в форме фиксированных соотношений нервных структур».¹¹

Полемизируя с адептами «теоретического фронта», советский психолог А. В. Брушлинский писал:

«Отрицание наследственных предпосылок психического развития современного человека приводит к отрицанию психологической реальности».¹²

Таким образом, биологи утверждают, что в жизни человека и в развитии общества играют роль не только социально-экономические и политические факторы, не только социальные (рабочие — капиталисты) и экономические (производительные силы — производственные отношения) противоположности, но и биологические процессы, явления, факторы.

Ясно, что это опровергает миф марксистско-ленинской философии о том, что развитие вообще и история общественного развития в частности импульсируются только борьбой противоположностей. Признание этого факта ведет к пониманию того, что в истоке и ходе развития действуют, кроме противоположностей, другие существенные силы, факторы, тенденции, среди которых находятся и упомянутые биологические факторы. Равноправную (с противоположностями) роль в процессах развития играют нейтральные и промежуточные факторы, воздействия внешней среды (например других государств, войн и т. д.), субъективные влияния и импульсы, идеи, в том числе религии, идеологии, стимуляторы и катализаторы событий, микрофакторы процессов развития, случайности. На ход и исход общественных событий оказывают существенное влияние: жизненный стандарт трудящихся, уровень научно-технического развития, а также состояние, уровень вооружения и роль вооруженных сил и т. д. Таким образом только борьбой между рабочими и капиталистами импульс, ход и исход современного развития открытых обществ объяснить нельзя. Диалектическое «раздвоение единого» ведет к механистическому упрощению реальных сложных многокомпонентных процессов развития, в которых кроме противоположностей активно действуют и взаи-

модействуют многие, подчас очень многие факторы столь же существенные, как противоположности, а подчас, в какие-то периоды развития, и более существенные, решающие.

Как видим, идея, сформулированная еще древними философами, усвоенная затем Гегелем и марксистами, о том, что импульс и ход развития происходит только вследствие борьбы противоположностей, не отражает полноты и сложности истины. Выясняется, таким образом, что диалектика — это только ранняя, наивная методология, ставшая очередной ступенью на пути к более полному пониманию структуры событий, к пониманию вероятностного характера общих закономерностей развития природы и общества.

Современные руководители и теоретики коммунистического движения цепляются за диалектическую гносеологию, за диалектический и исторический материализм потому, что, основываясь на диалектическом «раздвоении единого», на законах диалектики, они пытаются обосновать выгодную им теорию марксистско-ленинского исторического детерминизма. Согласно этой теории борьба труда и капитала неизбежно, объективно ведет к «пролетарской социалистической революции и диктатуре пролетариата», то есть к диктатуре руководителей компартий. Эта теория однозначного исторического детерминизма, теория фатальной неизбежности установления коммунистической диктатуры логически мыслима только в том случае, если единственной движущей силой общественного развития признается единство и борьба противоположностей (рабочих — капиталистов, производительных сил — производственных отношений). Теоретики марксизма-ленинизма так и поступают.

Мы установили, что такое упрощенчество ненаучно, необоснованно и, таким образом, доказали несостоятельность теории марксистско-ленинского исторического детерминизма. В действительности нет неизбежности одного единственного исхода процессов развития общественной формации. В действительности существует возможность нескольких, подчас многих исходов, результатов этого развития. Это жестко обусловлено тем, что в многокомпонентных процессах (каковыми являются процессы общественного развития), неизбежны разные комбинации взаимодействий между компонентами (в числе которых — противоположности); и, значит, неизбежна возможность разных исходов, неизбежна вероятность реализации одного из нескольких или многих возможных исходов событий. Поэтому законы общественного развития мы называем вероятностными; они имеют вероятностный характер.

Мы развивали эти идеи в ряде публикаций истекшего десятилетия. Достижения современной биологии подтвердили правильность нашего понимания процессов всеобщего развития. Эти достижения биологии подтвердили оценку марксизма-ленинизма как учения, противоречащего науке и фактам реальной действительности.

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Редакция «Зарубежья» просит своих подписчиков и читателей извинить перебой в издании журнала. Он произошел вследствие временных финансовых затруднений. Редакция с запозданием выпускает двойной номер за сентябрь и декабрь 1971 года и одновременно высказывает надежду, что в дальнейшем журнал будет выходить бесперебойно.

9 «Вопросы философии», № 7, 1970, стр. 107.

10 Павловские клинические среды, том 1, стр. 615.

11 П. К. Анохин, Ленинская теория отражения и современная наука, Москва, 1966, стр. 291.

12 «Вопросы философии», № 9, 1970, стр. 158.

ЛУИ БОДЭН

Что такое социализм?*

Публикуемое нами ниже исследование социализма представляет собой часть введения к труду «Социалистическое государство инков». Этот вышедший в 1928 г. труд принадлежит перу крупного французского ученого экономиста Луи Бодэна. Книга выдержала во Франции три издания. Луи Бодэн, родившийся в 1887 г. в Брюсселе, — специалист в области кредитных систем, денежного обращения и ценообразования, профессор университета в Дижоне, член Института Франции, президент Французской ассоциации политических наук.

Бодэн — автор значительных трудов по общей экономике. Кроме того, он посвятил большую часть своей научной деятельности изучению истории и экономики южноамериканских культур, существовавших до завоевания Латинской Америки европейцами. По этим вопросам имеется обширная литература, однако, экономический аспект занимает в ней сравнительно небольшое место. Он особенно слабо разработан в отношении культуры империи инков до ее завоевания испанским конкистадором Франсиско Писарро в 1532 г. Луи Бодэн является первым ученым экономистом, который обратил внимание на экономику и социальный строй инков и показал, что в ней впервые в истории человечества социалистический строй был осуществлен с предельной точностью (полностью и окончательно) и со всеми вытекающими из него для отдельной человеческой личности последствиями.

Нет необходимости подчеркивать, что анализ этого в высшей степени компетентного автора показывает многие параллели с экспериментами осуществления социалистического строя в разных странах мира, свидетелями чего являемся мы в наши дни.

Слова бывают зачастую обманчивыми. Не так легко объяснить понятия, ставшие обиходными. Но как раз употребление понятий, смысл которых не зафиксирован с предельной точностью, порождает постоянные недоразумения. Поэтому можно сказать без преувеличения, что многие споры являются следствием спорных понятий. При этом иногда достаточно лишь одного слова, вызывающего отклик, чтобы увлечь за собой массы и вызвать всенародное движение, и опять достаточно одного единственного слова, еще менее ясного, чем первое, чтобы завуалировать содержащиеся в нем противоречия.

Нет другого слова, допускающего так много толкований, как слово «социализм». Им обозначаются многие учения, весьма отличающиеся одно от другого, так что это слово стало, в конце концов, резервуаром всевозможных разношерстных понятий. Поэтому мне придется с наибольшей точностью установить, что в моем изложении понимается под словом «социализм».

Если антагониста социализма, который ставит упор на человеческую личность, мы назовем индивидуалистом, то социализм представится таким общественным строем, который ставит ударение на коллективе и исходит из общности, из массы. Все писатели, рисовавшие в своих произведениях картину будущего социалистического строя, подчеркивали массовый характер духовной и материальной жизни при этом строе. Массовая психология занимает место психологии отдельной личности.

Затем социализм обращается к разуму. Он отрицает представление о естественной закономерности экономи-

ческих процессов и восстает против нее. Социализм намерен установить в мире тот общественный строй, который он считает правильным, не заботясь о решающих духовных и душевных импульсах деятельности отдельной человеческой личности. Менее радикальные течения социализма считают в лучшем случае нужным ввести некий переходный период для духовного перевоспитания масс. Это революционный период, период диктатуры пролетариата, предусмотренный Лениным.

Но как же выглядит этот общественный строй, который является столь желанным по учению социализма? Это — строй, который обещает равенство всех людей вследствие упразднения частной собственности.

При социалистическом строе дело идет о нивелировании, о фактическом, а не юридическом равенстве людей, что не имеет ничего общего с декларацией прав человека.

Поэтому историки совершенно необоснованно, хотя и с великим тщанием, стараются обнаружить корни социалистической идеи во французской революции. Только один выступил тогда с намерением установить коммунизм «как единственное логически обоснованное средство» для достижения всеобщего равенства людей. Это был Бабеф, и он был приговорен к смертной казни.

В существующем в мире неравенстве людей социализм усматривает несправедливость. Индивидуалисты же стараются смягчить последствия различной судьбы и уважают различия, основывающиеся на заслугах отдельной личности. Они придерживаются взгляда, что богатые должны помогать бедным. В противоположность этому социалисты хотят осуществить равенство путем насилия: богатых лишают собственности, чтобы оделить бедных. В этом смысле христианство находится в противоречии к такому социализму; оно проповедует долг даяния, а не право отнимания.

Что касается упразднения частной собственности, то уже в самом понятии социализма содержится принцип обобществления. Оно может быть более или менее широким, т. е. распространяться только на средства производства или же на собственность как таковую. Однако одним этим признаком социализм не может быть определен, так как и анархизм основан на том же принципе. Но анархизм на этом останавливается, тогда как социализм строит дальше, создает новое и, как говорят теперь, вводит в се о б щ е е п л а н и р о в а н и е.

Двуликий образ индивидуализм-социализм представляется нам при более внимательном рассмотрении в виде резкого противоречия. Как мы знаем, индивидуализм образовался сам собой: он является результатом деятельности свободных людей и столкновения их интересов; он реалистичен. Он может быть определен как система организации общества, основанная на добровольном сосуществовании людей, приуроченном к психологии индивидов. Социализм же — система, которая возлагается на общество путем осуществления определенных теоретических принципов и приводит к упразднению частной собственности в определенных масштабах.

На основании этих определений мы можем составить себе представление о социалистическом обществе. Два ученых экономиста, авторитет которых неоспорим, помогут нам нарисовать точную картину общества, созданного на основе этой системы: ученые эти — Шефтле, известный автор труда «Сущность социализма» (1895), который настолько объективен, что большинство комментаторов причисляло его к лагерю социалистов, и Бургэн, труд которого «Социалистическая система и экономическая эволю-

*) Предисловие из книги Louis Baudin, Der sozialistische Staat der Inka, Rowohlts Deutsche Enzyklopedie, Hamburg 1956, 143 S. Расширенное оригинальное издание, авторизованное Л. Бодэном.

ция» (1906) заслужил похвалу Жореса, хотя автор в своем труде выявил отрицательные стороны социализма.

Ключом к зданию индивидуализма является механизм ценообразования, возникающий сам собой, без всякого насилия. Равновесие между производством и потреблением осуществляется автоматически путем действия индивидуальных импульсов, но под зорким наблюдением государства, которое обеспечивает строгое соблюдение правил игры. Это «ключевое положение» социализмом упраздняется и заменяется авторитарной властью. Социализм заменяет деловую реальность действиями людей, которые сами осуществляют это равновесие между производством и потреблением.

Иными словами, общественное управление изучает потребности и нужды населения, проверяет допустимость таких, устанавливает, насколько они обоснованы, и затем удовлетворяет их. Все это находится в исключительной компетенции бюрократии, деятельность которой состоит в управлении производством, распределении продукции и расчете. Централизация предстает перед нами в законченном виде. Потребности населения должны быть исследованы и обеспечено производство товаров. При этих условиях статистика приобретает решающее значение: малейший просчет, тем более малейшая нечестность могут повлечь за собой серьезные последствия. Если, например, управление допустит ошибку в вопросе снабжения хлебом, то его либо будет слишком много и придется его уничтожать, или же его будет слишком мало, и население будет голодать. Поэтому неперенным условием функционирования такой системы является безошибочность центральной власти и безупречность всех служб информации.

Но будет ли отдельная личность обладать при этом необходимой свободой, чтобы определять размер своих индивидуальных потребностей? Очевидно, нет, так как будет существовать опасность, что потребности чрезмерно возрастут. Но как, с другой стороны, государство сможет приравнять в точности размер производства к размеру установленных им потребностей? Личная заинтересованность отпадает, так как регулирующий фактор ценообразования в этой системе не существует. В обоих случаях неизбежным логическим выводом является необходимость для государства установить масштабы как производства, так и потребления чисто авторитарным путем: «Ты должен потреблять то и то, производить то и то». Племя инков так и поступало. Все население было включено в бюрократический аппарат. Каждый гражданин был подчинен стоящему над ним начальнику, и малейшее непослушание влекло за собой строгое наказание.

Неограниченный коммунизм, или система полного отчуждения собственности, предполагает изобилие продуктов производства по сравнению с существующими потребностями, чем окончательно разрешаются все экономические и социальные проблемы. Но это лишь мечта эксцентричной фантазии.

Мы должны ясно понять, что общество в социалистическом государстве совершенно лишается своего нормального облика. В нем не существует фактора цен, а так как нет и денежного базиса в настоящем смысле этого слова, то нет и торгового товарооборота, Товарное движение внутри государства протекает путем целого ряда передаточных и аккумуляторных процессов, руководимых и направляемых из единого и единственного центра. Такой «круговорот» не носит характера совокупных действий, основанных на личной инициативе. «Рыночного» товара больше не существует. Продукты производства являются подвижными богатствами или запасами, но не объектами товарообмена. Рынок и фондовая биржа больше не существуют, первый из-за отсутствия товара, вторая из-за отсутствия ценных бумаг, т. е. акций и облигаций. Общество обладает всеми средствами производства, но нет ни частного капитала, ни движения капитала в виде займов. Социализм уничтожает долговые обязательства, долги, аренды и наем, как и все движимое имущество.

Мы не будем рассматривать здесь детали организации этой общественной структуры, приверженцы которой толкуют ее по-разному. Во всяком случае возникает три трудности, которые необходимо преодолеть, чтобы общество могло существовать.

1. Осуществление экономического равновесия.

Оно устанавливается путем предварительного приблизительного расчета, потому что точный расчет часто невозможен. Как можно, например, точно установить будущий урожай, если он в значительной степени зависит от погоды? Количество товаров никогда не будет соответствовать заранее намеченному, которое должно соответствовать фактическому спросу на товары, если статистические данные верны. Как, например, можно предвидеть потребное количество скоропортящихся изделий фармацевтической промышленности? А если человек, спрос и потребление которого приняты в расчет, вдруг решит делать запасы, то это может создать угрозу всей системе. Каким путем можно избавиться от залежавшихся товаров или вышедших из моды изделий? Как следует провести выбор среди покупателей, если все хотят приобрести один и тот же товар, если запасы именно этого товара недостаточны вследствие неувязок в производстве? Лишь свободное ценообразование позволяет произвести эту необходимую селекцию, но именно этот важный фактор отсутствует при социализме.

2. Защита свободы.

Человек трудится или под принуждением, или же в силу материальной заинтересованности; так как этот последний мотив в полностью осуществленном социализме отпадает, приходится применять принуждение. Предположение, что человек трудится из удовольствия или из альтруизма, — чистая утопия. Человек не ангел и, видимо, не развивается в этом направлении. Поэтому социализм нуждается не только в бюрократических учреждениях для планирования, но и в многочисленных органах контроля и надзора. Каждый гражданин включен в какой-нибудь форме в бюрократический аппарат и связан строжайшим послушанием. В конечном итоге общество превращается в казарму.

3. Возможности прогресса.

«Будет ли социализм, — спрашивает ученый экономист Шефтле, — когда-нибудь в состоянии осуществить в пределах своего господства в той или иной мере великую психологическую истину и хозяйственную рентабельность индивидуалистического принципа, на основании которого личная заинтересованность содействует общественному производству?».

На этот вопрос ученый отвечает отрицательно. Ни меры принуждения, ни призыв к исполнению общественного долга не смогут заставить человека производить при минимально низких затратах максимальное количество общественных благ, так как он совершенно незаинтересован в этом, потому что его доля при распределении этих благ не находится в прямом отношении к его деятельности при производстве этих благ.

Современные теоретики идут еще дальше. Они показывают, что осуществить социалистическое общество при столь сложной экономике, как наша современная, было бы очень трудным делом. Как может руководитель предприятия играть роль в хозяйстве, т. е. направлять производственные факторы на максимальные достижения, если он не распоряжается ни деньгами, ни ценами? Сколько и какие орудия производства и сколько рабочей силы он должен ввести в процесс производства? В социалистическом государстве это численное соотношение должно быть раскрыто путем перспективных изысканий и после того, как оно будет найдено, будут необходимы постоянные изменения, так как экономические условия постоянно меняются. Такой метод ведения хозяйства обходится очень дорого и, кроме того, содержит в себе опасность оказаться недействительным.

С другой стороны, математическое решение проблемы стоимости невозможно, так как число необходимых уравнений составило бы многие сотни тысяч.

Единственной возможностью осуществления полного социалистического строя было бы возвращение к принципам простой первобытной экономики при строгом ограничении спроса и при создании насильственным путем необходимого равновесия между производством и потреблением.

Нынешние поборники социализма отнюдь не находятся

в заблуждении на этот счет. Поэтому они стараются оживить социализм посредством введения в его систему элементов индивидуализма. Но так как они не хотят отказаться от своих основных принципов, они должны выдвигать чуждые действительности неприменимые, двусмысленные понятия, как, например, «показная» конкуренция или «условные» цены.

Настоящее общее исследование нам кажется пока достаточным, чтобы составить себе в общих чертах понятие о сущности социализма.

Надежда МАНДЕЛЬШТАМ

Мое завещание*

— Пора подумать, — не раз говорила я Мандельштаму, — кому это все достанется... Шурику? Он отвечал: «Люди сохраняют... Кто сохранит — тому и достанется». «А если не сохраняют?». «Если не сохраняют, значит, это никому не нужно и ничего не стоит...» Еще была жива любимая племянница О. М. Татьяна, но в этих разговорах О. М. никогда даже не упомянул ее имени. Для него стихи и архив не были ценностью, которую можно завещать, а скорее восточкой, брошенной в бутылке в океан; кто поднимет ее на берегу, тому она и принадлежит, как сказано в ранней статье «О собеседнике». Этому отношению к своему архиву способствовала наша эпоха, когда легче было погибнуть за стихи, чем получить за них гонимый О. М. обрекал свои стихи и прозу на «дикое» хранение, но если бы полагаться только на этот способ, стихи бы дошли в невероятно искаженном виде. Но я случайно спаслась — мы ведь всегда думали, что погибнем вместе, — и овладела чисто советским искусством хранения опасных рукописей. Это не простое дело — в те дни люди, одержимые безумным страхом, чистили ящики своих письменных столов, уничтожая все подряд: семейные архивы, фотографии друзей и знакомых, письма, записные книжки, дневники, любые документы, попавшие под руку, даже советские газеты и вырезки из них. В этих поступках безумие сочеталось со здравым смыслом. С одной стороны бюрократическая машина уничтожения не нуждалась ни в каких фактах и аресты производились по таинственному канцелярскому произволу. Для осуждения хватало признания в преступлениях, которые с легкостью добывались в ночных кабинетах следователей путем конвейерных или упрощенных допросов. Для создания «группового» дела следователь мог связать в один узел совершенно посторонних людей, но все же мы предпочитали не давать следователям списков своих знакомых, их писем и записок, чтобы они не вздумали поработать на реальном материале... И сейчас, по старой памяти, а, может, в предчувствии будущих невзгод, друзья Ахматовой испугались, услыхав, что в архивы проданы письма ее читателей и тетради, куда она в период передышки начала записывать, кто, когда и в котором часу, должен ее навестить. Я, например, до сих пор не могу завести себе книжку с телефонами своих знакомых, потому что привыкла остерегаться таких «документов»... В нашу эпоху хранение рукописей приобрело особое значение — это был акт, психологически близкий к самопожертвованию — все рвут, жгут и уничтожают бумаги, а кто-то бережно хранит вопреки всему этому горсточку человеческого тепла. О. М. был прав, отказываясь назвать наследника и утверждая, что право наследования дает этот единственный возможный у нас знак уважения к поэзии: сберечь, сохранить,

потому что это нужно людям и еще будет жить... Мне удалось сохранить кое-что из архива и почти все стихи, потому что мне помогали разные люди и мой брат Евгений Яковлевич Хазин. Кое-кто из первых хранителей погиб в лагерях, а с ними и то, что я им дала, другие не вернулись с войны, но те, кто уцелел, вернули мне мои бумаги, кроме Финкельштейн-Рудаковой, которая сейчас ими торгует. Среди хранителей была незаконная и непризнанная дочь Горького, поразительно на него похожая женщина с упрямым и умным лицом. Многие годы у нее лежала «Четвертая проза» и стихи. Эта женщина не принадлежала к читателям и любителям стихов, но, кажется, ей было приятно хранить старинные традиции русской интеллигенции и ту литературу, которую не признавал ее отец. А я знала наизусть и прозу и стихи О. М. — могло ведь случиться, что бумаги пропадут, а я уцелею — и непрерывно переписывала (от руки, конечно) его вещи. «Разговор о Данте» был переписан в десятках экземпляров, а дошло из них до наших дней только три.

Сейчас я стою перед новой задачей. Старое поколение хранителей умирает, и мои дни подходят к концу, а время попрежнему удаляет цель: даже крошечный сборник в «Библиотеке Поэта» и тот не может выйти уже одиннадцать лет (эти строки я пишу в конце декабря 1966 года). Все подлинники попрежнему лежат на хранении в чужих руках. Мандельштам верил в государственные архивы, но я — нет. Ведь уже в начале двадцатых годов разразилось «Дело Ольденбурга», который принял на хранение в архив Академии наук неудобные начальству документы, имевшие, по его словам, историческую ценность; притом мы ведь не гарантированы от нового тура «культурной революции», когда снова начнут чистить архивы. И сейчас уже ясно, что я не доживу до издания этих книг и что эти книги не потеряли ценности, отлеживаясь в ящиках чужих столов. Вот почему я обращаюсь к Будущему, которое подведет итоги, и прошу Будущее, даже если оно за горами, исполнить мою волю. Я имею право на волеизъявление, потому что вся моя жизнь ушла на хранение горсточек стихов и прозы погибшего поэта. Это не вульгарное право вдовы и наследницы, а право товарища черных дней. Юридическая сторона дела такова: после реабилитации по второму делу меня механически, как и других вдов реабилитированных писателей, ввели в право наследства на 15 лет (до 1972, как у нас полагается по закону). Вся юридическая процедура происходила не в Союзе писателей, а просто у нотариуса, и потому мне не чинили никаких препятствий и все произошло, как у людей. Юридический акт о введении в права наследства лежит в ящике стола, потому что я получила оседлость, а до этого я около десяти лет держала его в чемодане. Теоретически я могла бы запретить печатать Мандельштама — положительный акт: разрешить — не в моей власти. Но, во-первых, со мною никто не станет считаться, во-вторых, его все равно не печатают и лишь изредка какие-то озорные журнальчики или

* Завещание Н. Я. Мандельштам, дополняющее ее Воспоминания, широко распространено в Самиздате. «Вестник РСХД», № 100, 1971 г., стр. 153—160 (перепечатка с разрешения).

газеты возьмут и тиснут случайную публикацию из своих «бродячих списков» — ведь, как говорила Анна Андреевна, мы живем в «догутенберговской эпохе» и «бродячие списки» нужных книг распространяются активнее, чем печатные издания. Эти журнальчики, если будет их милость, присылают мне за свои публикации свой дружеский ломаный грош, и я этому радуюсь, потому что в нем веяние новой жизни... Вот и все мои наследственные права, и как я уже сказала, со мной никто не считается. И в своем последнем волеизъявлении я веду себя так, будто у меня в столе не нотариальная филькина грамота, а полноценный документ, признавший и утвердивший мои непререкаемые права на это горестное наследство.

А если кто задумает оспаривать мое моральное и юридическое право распоряжаться этим наследством, я напомню вот о чем: когда наша монументальная эпоха выписывала ордер на мой арест, отнимала у меня последний кусок хлеба, гнала с работы, издевалась, сделала из меня бродягу, выселила из Москвы не только в 1938, но и в 1958 году, ни один человек не позволил усомниться в полноте моих вдовьих прав и в целесообразности такого со мной обращения. Я уцелела и сохранила остатки архива наперекор и вопреки советской литературе, государству и обществу, по вульгарному недосмотру с их стороны. Есть замечательный закон: убийца всегда недооценивает силы своей жертвы, для него растоптанный и убиваемый — это «горсточка лагерной пыли», дрожащая тень Бабьего Яра... Кто поверит, что они могут воскреснуть и заговорить?... Убивая, всякий убийца смеется над своей жертвой и повторяет: «Разве это человек?... Разве это называется поэтом». Тот, кто поклоняется силе, представляет себе настоящего человека и настоящего поэта в виде потенциального убийцы: «Этот нам всем покажет...» Такая недооценка своих замученных, истрадавшихся жертв неизбежна, и именно благодаря ей обо мне и о моей горсточке бумаг позабыли. И это спасение наперекор и вопреки всему дает мне право распоряжаться моим юридически оформленным литературным наследством.

Но — юридическое право иссякает в 1972 году — через пятнадцать лет после «введения в права наследства», которыми государство ограничило срок его действия. С таким же успехом оно могло назвать любую другую цифру или вообще отменить это право. Столь же произвольно на выплату наследникам не полного гонорара, а пятидесяти процентов. Почему пятьдесят, а не семьдесят или не двадцать? Впрочем, я признаю, что государство вправе как угодно обращаться с теми, кого оно создало, вызвало из небытия, кому оно покровительствовало, кого оно ласкало, тешило славой и богатством. Словом — купило на корню со всеми побегами и листьями. Наследственное пятнадцатилетие в отношении нашей литературы лишь дополнительная милость государства да еще уступка европейской традиции.

Но я оспариваю это ограничение пятнадцатью годами в отношении к Мандельштаму.

Что сделало для него государство, чтобы отнимать сначала пятьдесят, а потом все сто процентов его литературного наследства с помощью своих писательских организаций, официальных комиссий по наследству и чиновников, именующихся главными, внешними и внутренними редакторами? Они ли — бритые или усатые, гладкие любители посмертных изданий — будут перебирать горсточку спасенных мною листков и решать, что стоит, а чего не стоит печатать, в каких вещах поэт «на высоте», а что не мешало бы дать ему на переработку? Может, они и тогда еще будут искать «прогрессивности» со своих, продиктованных текущим моментом и государственной подсказкой, позиций? А потом делить между собой, издательством и государством, доходы — пусть начтожные, пусть в два гроша — с этого злосчастного издания? Какой процент отчислят они тогда государству, а какой его передовому отряду — писательским организациям? За что? По какому праву?

Я оспариваю это право и прошу Будущее выполнить мою последнюю и единственную просьбу. Чтобы лучше мотивировать эту просьбу, которая, надеюсь, будет удовлетворена государством Будущего, какие бы у него ни были законы, я перечислю в двух словах, что Мандельштам получил от государства, Прошлого и Настоящего, и чем ему обязан. Неполный запрет двадцатых и начала тридцатых годов: «не актуально», «нам чуждо», «наш читатель в этом не нуждается», украинское, развеселившее нас «нэ треба», поиски нищенского заработка — черная литературная работа, поиски «покровителей», чтобы протолкнуть хоть что-нибудь в печать... В прессе: «бросил стихи», «перешел на переводы», «перепевает сам себя», «лакейская проза» и тому подобное... После 1934 года — полный запрет, даже имя не упоминается в печати вплоть до 1956 года, когда оно возникает с титулом «декадент». Прошло почти тринадцать лет после смерти О. М., а книга его все еще «готовится к печати». А биографически — ссылка на вольное поселение в 1934 году — Чердынь и Воронеж, а в 1938 году — арест, лагерь и безымянная могила, вернее, яма, куда его бросили с биркой на ноге. Уничтожение рукописей, отобранных при обысках, разбитые негативы его фотографий, испорченные валики с записями голоса...

Это искаженное и запрещенное имя, эти ненапечатанные стихи, этот уничтоженный в печах Лубянки писательский архив — это и есть мое литературное наследство, которое по закону должно в 1972 году отойти к государству. Как оно смеет претендовать на это наследство? Я прошу Будущее охранить меня от этих законов и от этого наследника. Не тюремщики должны наследовать колоднику, а те, кто был прикован с ним к одной тачке. Неужели государству не совестно отбирать эту кучку каторжных стихов у тех, кто по ночам, таясь, чтобы не разделить ту же участь, оплакивал покойника и хранил память об его имени? На что ему этот декадент?

Пусть государство наследует тем, кто запродавал свою душу: даром, ведь, оно ни дач, ни почестей никому не давало. Те пускай и несут ему свое наследство хоть на золотом блюде. А стихи, за которые заплачено жизнью, должны остаться частной, а не государственной собственностью. И я обращаюсь к Будущему, которое еще за горами, и прошу его вступить за погибшего лагерника и запретить государству прикасаться к его наследству, на какие бы законы оно ни ссылалось. Это невесомое имущество нужно охранить от посягательства государства, если по закону или вопреки закону оно его потребует. Я не хочу слышать о законах, которые государство создает или уничтожает, исполняет или нарушает, но всегда по точной букве закона и себе на потребу и пользу, как я убедилась, прожив жизнь в своем законнейшем государстве.

Столкнувшись с этим ассирийским чудовищем — государством — в его чистейшей форме, я навсегда прониклась ужасом перед всеми его видами. И потому, какое бы оно ни было в том Будущем, к которому я обращаюсь, демократическое или олигархия, тоталитарное или народное, законопослушное или нарушающее законы, пусть оно поступится своими сомнительными правами и оставит это наследство в руках у частных лиц.

Ведь чего доброго, оно может отдать доходы с этого наследства своим писательским организациям. Можно ли такое пережить: у нас так уважают литературу, что посылают носителя стихотворческой силы в санаторий, куда за ним приезжает грузовик с исполнителями государственной воли, чтобы в целостности и сохранности доставить его в знаменитый дом на Лубянке, а оттуда — в теплушке, до отката набитой обреченными, протащить через всю страну на самую окраину к океану, и без гроба бросить в яму; затем через пятнадцать лет не после смерти, а после реабилитации завладеть его литературным наследством и обратит доходы с него на пользу писательских организаций, чтобы они могли отправить еще какого-нибудь писателя в санаторий или в дом творчества... Мыс-

лимо ли такое? Надо оттеснить государство от этого наследства.

Я прошу Будущее навечно, то есть пока издаются книги и есть читатели этих стихов, закрепить права на это наследство за теми людьми, которых я назову в специальном документе. Пусть их всегда будет одиннадцать человек в память одиннадцатистрочных стихов Мандельштама, а на место выбывших пусть оставшиеся сами вытеснят заместителей.

Этой комиссии наследников я поручаю бесконтрольное распоряжение остатками архива, издание книг, перепечатку стихов, опубликование неизданных материалов... Но я прошу эту комиссию защищать это наследство от государства и не поддаваться ни его застраиваниям, ни улециванию. Я прожила жизнь в эпоху, когда от каждого из нас требовали, чтобы все, что мы делали, приносило «пользу государству». Я прошу членов этой комиссии никогда не забывать, что в нас, в людях, самодевуляющая ценность, что не мы призваны служить государству, а государство нам и что поэзия обращена к людям, к их живым душам, и никакого отношения к государству не имеет, кроме тех случаев, когда поэт, защищая свой народ или свое искусство, сам обращается к государству, как иногда случается во время вражеских нашествий, с призывом или упреком. Свобода мысли, свобода искусства, свобода слова — это священные понятия, непрерываемые, как понятия добра и зла, как свобода веры и ис-

поведания. Если поэт живет, как все, думает, страдает, веселится, разговаривает с людьми и чувствует, что его судьба неотделима от судьбы всех людей — кто посмеет требовать, чтобы его стихи приносили «пользу государству»? Почему государство смеет объявлять себя наследником свободного человека? Какая ему в этом польза, к стати говоря? Тем более в тех случаях, когда память об этом человеке живет в сердцах людей, а государство делает все, чтобы ее стереть...

Вот почему я прошу членов комиссии, то есть тех, кому я оставляю наследство Мандельштама, сделать все, чтобы сохранить память о погибшем — ему и себе на радость. А если мое наследство принесет какие-нибудь деньги, тогда комиссия сама решит, что с ними делать — пустить ли их по ветру, отдать ли их людям или истратить на собственное удовольствие. Только не создавать на них никаких литературных фондов или касс, стараться спустить эти деньги попроще и почеловечнее в память человека, который так любил жизнь и которому не дали ее дожить. Лишь бы ничего не досталось государству и его казенной литературе. И еще я прошу не забывать, что убитый всегда сильнее убийцы, а простой человек выше того, кто хочет подчинить его себе.

Такова моя воля, и я надеюсь, что Будущее, к которому я обращаюсь, уважит ее хотя бы за то, что я отдала жизнь на хранение труда и памяти погибшего.

ВЛАДИМИР САМАРИН

Подвижнический путь

I.

С шестиколесной автострады, по которой день и ночь идут потоки машин к Нью-Йорку и из Нью-Йорка, на север, к канадской границе, мы сворачиваем к тихому провинциальному городку Спринг-Валли.

Городок остается слева, асфальтированная дорога, куда нам нужно свернуть, круто поворачивает вправо, и через две минуты мы у ворот русского монастыря — Новое Дивеево.

За деревьями — голубой купол монастырской церкви, построенной в стиле древних псковских храмов, до сих пор поражающих любителей и ценителей архитектуры строгостью форм, высоким вкусом древних зодчих.

На обширной территории монастыря — русское православное кладбище.

На главной дороге — часовня в память погибших чинов Русского корпуса, часть кладбища, где покоятся участники Белой борьбы. Там же, близ часовни, и памятник руководителем и участникам Освободительного движения периода Второй мировой войны, погибшим в борьбе против коммунизма.

Здесь Русский пантеон. Здесь и воздух будто наш, русский. И тишина, и покой.

2.

История Новодивеевского монастыря — это история неустанной, жертвенной деятельности его организатора и бессменного главы, человека замечательного, — иерарха Русской Зарубежной Церкви епископа Андрея (Рымаренко). В конце 1971 г. исполнилось 50 лет с того дня, когда молодой еще человек, бывший студент Петербургского политехнического института Адриан Адрианович Рымаренко принял священство.

Родился он 28 марта 1893 года в г. Ромны Полтавской губернии. Закончил Роменское реальное училище, поступил в Политехнический институт, блестяще учился. Когда заканчивал институт, началась революция. Россия рух-

нула, но и при большевиках молодой инженер, приспособившись к новому строю, мог бы жить относительно спокойно.

Адриан Рымаренко выбрал иной путь, тяжелый, но честный.

Увлечение Достоевским и изучение его, знакомство с христианским учением, встречи и беседы с истинными пастырями, — все это привело его к Церкви и в Церковь.

Начинались жесточайшие гонения на священников, но это не испугало молодого человека, а только укрепило его решение отдать свои силы и знания служению Церкви и людям.

Обстоятельства сложились так, что он попал в Оптину пустынь, к старцу Нектарию, ученику великого старца Амвросия — и решение претворилось в жизнь: 14 октября 1921 года Адриан Рымаренко был рукоположен во диакона, а через три дня во священника. В том же году он был назначен священником в свой родной город Ромны.

В 1926 году Александро-Невская церковь, где служил отец Адриан, была закрыта, а сам он распоряжением местного отдела ГПУ был выслан из Ромен.

Начались годы скитаний. В 1930 году — арест, Лукьяновская тюрьма в Киеве. Из тюрьмы вырвался. Переезжал из города в город, жил без прописки, скрывался. Совершал тайные богослужения и требы, постоянно рискуя свободой.

Это была поистине подвижническая жизнь, какую вели священники подпольной Катакомбной церкви.

Началась война, в считанные месяцы немцы заняли почти всю Украину.

Отец Адриан стал духовником Покровского женского монастыря в Киеве.

На территориях, занятых немцами, открылось немало церквей, они всегда были переполнены молящимися, но жизнь была такою же страшной, как и там, где у власти были единые по духу братья нацистов — коммунисты.

Отец Адриан спасал людей от арестов, кормил голодающих, все силы свои отдавал обездоленным, несчастным.

Когда началась эвакуация Киева, отцу Адриану удалось вывезти из Киева больше ста человек.

3.

В 1943 году он был назначен настоятелем русского православного собора в Берлине.

Прот. Александр Киселев вспоминает в «Новом русском слове», в очерке, посвященном отцу Адриану, теперь епископу Андрею, что по воскресеньям собиралось до тысячи и больше молящихся. Пешком приходили из разных концов Берлина. «И как молились, и как стояли, и как пели!»

Берлинский кафедральный собор в то время был местом, где бесправные русские люди, вывезенные на работу в Германию, находили не только духовную поддержку. В подвале собора была столовая, куда люди шли днем и ночью. В соборе находили пристанище те, кому была нужна помощь.

Мягкий и внимательный к людям, отец Адриан, когда это требовалось, проявлял большую силу воли, настоящее мужество.

Было, например, распоряжение Гестапо: закрыть «остовцам», то есть лицам вывезенным на работу в Германию из оккупированных на Востоке областей, доступ на богослужения.

Отец Адриан, поддержанный Митрополитом Серафимом (Ляде), ответил категорическим отказом, и собор по-прежнему был переполнен.

В Берлине, во время одного из воздушных налетов, погиб старший сын отца Адриана Серафим. Только вера спасает, только подлинная вера помогает перенести такое горе, и отец Адриан выдержал такое испытание, с прежней энергией продолжал служить Церкви и людям.

В 1945 году с семьей своей — матушкой и вторым сыном — и семьей духовной, помогавшей ему во всех его добрых делах, — эвакуировался в Южную Германию, жил под Штуттгартом, помогал, как всегда, людям.

В 1949 году со всею церковной общиной переехал в Америку.

4.

Здесь и начинается история Новодивеевского монастыря.

Осенью 1949 года Синод Русской Зарубежной Церкви поручил отцу Адриану основать в США женский монастырь, собрать из разных стран русского расселения монахинь.

Отец Адриан, со своим другом и многолетним помощником князем Д. В. Мышецким и всеми бывшими с ними по переселении в Новый Свет начинали с ничего. Денег не было ни цента, но была вера и горячее желание сделать, создать.

Будто случайно, неожиданно, а для верующего человека чудесным образом получили пустующий особняк. Через полгода приобрели землю с большим домом, с постройками.

Разрешений на устройство новых кладбищ власти штата Нью-Йорк не дают. Отец Адриан добился этого разрешения. На постройку храма не хватало средств — отец Адриан словом своим воодушевил верующих, и храм был построен.

Еще одно тяжкое испытание постигло его: умерла матушка, жена и друг, помощница во всех делах.

В феврале 1968 года отец Адриан принял монашество, был хиротонисан во епископа, стал викарным епископом Нью-Йоркской епархии Андреем Роклендским.

Продолжая возглавлять Новодивеевский монастырь, выдержал еще одно испытание, чудесным образом отстоял монастырь.

На этот раз опасность пришла со стороны, откуда ее и не ждали. Некоторые деловые круги решили строить по соседству с монастырем крупный аэродром, готовились уже захватить — конечно, не бесплатно и по штатным законам — монастырскую землю, кладбище, чтобы срывать все с лицом земли и пустить по бетонным дорожкам реактивные самолеты.

Уже больной, с надорванным нелегкой жизнью здоровьем, епископ Андрей, поддержанный не только верующими, но и всей нашей эмиграцией, защитил, отстоял и монастырь, и Русский пантеон.

Бесы

(Речь, прочитанная на собрании памяти Достоевского в Нью-Йорке, 21 ноября 1971 г.)

Писатель Аркадий Белинков, вырвавшийся из Советского Союза в 1968 году, был арестован во время войны.

Измученному многочасовыми допросами и пытками Белинкову дали, в качестве доказательства его тяжкой вины перед бесовской властью, «Заключение экспертной комиссии», изучившей подготовленный им к печати роман и архив, изъятый при аресте.

Кроме «Заключения», одним из авторов которого был критик и литературовед В. В. Ермилов, в деле был еще личный донос последнего, требовавшего расстрела Белинкова.

Из ночного телефонного разговора палача-следователя с Ермиловым Белинков узнал, что маститый литературовед по совместительству был сексотом органов госбезопасности, и не простым сексотом, а маститым, заслуженным.

Великим провидцем, каким был Федор Михайлович Достоевский, свыше дано узреть будущее, и он пред-

видел торжество Шигалевых и Верховенских, но подозревал ли он, что его творческое наследие будет препарироваться и расчленяться бесами в образе литературоведов?

В советском достоевковедении (халдейское слово, сказал бы Бунин!) имя В. В. Ермилова занимает видное место.

Его перу, в частности, принадлежит «Очерк творчества», предпосланный десятитомному собранию сочинений Достоевского, вышедшему в 1956 г.

В очерке даются апробированные формулировки, руководящие указания.

В библиотеках провинциального города, где я жил, не достать было книг Достоевского, но тот, кто хотел, мог найти их в частных библиотеках, они ходили по рукам, как ходят теперь произведения Самиздата.

Мы знали, мы видели прототипов «Бесов» Достоевского: они были хо-

зяевами России и хозяевами ее остаются.

И давно умерший писатель живет в своих книгах.

И загнанный в подполье, он был сильным: люди читали его, а официально о нем молчали.

После долгих колебаний решили издать, а против изданного, появившегося на полках библиотек, в программах средних и высших учебных заведений, начали войну.

Ермилов пишет:

«Достоевский дал трагическую картину жизни народа под иггом Романовых...»; его «разоблачение язв капитализма было критикой с позиции реакционной...»

Ермилов утверждает: в «Братьях Карамазовых» «произошел тяжелый самообман писателя...»; в «Бесах» он «всецело стоит на позициях защиты дворянско-буржуазного общества».

До таких нелепостей доходят со-

ветские комментаторы. Такая война ведется против Достоевского.

В отличие от маститого сотрудника органов госбезопасности, достоевсковеды Л. П. Гроссман, А. С. Долинин, М. М. Бахтин и другие в капитальных трудах, посвященных Достоевскому, выступают в латах научной объективности.

Советские достоевсковеды, как правило, призывают на помощь основоположника социалистического реализма Горького, который говорил о «злом гении» Достоевского, о влиянии на людей «ядовитого таланта» его, о реакционных тенденциях его творчества. Между тем, и сам Горький признавал, что Достоевский по таланту может быть равен только Шекспиру.

Живое тело единого в своей устремленности к высшим ценностям творчества великого писателя рассекается с тем, чтобы можно было искренне писать о Достоевском, гениальном художнике, и лукаво о Достоевском, провидце российской катастрофы.

Именно об этом пишет в последнем номере «Литературной газеты», за 11 ноября 1971 года, критик Т. Л. Мотылева, настоятельно советует видеть в Достоевском «прежде всего автора гениальных романов, а не христианского проповедника», жалуется на тех зарубежных ученых, которые видят гений Достоевского в его единственности и неповторимости.

Очень недовольна Т. Л. Мотылева, например, французским ученым Пьером Паскалем, автором монографии «Достоевский» (1969). «Паскаль, — негодует она, — осторожно, исподволь, но очень настойчиво выдвигает на первый план те стороны наследия Достоевского, которые были враждебны социализму и революции».

Враждебность Достоевского коммунистическому бесовству и выдвигать не нужно: она на первом плане, она в самой сущности его творчества.

Достоевский представляется мне Гулливером, вокруг которого суетится толпа лилипутов, старается связать его, повалить. А он стоит во весь рост, он говорит во весь голос. Его книги на полках библиотек, в руках читателей.

Перед читателем теоретик грядущей тирании Шигалев, разделивший человечество «на две неравные части: одна десятая получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятими».

Двойник Шигалева — Ленин, теоретик диктатуры пролетариата, цинично подменивший ее диктатурой коммунистической партии над пролетариатом, над всем народом.

Перед читателем Верховенский, идейный убийца, практик шигалевщины.

«Слушайте, мы сначала пустим смуту, — торопился ужасно Верховенский, поминутно хватая Ставрогина за левый рукав. — Я уже вам гово-

рил: мы проникнем в самый народ». Не о том ли писал много раз Ленин?

Перед читателем Федька Каторожный, убийца по ремеслу, а рядом его двойник, массовый убийца Сталин.

Ленинизм и есть шигалевщина, претворенная в жизнь Лениным, его верным учеником Сталиным и сталинскими преемниками.

«Записки из мертвого дома» Тургенев сравнивал с Дантовым «Адом», а Герцен со «Страшным судом» Микеланджело. Но с чем сравнить повесть «Один день Ивана Денисовича» и роман «В круге первом» Солженицына, если круг первый коммунистического ада страшнее последнего круга «Ада» Данте?

Роман «Бесы» написан в 1871—72 годах, ровно сто лет тому назад, но будто сейчас бес Верховенский, современник наш, доверительно сообщает Ставрогину:

«Слушайте, я их всех сосчитал: учитель, смеющийся с детьми над их Богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развее своих жертв и, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убившие мужика, чтоб испытать ощущение, наши. Присяжные, оправдывающие преступников, сплошь наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают!»

Гений Достоевского, прозрев катастрофу России, видит смертельную угрозу, нависшую над всем миром.

«Я никогда не видел этого человека, — писал Лев Толстой о Достоевском Страхову, — и никогда не имел прямых отношений с ним, и вдруг, когда он умер, я понял, что это был самый

близкий, дорогой, нужный мне человек».

Но гений не умирает — он живет в том, что создал, и Достоевский, великий провидец, познавший законы бытия, проникший в глубины Духа, продолжает стучать в железные ставни, закрывшие человеческие души.

Писатель нового поколения Юрий Бондарев говорит о Достоевском в «Литературной газете» (11 ноября 1971 года): он огромен, он сложен, «он напоминает длительную пытку без надежды на избавление...» Если расчленять творчество Достоевского, если видеть в нем только художника, автора гениальных романов, избавления и не увидишь. В своей единственности творчество Достоевского — некая Вселенная духа, может быть, и не до конца познаваемая, а в ней своя Солнечная система и в центре ее Христос. В Нем и видит Достоевский избавление.

Мы живем во времена поистине апокалиптические, и можно понять тех, кто говорит о грядущем царстве Антихриста, приход которого подготавливают коммунистические правители, утвердившие власть свою над половиной мира, угрожающие всему миру.

Огромны силы Зла, но могущественнее их силы Добра.

Я верю, что далекий в географическом пространстве читатель Достоевского близок мне по духу, и я отчетливо вижу его в родном моем городе! Тот читатель, младший брат мой, от которого зависит будущее России, повторяет вслед за старцем Зосимой: «Я же мыслю, что мы с Христом великое дело решим...»

Великое дело преобразования духа, ведущее к освобождению России!

Владимир Самарин

Рецензии

П. Е. КОВАЛЕВСКИЙ. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920—1970). 8⁰, 347 стр., 50 иллюстраций на 14 отдельных страницах, Librairie des cinq continents. Париж, 1971.

Давно уже сообщалось на столбцах «Зарубежья» о проекте выпуска к пятидесятилетию русского Зарубежья — русской эмиграции — «Золотой книги русской эмиграции», в которой подводился бы итог деятельности русских эмигрантов во всевозможных областях культурной жизни, не только внутри русского рассеяния, но и внутри тех стран, в которых русские эмигранты живут. По некоторым, нам неизвестным причинам, это издание (для участия в котором был привлечен ряд русских зарубежных специалистов в разных областях) не состоялось и о нем замолчали. Вместо

него появилась теперь книга П. Е. Ковалевского.

Конечно, 350 (круглым счетом) страниц текста оказалось мало для того, чтобы в полной мере и всесторонне охватить все стороны культурной деятельности русских эмигрантов за такой долгий период времени — за половину столетия. Мало и для того, чтобы более или менее подробно остановиться на биографии самых выдающихся деятелей. Поэтому автору пришлось во многих случаях быть весьма кратким. Автор также привлёк к составлению отдельных глав своей книги специалистов в той или иной области.

Начинается книга историей русского зарубежья (т. е. русской эмиграции). При этом освещаются и те правовые условия, в которых протекала культурная жизнь эмиграции в разных странах, в которых расселялись русские люди начиная с 1920 года.

Следующая часть рассматривает общую культурно-просветительную ра-

боту эмигрантов в разных странах. Сюда включен краткий обзор русских учебных заведений и научных институтов всех рангов, работы русских ученых как внутри эмиграции, так и в местных научных учреждениях. В этом отделе, которому уделено почти 200 страниц, охватываются почти все научные области, начиная от медицины и геологии и кончая богословием и церковным искусством. При этом указаны различные организации, связанные с той или иной областью культурной деятельности.

Русской литературе и русскому искусству за рубежом посвящена третья часть (около 100 страниц) труда П. Е. Ковалевского. Здесь отдельные статьи составлены Ю. Терапиано (о поэзии), В. С. Аверино (о шахматистах), А. М. Кононовой-Милославской (о русских в Болгарии), В. В. Беллиным (о русских в Египте) и В. Ф. Салатко-Петрице (об эмиграции на Дальнем Востоке).

Заканчивается книга библиографией на разных языках.

Фотографии (за исключением восьми) представляют собой портреты важнейших упоминаемых в книге лиц; некоторые из этих иллюстраций — очень редки (напр. философа Н. А. Бердяева, Н. О. Лосского, проф. В. П. Вышеславцева, П. Б. Струве, конструктора самолетов И. И. Сикорского, писателя И. С. Шмелева и др.). Конечно, «нельзя объять необъятное», как сказал когда-то Кузьма Прутков, а потому нужно быть благодарным издателю за то, что он дал возможность поместить хоть несколько портретов самых выдающихся культурных деятелей эмиграции.

Труд П. Е. Ковалевского отличается полной объективностью в отношении каких-либо политических или церковных разделений, вклинившихся в жизнь эмиграции. Автор просто цитирует (когда это совершенно необходимо) те или иные факты, не входя в их оценку или в анализ причин, их вызвавших. Все его внимание сосредоточено исключительно на том, что сделано русскими эмигрантами в культурном отношении за полвека существования эмиграции и кто особенно выдвинулся на том или ином культурном поприще. При этом автор не обходит молчанием и того влияния, которое оказали русские эмигранты на культурную жизнь тех стран, в которых им пришлось жить (и — в большинстве случаев — стать гражданами той страны, в которой им довелось действовать).

Уже при беглом знакомстве с содержанием книги видно, что для того, чтобы подробно охватить все то, что конспективно изложено в книге П. Е. Ковалевского, потребовалось бы несколько томов. Но как всесторонний справочник истории, культурной жизни и роли эмиграции после первой и после второй мировых войн книга

вполне отвечает своему заглавию. Приятно отметить отсутствие какой-либо полемики или политической тенденции, которые нередко чувствуются в разных работах об эмиграции. Автор излагает свой предмет деловито, спокойно, сжато, строго оставаясь в рамках данных им заголовков. Даже вынужденная иногда лаконичность выражений и краткость изложения не смущают читателя; книга читается легко и с интересом. Читатель получает ясное представление о том, что в среде русской эмиграции были не только «чашки чая» бывших институтов и бывших кадет (об этом в книге нет и полслова!), а была большая интеллектуальная и культурная

творческая жизнь, продолжающаяся и сейчас. И это — несмотря на часто крайне неблагоприятные внешние условия, в которых находились русские эмигранты. Даже если значительная часть эмигрантов работает в нерусских институтах — все же этих тружеников дала русская эмиграция. Они — доказательство жизненной и творческой силы русской эмиграции, где поколению, уже сделавшему свое дело, приходит смена — молодые силы, о которых, между строк книги П. Е. Ковалевского можно уже прочитать, и о которых скажет в свое время новый историк культурной жизни зарубежной России.

В. Сорокин.

Х Р О Н И К А

ЗАРУБЕЖНОЙ ЖИЗНИ

90-ЛЕТИЕ

ОЛЕГА ИВАНОВИЧА ПАНТЮХОВА

«Когда по улице или по церковному двору солнечной Ниццы проходит военным шагом по виду немногим старше средних лет господин, а приезжающие спрашивают, кто это такой, а я называю его фамилию, приезжающие в Ниццу говорят: «А! это тот самый». Да, это тот самый, который создал в Императорской России скаутов».

Так писал в 1967 г. из Ниццы корреспондент «Русской мысли» Н. Подбересский. Сегодня у Олега Ивановича Пантюхова далеко от гвардейский шаг, но за пять лет особых перемен не заметно и Олег Иванович попрежнему ходит в русскую церковь или прогуливается по солнечной Ницце.

Олег Иванович Пантюхов родился в Киеве 25 марта 1882 г. в семье военного врача, антрополога и историка. В 1899 г. Олег Иванович окончил Тифлисский кадетский корпус, а в 1901 г. был выпущен из Павловского военного училища, где он был фельдфебелем роты Его величества, в 1 Стрелковый батальон в Царском Селе. Участник первой мировой войны и кавалер ордена Св. Георгия, он выехал с семейством в 1920 г. за границу через Константинополь.

О. И. Пантюхов известен широким кругам эмиграции не только как основатель в России первого отряда юных разведчиков и Старший русский скаут, но и как автор книг «О днях былых», встретившей во всех кругах эмиграции самые лестные отзывы, «Памятки юного разведчика» (1910 г.), «В гостях у бой-скаутов» (1912 г.), «Русским скаутом» (1929 г.) и многочисленных бесед, которые Олег Иванович из Америки рассылал скаутским руководителям во всех странах нашего рассеяния и которые читались молодежи на сборах или у костров. Олег Иванович их сам писал, сам печатал на мимеографе и сам их рассы-

лал. Впоследствии некоторые беседы вошли в его две последние книги. Беседа «Черный год», написанная в 1967 г. к 50-летию советской власти, была переведена на английский язык, разослана всем скаутским организациям мира и опубликована в некоторых иностранных журналах.

О. И. Пантюхова знают по обе стороны «Железного занавеса». В 20-х гг., когда советская власть боролась со скаутским движением в Советском Союзе, он был постоянной мишенью для коммунистической прессы, но и недавно советская власть пыталась устами Кочетова в повести «Чего же ты хочешь» дискредитировать Олега Ивановича и скаутизм-разведчество в глазах сегодняшней советской молодежи. Не будучи политическим деятелем, в глазах коммунистов О. И. Пантюхов стал политической личностью.

Несмотря на то, что организация скаутов не политическая партия и стремится только к самовоспитанию согласно разведческого Торжественного обещания и разведческих законов, она должна была дважды за свою историю уходить в подполье. Первый раз — в СССР, в 1923 г., когда большевики запретили скаутскую организацию, и второй раз, когда в ский Союз и нацистская Германия разгромили на оккупированных ими территориях скаутские организации. Ни одна молодежная организация ни в России, ни в эмиграции, за исключением скаутов-разведчиков, не рискнула на подобный шаг, и это следует по достоинству оценить.

Национальная Организация Русских Скаутов и Организация Российских Юных Разведчиков во всех странах нашего рассеяния скромно отмечают 90-й день рождения своего основателя и Старшего русского скаута и крикнут ему — «Всегда готовы! За Россию!».

Р. Полчанинов

Работа русских католиков

Издательство «Жизнь с Богом» в Брюсселе

Во время второй мировой войны тысячи русских военнопленных работали на шахтах в Бельгии. Среди них, так же как и среди «перемещенных лиц», так называемых ди-пи, прибывших после войны в Бельгию или находившихся в беженских лагерях Германии и Австрии, наблюдался живой интерес к религии.

Я заканчивала тогда образование в Лувенском университете и во время каникул имела возможность встречаться в Лимбурге с этими людьми, много пережившими и нуждавшимися в моральной и еще больше в духовной поддержке.

Лувенские студенческие кружки и некоторые профессора заинтересовались возможностью контакта с этими представителями новой России и поняли необходимость оказать им помощь. Таким образом, в мае 1945 г. был создан в Брюсселе «Бельгийский Комитет Религиозной Документации для Востока» под председательством главного архимандрита бельгийских бенедиктинцев Монсиньора Теодора Нев.

Надо сказать, что бельгийцы отнеслись с большой отзывчивостью к материальным и духовным нуждам пострадавших во время войны. Доказательством этому служат все созданные в Бельгии интернациональные организации для помощи беженцам: инициатором и руководителем одной из них был доминиканец отец Доминик Пир, получивший впоследствии Нобелевскую премию мира; вторая организация, достигшая теперь поистине мирового масштаба — от Дальнего Востока до Южной Америки — была основана отцом Веренфридом ван Стратеном, голландским монахом-норбертинцем из бельгийского аббатства Тонгерло, и вдохновлялась его глубокой христианской любовью ко всем, даже к врагам, передававшейся и его слушателям. Однажды он проповедовал во фламандской деревне, все взрослые мужчины которой были расстреляны немцами. Обитатели деревни были очень враждебно настроены против него, но его проповедь на воскресной Литургии так тронула их, что они решили следовать полностью заповедям Христа и послать помощь немецким беженцам.

Работа нашей организации началась без такого «нравственного чуда» и в более скромных размерах. Было создано две секции. Одна из них — экуменическая под руководством проф. Л. Моррена и его супруги; ее целью было ознакомление бельгийских католиков с восточным христианством путем докладов, статей, экуменических собраний и т. д.; вторая — русская секция — должна была удовлетворять духовные нужды русских, временно находившихся в Бельгии. Ответственность за эту секцию была поручена мне.

Узнав, что протопресвитер Валент Роменский, бывший тогда настоятелем, русской православной церкви в Льеже, искал возможностей восполнить общедоступными изданиями огромный пробел в религиозном воспитании этих русских, работавших на шахтах, я предложила ему сотрудничество с нашим комитетом. Вопрос был обсужден на первом же собрании и согласие достигнуто без труда: взаимопомощь должна была простираться на те области, где сотрудничество возможно на основе общего православным и католикам христианского наследия и где, благодаря этой совместной работе, можно было достичь гораздо лучших результатов; что же касается конфессиональных различий, сотрудники согласились избегать полемики и уважать убеждения друг друга.

После первой помощи, оказанной новым эмигрантам, было решено издать религиозно-семейный журнал, в частности для молодых русских женщин, отправленных во время войны на принудительные работы в Германию. Несколько тысяч из них вышли замуж за бельгийцев, голландцев или французов, которые работали на тех же фабриках в Германии.

Надо было думать о новых сотрудниках. Нашим первым и весьма ценным сотрудником стал русский католик Михаил Николаевич Гаврилов, юрист и филолог по образованию. Он написал для нашего издательства серию прекрасных брошюр, лучшей из которых считается жизнеописание св. Льва Великого. Он же детально помог организовать экуменическое паломничество в Рим в ноябре 1950 «святого года», отголоском которого явились первые слова апостольского шисьма Пия XII народам России, озаглавленного «Сакро вергенте анно», т. е. «Когда святой год близился к концу». На съезде священников, состоявшемся тогда в Риме, было решено просить Восточную Конгрегацию об издании журнала для русских католиков. Проект был одобрен, его осуществление было поручено комиссии, состоявшей из о. Станислава Тышкевича, М. Н. Гаврилова и пишущей эти строки. Издание его — сначала под названием «Русский католический вестник», а после того, как и православные стали присылать статьи для этого журнала, «Россия и Вселенская Церковь» — продолжается и поныне. Рассматривается даже проект о его новом расширении.

Читатели первых выпусков нашего журнала знают, какие превосходные статьи напечатали в нем о. Станислав и М. Н. Гаврилов. К сожалению, их сотрудничество продолжалось недолго: Михаил Николаевич скончался в 1954, а о. Станислав в 1962 г.; но супруга покойного М. Н. Тамара Вяче-

славовна до сих пор принимает самое деятельное участие в нашей работе.

В 1954 г. кардинал Тиссеран, секретарь Восточной Конгрегации в Риме, получив одобрительные отзывы из разных стран, принял решение помочь издательству приобрести постоянный центр и послать в Брюссель священника для пастырской работы среди беженцев и для сотрудничества с издательством.

В 1958 г. нашему центру был предложен стенд в Ватиканском павильоне на Всемирной брюссельской выставке. Его посетили тысячи советских туристов, получивших устную и печатную информацию об экспонатах.

В 1959 г. издание книги о. Ф. Лелотта «Решение проблемы жизни» нашло большой отклик в Советском Союзе, как выяснилось из статей, посвященных разбору этой книги в «Комсомольской правде», «Коммунисте» и нескольких других газетах и журналах. В 1964 г. вышла большим тиражом (100 000 экз., тогда как наше издание было в 5 000 экз.) книга Осипова «Евангелие от Иезуита» в 270 стр., посвященная исключительно разбору книги о. Лелотта. В ней автор сообщал: «„Решение проблемы жизни“ стало все чаще попадаться в разных уголках нашей родины. Над смыслом, сутью, целью жизни задумываются многие. Произведения с подобными названиями находят читателей» (стр. 15). Но как могла книга о. Лелотта найти такое распространение? Из «Евангелия от Иезуита» мы узнали, что инициативу его распространения взял на себя Ленинградский православный священник, обратившийся к помощи переписчиц.

С тех пор в издательстве, кроме журналов и брошюр, стали ежегодно выходить книги русских и иностранных авторов, переведенных на русский язык: «Иисус Христос» Карла Адама, «Спутник искателя правды» Поль Тивольте, «О Библии и Евангелии» Л. Буйе, «Очерки по истории русской святости» о. И. Кологривова, «О преизбыточествующей жизни» Н. Арсеньева; фототипические издания «Путь ко спасению» Феодана Затворника, комментарии на молитву Господню отцов Церкви — «Отечник», составленный епископом Игнатием Брянчаниновым.

Среди брошюр укажем на «Познание веры» и «О Боге Живом» Р. Гуардини, «Современный материализм и вера в Бога» профессора Дондейна, «Что говорят о Боге современные ученые» Р. Куртуа, «Размышления о Божественной Литургии» Н. В. Гоголя и т. д.

Наибольшим успехом пользуется как за рубежом, так и на родине изданный в 1965 г. «Новый Завет» с параллельными местами и многочисленными приложениями.

За последние годы читатели из Советского Союза стали нас просить об издании жизнеописаний и произведе-

ний западных святых. Как ответ на это пожелание было издано «Руководство к благочестивой жизни» св. Франциска Сальского; оно, можно сказать, «вышло из моды» на Западе, а на Востоке было встречено с большой радостью. За ним последовали биографии Шарля де Фуко, Винченца де Поль и Арсского юре. Большим успехом пользуется в России жизнеописание Христа «Сын Человеческий» и литургический сборник «Небо на земле».

В 1971, юбилейном для издательства году вышла ценная книга «Истоки религии» и закончено издание «Собрания сочинений» Владимира Соловьева (тома XI—XII), где впервые собраны статьи Соловьева, затерянные в разных журналах и еще не вошедшие в собрание его сочинений: все статьи, написанные Соловьевым для «Энцикло-

педического словаря»; самое полное собрание стихотворений (7-е издание), дополненное 45 стихотворениями. Переизданы также и ставшие библиографической редкостью четыре тома писем Соловьева; они дополнены новым материалом.

В 1971 году началось также издание произведений Вячеслава Иванова; в первом же томе читатели найдут еще неизданные произведения этого автора. Мы пристыпили также к печатанию новой книги проф. Н. Арсеньева «Напоены из одного источника» и Библии того же типа, что и Новый Завет 1965 г. Наконец, в сотрудничестве с Медонским центром св. Георгия издается «Словарь библейского богословия», перевод коллективного французского труда под редакцией о. Ксавье Леон-Дюфура.

Радиопередачи «Мир и свет жизни»

Как призывать Того,
в Кого не уверовали?

Как веровать в Того,
о Ком не слышали?

(Рим, 10, 14)

В нашу эпоху благодаря развитию техники появились исключительные возможности «слушать». Но что слушать? Особенно остро этот вопрос ставится у нас на родине. Можно сказать, что миллионы жаждут «слов Жизни», стремятся понять смысл своего пребывания на земле, смысл страдания и смерти. И вот, вместо ответа, несущего свет истины, свет учения Христова, потоки антирелигиозной пропаганды несут им обман и ложь. Редко-редко к ним проникает луч света. Неудивительно поэтому, что верующие при всяком случае просят об увеличении числа религиозных радиопередач, доступных для советских слушателей.

С помощью Божией удалось организовать в сентябре 1967 г. Брюссельскому издательству «Жизнь с Богом» ежедневные религиозные радиопередачи из Монте-Карло. Начали мы их в праздник Рождества Пресвятой Богородицы, Которой и посвятили это начинание. С тех пор они продолжают непрерывно, и с этого года мы получили возможность их расширить. В этих передачах участвуют как католики, так и православные. Материал для передач мы черпаем в нашем общем духовном наследии, применяя его к современной жизни.

Район охвата — треугольник Монте-Карло, Архангельск, Тбилиси. Антенна «направляемая», поэтому передачи не везде одинаково слышны. Прекрасно слышно в Ленинграде, в Берлине и в Польше; гораздо хуже слышно в Брюсселе или даже в Гренобле, находящихся вне «треугольника»... Мы имеем неопровержимые доказательства того, что в треугольнике нас с благодарностью слушают и особенно ценят **Божественную Литур-**

гию. Сколько слушателей, мы, конечно, не знаем. Судя по числу полученных писем, статистические бюро западных радиостанций заключают, что нас наверно слушают миллионы. Средств для этой работы у нас нет. Мы живем милостию Божией под омофором Пресвятой Богородицы, живем со дня на день отзывчивостью добрых людей, любящих своих братьев, лишенных церковной молитвы и слушания Слова Божия. Когда три года назад начались переговоры об осуществлении этого проекта и радиостанция поставила условием — оплатить вперед три месяца передач, мы обратились с письмом к созерцательным бельгийским монашеским орденам с просьбой молиться об успехе этого начинания. В скором времени мы получили точно ту сумму, которая была необходима для начала работы.

Главная заслуга в осуществлении этой инициативы принадлежит нашему православному сотруднику — протопресвитеру Валенту Роменскому, прекрасному проповеднику, отличающемуся вселенской широтой взглядов и ведущему это дело с исключительной жертвенностью и умением.

«Цель наша одна, — говорил отец Валент в передаче, посвященной годовщине нашей совместной работы, — среди мировой погони за материальными благами напомним, что 'не хлебом единым будет жить человек'... (Мф. 4, 4). Мы стараемся нести Слово Божие и церковную молитву в те области Европы, где чувствуется недостаток в них. Кроме этой церковно-христианской заботы, у нас нет других задач, — ни политических, ни личных.

Наша программа очень разнообразна: Божественная Литургия, церковное пение, вероучение, нравоучение, апологетика, религиозная философия, агиография, восточная и западная, творения свв. Отцов, история Церкви, праздников, церковных событий.

Большинство материалов берется из книг православных авторов с учетом условий современной жизни. Богослужения записываются на ленту в разных русских храмах Европы и Америки.

Нет нужды доказывать, насколько необходимы, спасительны и радостны семена веры Христовой для духовно поработанных наших братьев, лишенных церковной молитвы и даже возможности слышать Слово Божие. Думается, что трудно остаться бездеятельными в нашу эпоху, если имеется хоть немного любви к духовно страждущим братьям нашим по вере и крови.

Желающим принять участие в нашей работе говорим — «милости просим». Всех дорогих нам во Христе слушателей просим стать активными участниками нашего дела непрерывной молитвой. Особенно нужно молиться Божией Матери. Ее славословием мы всегда начинаем наши радиопередачи: «Величит душа Моя Господа и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем». Заметьте, что чем больше ваши страдания и горести, тем ценнее молитвы ваши. Живущие в свободном мире могут присылать нам магнитофонные записи богослужений, проповедей.* Можно присылать и печатный материал на русском языке с расчетом чтения минут на 12-13. По всем техническим вопросам радиовещания нужно обращаться по адресу:

Protopresbytre Valent Romensky
31, Avenue Emile Henriot,
06 Nice, France

Материальную же поддержку следует посылать по адресу:

Foyer oriental chrétien
206, Ave. de la Couronne
Bruxelles, Belgique

Самое же ценное, всем доступное — сообщать при всякой возможности за пределы железного занавеса о часах наших передач и о длине волны. Но все же на вершине всего — молитва за трудящихся и слушающих. Наши передачи происходят ежедневно: в 7.30 ч. утра (9.30 по моск. времени) на короткой волне 25 м; в будни в 20.15 — 31 м и по воскресеньям в 14.35 (для священников) — 31 м.

Воскресные послеобеденные передачи имеют научно-богословский характер и предназначаются главным образом для священников и интеллигенции. В начале 1971 года мы передавали систематически исключительно ценную книгу кардинала Даниэлю «Бог и мы». Теперь мы передаем еще неизданный прекрасный труд проф. Н. Арсеньева «Напоены из одного источника».

* Запись непременно на одной дорожке. Оплатить авторские права мы не можем, но стоимость ленты возместим.

Среди друзей и сотрудников нашего дела укажем с благодарностью на владыку Иоанна Рюппа, епископа княжества Монакского, аббата Жан-Мари Онфруа, отца Хризостома, директора экуменического Института в Нидералтайхе, д-ра философии В. А.

Пирожкову, сотрудников нашего Брюссельского центра, протоиереев Антония Ильца и Кирилла Козина, хор «Руссикума» в Риме, православный и католический хоры в Брюсселе и других местах.

И. Поснова

ХРОНИКА

• В декабре только что минувшего 1971 года парижский русский хор им. П. Чайковского, под управлением профессора Галины Николаевны Григорьевой, дал несколько концертов в Западной Германии: в Бад-Гомбурге, в Висбадене, во Франкфурте-на-Майне. Кроме этих концертов хор пел в Франкфурте в русской православной церкви, вместе с местным церковным хором, на два клироса, Литургию. Как в программе концертов, так и во время Литургии хором им. Чайковского были исполнены песнопения из Литургии оп. 41, Чайковского, и, кроме того, отдельные духовно-музыкальные произведения Ипполитова-Иванова, Гречанинова, Архангельского, Григорьевой, Гарднера и др. Немецкая местная пресса отметила выдающийся успех концертов хора им. Чайковского, его высокие музыкальные качества, спетость и солистов (Н. Гедда-Нова, Л. Березовская, А. Михайлов, Е. Ассакович, К. Первышина, Г. Григорьева). Хор имени П. И. Чайковского, посвятивший свою деятельность исключительно исполнению церковных песен, основан в 1968 году профессором русской консерватории им. Рахманинова, в Париже, Г. Н. Григорьевой. В хоре 25 певцов, среди которых и указанные выше солисты. В 1969 году хор напел Литургию Чайковского на пластинку (Philips «Tresors Classiques», A 837.928 L V). В шести немецких газетах появились восторженные рецензии. Понятно, рецензенты могли оценить только музыкальную сторону выступления хора им. Чайковского. Как нерусским и неправославным, чисто церковная, литургическая особенность стиля исполнявшихся вещей, их особый дух, остались для рецензентов недоступными. Но пение хора произвело на всех очень глубокое впечатление.

• 3 октября в Мюнхене состоялся второй концерт группы ФЕНИКС в Европе при участии Г. Кениг-Брайтгаупт, О. Луко, Мауэрмайера, З. Репниковой, В. Сардановского и К. Шайц. 1-е отделение состояло из музыки руководителя группы Н. Доро, второе — из классической. Первый концерт этой группы состоялся 28 февраля. В 1972 году группа ФЕНИКС собирается отметить концертом пятилетие своей деятельности.

• Концерт оперных арий и народной музыки Восточной Европы состоялся в Бад-Гомбурге (ФРГ). Необходимо

отметить молодого певца Владимира Канеля, прекрасно исполнившего ряд арий и народных песен. В перерыве концерта публике была показана художественная выставка: книги, рисунки, прикладное искусство, картины, художественная ковка, фарфор и шлифованное стекло.

• В издательстве «EDICI» в Париже вышли и поступили в продажу 2 долгоиграющие пластинки большого формата, под названием «Антология православного русского церковного пения», напетые хором Кафедрального собора Св. Александра Невского в Париже, в составе 46 человек, под управлением Е. И. Евеца. Антология состоит из 21 произведения, иллюстрирующихся XVIII, XIX и XX века, т. е. периоды итальянского и немецкого влияния на русскую церковную музыку и — возрождение русской церковно-певческой школы, основанной на древнерусских напевах, каковое ярко определилось на переломе XIX и XX веков. Напеты произведения композиторов Д. Бортиянского, С. Дегтярева, А. Веделя, А. Львова, Г. Львовского, А. Архангельского, Б. Чеснокова, Степанова, И. Соломина, А. Никольского, Н. Р. Корсакова, А. Кастальского, И. Гарднера и С. Смоленского. Пластинки продаются пока только во Франции. Адрес: 102, rue La Boetie, Paris 8-e. France. Цена каждой пластинки 35 франков.

• По инициативе Иерусалимского университета только что выпущена пластинка, напетая хором сестер Гефсиманской Обители. Конечно, хор гефсиманских сестер не профессиональный, а монашеский, и цель пластинки состоит не в том, чтобы сделать монастырский хор известным миру. Русская Духовная Миссия стремилась к тому, чтобы верующие русские люди, услышав пение монахинь в храме Св. равноапостольной Марии Магдалины, в Гефсиманском саду, почувствовали себя ближе к русским православным, находящимся в Св. Земле. Пластинка издана очень хорошо, «стерео», к ней приложен альбом с объяснительным текстом и иллюстрациями. Цена ее — 6,50 дол.

• Сестричество св. Успенской Церкви в Нью-Йорке устроило свой третий по счету благотворительный концерт. Выступали пианистка Ирина Гончарова, певицы Е. С. Юронева и С. В. Мовчан-Блинова, певец О. Мацеральник, артист А. М. Христенко. Раково-

дила концертом старшая сестра А. П. Матасова.

• Общество им. Пушкина в Нью-Йорке устроило 31 октября в зале им. С. Рахманинова при св. Серафимовском Фонде вечер-концерт на тему «Пушкин в музыке». Участвовали Т. Бернацкая-Иванс, И. Гончарова, Э. Зубкович, И. Ковалевская, Н. Ковалевская, Е. Марковская, М. Волин, В. Митрохин.

• Граммофонная пластинка «Литургия святого Хризостомуса», напетая хором имени Чайковского, издана фирмой Филипс. Цена 25.— НМ. Заказы направлять в издательство «Russland und wir», 638 Bad Homburg, Sindlinger Weg 1. BR Deutschland.

• Проявилась в продаже долгоиграющая пластинка большого формата рассказов Александра Солженицына, читает сам автор. Заказы направлять по адресу: Possev-Verlag, Frankfurt am Main 80, Flurscheideweg 15, Bundesrepublik Deutschland.

• Большая танцовщица и дама высшего круга императорской России Матильда (Мария) Феликсовна Кшесинская скончалась в Париже на сотом году жизни. В 1895 году ей был присужден титул «прима-балерина assoluta» императорского театра оперы и балета в Ст.-Петербурге. Она была первой всемирно признанной русской танцовщицей. В 1909—1911 годах она добилась в Париже мировой славы и международного признания как лучшая балерина мира. В 1920 году она эмигрировала во Францию и открыла в Париже свою знаменитую студию балета. В то же время она танцевала во всех знаменитых театрах мира, последний раз в 1936 году в Лондоне. В общественной жизни России Матильда Феликсовна играла заметную роль. Нельзя не упомянуть о ее дружбе с наследником престола, впоследствии императором Николаем II, и о ее браке с великим князем Андреем Романовым.

• Русская художница Татьяна Сенкевич, получившая законченное художественное образование в Париже, переехала на жительство в Америку. Ее первая художественная выставка состоялась в Сен-Жане, в Канаде. Среди картин, написанных маслом, гуашью, акварелью или пастелью, преобладают пейзажи, иногда далекие от реальности. Много прекрасных декоративных работ.

• В октябре в галерее Хаттон—Хачнеккер в Нью-Йорке состоялась выставка русской авангардной живописи 1908—1922 гг. Много работ революционных идеалистов, искавших в живописи новых путей. Хорошо представлена также книжная графика.

• В 1964 году Общество Друзей Русской Культуры совместно с Обществом Друзей Русского Искусства в Нью-Йорке предоставило худ. Е. Климову возможность совершить путе-

шествие в Св. Землю для зарисовки мест, связанных с Библейскими событиями. На обратном пути из Палестины художник Е. Климов прочитал доклад в Кембриджском университете на тему о русской иконописи и в Лондоне, в Пушкинском клубе, о творчестве Александра Иванова. Статьи о русском искусстве Е. Климов помещает в газете «Новое русское слово» и в «Новом журнале». В июльском номере итальянского журнала «Fenarete» появилась статья Е. Климова на тему «Рафаэль и Россия».

• Художник-искусствовед Е. Климов прочитал в течение последних лет в различных городах США и Канады более ста лекций по разным вопросам русского искусства. Лекции состоялись как в университетах (Квебек, Монреаль, Торонто, Питтсбург, Сан-Франциско, Оберлин, Индиана), так и в приходских залах при церквях. Лектор ставил своей целью — ознакомить местное население и своих соотечественников с богатым наследием русской культуры.

• Исследователь палеографии, истории и стилистики русского церковного пения, д-р фил. И. А. Гарднер, постоянно читающий курс по этим дисциплинам в Мюнхенском университете (ФРГ), был приглашен летним Университетом в Куопио (Финляндия) прочитать 4 лекции в семинаре по православной церковной музыке, с 7 по 10 июня с. г. Лекции были прочитаны на немецком языке и тут же переводились маг. филос. г-жей Септеле, специалисткой по истории византийского церковного пения, на финский язык. Слушатели (50 чел.) проявили к лекциям очень большой интерес. Темами лекций были: 1) Церковное пение как форма богослужения; 2) Исторические пути православного церковного пения; 3) Перелом в славянском церковном пении в середине XVII века и его последствия; 4) Современные проблемы литургического музыковедения у православных.

• 7 декабря в Брюсселе Русское национальное объединение провело 112-й сеанс «Устной газеты». В. В. Орехов прочитал доклады: «Обзор международных событий» и «Психиатрические застенки в СССР». О. В. Желябина говорила о многих международных протестах против советских «медицинских казней». Сеанс закончила Елена Желябина, прочитавшая стихотворение «К Богу», Александра Петрова-Агатова.

• На собрании французского общества «Друзей искусства» в Ментоне (Франция) 25 ноября выступили супруги А. Н. Дубровская, прочитавшая доклад о творчестве Достоевского, и А. А. Дубровский, исполнивший несколько романсов.

• 28 ноября профессор М. В. Гардер прочитал по приглашению Комитета Российских общественных организаций в Брюсселе доклад о политической обстановке, или, по его выраже-

нию, о четвертом мировом конфликте. Особенно интересен анализ докладчика, касающийся Советского Союза: «Вся власть находится в руках КГБ. Советскому Союзу невыгодно объединение двух Германий, так как единая Германия, даже коммунистическая, неизбежно стала бы серьезным конкурентом в мировой гегемонии».

• 150 лет со дня рождения Федора Михайловича Достоевского было отмечено в Буэнос-Айресе торжественным актом в зале при соборе Св. Троицы. Усилиями юбилейного комитета была составлена прекрасная программа. После вступительного слова председателя комитета проф. В. А. Попова, выступил с докладом И. Н. Андрушкевич на тему «Достоевский и Россия». Второй доклад прочитал профессор В. В. Струков на тему «О проникновении Достоевского в духовную жизнь человека». Во втором концертном отделении выступили пианист В. Н. Хунунц с собственными композициями, И. Н. Ланская с художественным пением и певец В. Ф. Трофимов. Зал был переполнен. На вечере чувствовалось, что русская культура является живой связью не только между русскими Зарубежья и Россией, но и между великим прошлым и будущим России.

• В Вашингтоне открылся Центр искусства имени Джона Кеннеди. В один из первых вечеров в Центре выступили и русские артисты: в оперном зале танцевала балерина Макарова, а в концертном зале выступили русские певцы. В первом отделении, посвященном русским романсам и ариям русских опер, главным исполнителем был Николай Гедда при участии хора русского храма-памятника св. Николая под управлением Николая Бородули. Во втором отделении те же артисты исполнили православные церковные песнопения и народные песни.

• В Русском доме г. Мельбурна (Австралия) 11 декабря 1971 года состоялся день памяти поэта Н. Гумилева, в годовщину его расстрела. День начался панихидой по убиенному. Затем инициатор и устроитель дня А. А. Федорович прочитал содержательный доклад о творчестве поэта. Доклад иллюстрировался художественным чтением произведений поэта. Читали члены Русского дома. Подготовкой к выступлениям руководил мастер художественного слова Н. Н. Ключарев.

• Российское национальное объединение в Брюсселе выпустило свой декабрьский бюллетень по случаю 25-летия Декларации прав человека и на французском языке. Бюллетень, посвященный положению в Советском Союзе, особенно подробно описывает преследования передовой интеллигенции. Бюллетень разослан правительственным учреждениям Бенилюкса и Франции, печатным органам, общественным организациям и отдельным лицам.

• Русская академическая группа провинции Квебек отметила 150 лет со дня рождения Ф. М. Достоевского 31 октября в Монреале торжественным собранием. Выступали: проф. И. В. Первушин — «Достоевский сегодня», артистка Л. А. Гатова — художественное чтение, проф. Р. В. Плетнев — «Личность Достоевского», В. Качалов и И. Смоктуновский — художественное чтение.

• Писатель Юрий Трегубов выступил 22 октября с чтением своих произведений в курзале в Бад-Гомбурге (ФРГ). Выступление состоялось в рамках организованной обществом Panepgora-Union Deutschland e. V. недели под названием «Окно Европы на Восток».

• Русский доктор, кубанский казак станицы Кореновской Александр Жемчужный применяет в своей небольшой клинике в Волонгоне недалеко от Сиднея (Австралия) новый способ лечения астмы.

• В северном штате США Вермонте, среди прекрасной природы в небольшом городе Мидлбери, при колледже, основанном еще в 1800 году, процветают летние школы языков. Тут имеются французская, немецкая, испанская, итальянская, русская, китайская и даже японская школы. Русская летняя школа основана в 1945 г. М. Фейером. В школе бывает всего около 100 студентов. Состав преподавателей меняется, но есть профессора, которые работают в летней школе много лет подряд. В конце 50-х и начале 60-х годов при летней школе существовал еще Институт советоведения, поддерживаемый Фордовским фондом. Из профессоров, которые преподавали в летней школе и в Институте советоведения, надо назвать Тимашева, Ершова, Ефремова, Таскина, Полторацкого, Мальцева и других. В последние годы в числе профессоров были Е. Волконская, А. Белинков, Н. Белинкова, Елагин, Ульянов, Ржевский, Седуро, Ермолаев, Круговой, Гребенщиков, Малов, Одобашьян, Козловская, Ферсен, Прессман, Зенковский, Мачеровский, Шайкович, Славянская, Михальченко, Климов и другие. Директором летней школы является теперь Б. Бейкер. Студенты получают зачеты и за три-четыре летних сезона могут получить степени (в зависимости от их подготовки в русском языке) магистра и даже доктора. Занятия в школе ведутся только на русском языке. Студенты при поступлении дают подписку в том, что за все время занятий будут пользоваться только русским языком. Преподаватели и студенты живут в одном общежитии, завтракают, обедают и ужинают вместе, что создает атмосферу близости между профессорами и студентами. В связи со 150-летием со дня рождения Достоевского в этом году специальный курс по изучению Достоевского читал профессор Круговой. О русской опере

читал курс А. Прессман, сопровождая лекции слушанием грамофонных пластинок. Курс истории русского искусства ряд лет читает Е. Климов, показывая в диапозитивах произведения русской архитектуры, живописи и скульптуры. Кроме лекций и практических занятий по русскому языку каждое лето ставится какая-либо русская пьеса с участием студентов и преподавателей. Среди поставленных пьес — «Юбилей» Чехова, «Недоросль» Фонвизина, «Женитьба» Гоголя, «Сцена в корчме» из «Бориса Годунова» Пушкина, «Моцарт и Сальери» Пушкина, инсценировка басен Крылова и ряд пьес современных советских авторов. При колледже имеется специально построенный театр с современными техническими приспособлениями. Этот центр в изучении русского языка и русской культуры является в Соединенных Штатах не единственным. Недалеко от Мидлбери есть университет в Норвиче, где последние годы существует также летняя школа, руководимая профессором Н. Первушиным. И в ней бывает летом около 100 студентов. При университете в штате Индиана имеется также Русская летняя школа. В Канаде есть подобная же школа при Торонтском университете.

• Швейцарский адвокат Фриц Хееб, представляющий в свободном мире интересы А. И. Солженицына, опубликовал следующее заявление: «Писатель в своем письме дал мне поручение публично заявить, что он желает получить только те деньги, которые связаны с Нобелевской премией. Деньги за его книги должны оставаться неприкосновенными. Согласно его желанию, эти деньги будут использованы для гуманитарных целей на его родине, как только для этого представится возможность».

• По требованию немецкого издательства Лухтерханд-Ферлаг суд ФРГ приостановил пиратское издание перевода книги «Август четырнадцатого» А. Солженицына в издательстве Ланген-Мюллер.

• Кубанский войсковой совет настоящим доводит до сведения казачьей и русской общественности по поводу судебного процесса между Войсковым атаманом полк. В. И. Третьяковым и гг. Ткачевым и Зарецким следующее: Судья Верховного Суда в Квинсе, Н.-Й., г. Ливоти после судебного разбирательства 4-го и 5-го ноября 1970 года подписал 17 ноября 1970 г. приговор: «Единственным законным Кубанским атаманом является полк. В. И. Третьяков. Гг. Ткачев и Зарецкий должны передать ему Войсковые Регалии и другое имущество, принадлежащее Войску, как архив, библиотека, музей, войсковые иконы, хоругвь и прочее». Не согласившиеся с приговором ответчики подали апелляцию в Апелляционное отделение Суда в Нью-Йорке, который 19-го апреля 1971 года головами всех пяти судей, утвердили при-

говор судьи Ливоти. Гг. Ткачев и Зарецкий и после этого еще раз попытались апеллировать в Апелляционный Суд штата Нью-Йорк в Олбани. Своим постановлением от 23 сентября 1971 года Апелляционный Суд в приеме апелляции гг. Ткачеву и Зарецкому отказал. Таким образом, приговор судьи Ливоти стал окончательным, и судебный процесс закончен.

• 19—20 ноября в Вашингтоне собрались на конференцию делегаты 34 национальных меньшинств США, объединенных в организации Эритейдж. Они представляют 30 миллионов американцев. На этот раз русское меньшинство было представлено 12 делегатами и провело трех своих представителей в распорядительные комитеты организации. Судя по последней переписи населения, в Соединенных Штатах проживает 2 776 000 выходцев из России и Советского Союза. По образовательному цензу и материальному положению они превосходят все остальные меньшинства, 63 процента из них окончили университеты или колледжи. 55 процентов зарабатывают от 15 000 до 25 000 долларов в год и причисляются к зажиточному классу американцев. Только 3 процента работает в сельском хозяйстве.

• Конференция по вопросам русской печати в Канаде состоялась 10 октября в Уиндсоре, Онтарио (Канада). Конференция открылась вступительной речью С. А. Зауэра, подчеркнувшего, что целью этой конференции является обмен мнений и выяснение вопросов для обсуждения на следующей конференции, которую предполагается созвать летом 1972 года. С докладом о задачах зарубежной печати выступил профессор Р. В. Плетнев. К главным он относит: разоблачение «культы Ленина», всемерное освещение попыток коммунистического руководства Советского Союза возродить сталинский режим, ознакомление американской общественности с действительным положением в Советском Союзе, в частности с произведениями самиздата. Профессор В. Н. Павлов рассказал о том, как исключительно высоко ценятся зарубежные издания в Советском Союзе. Профессор Б. А. Филиппов говорил о чисто внешней «показухе», существующей в Советском Союзе: «Всякая догматика так вьелась, так опротивела...» Доклад С. Л. Войцеховского о русской зарубежной литературе читал А. Д. Климов, так как докладчик не смог приехать в Уиндсор. Краткий доклад о детской литературе сделал П. М. Наумов. А. В. Потемкина поделилась своим опытом работы с молодежью. Протоиерей о. Сергей Щукин обратил внимание конференции на новое общество — «Христианство против коммунизма». Иеромонах о. Федор Голицын рассказал об издании книг духовного содержания и учебников в руководимой им типографии. Инженер Н. А. Скородинский говорил о

графике в исследовательской и педагогической работе. Т. Н. Быкова реферировала о распространении русских книг в США и Канаде. В. А. Равский рассказал о проникновении зарубежных изданий «на ту сторону». А. А. Якушев — о значении русской зарубежной прессы.

• Лидер калифорнийских республиканцев русского происхождения Л. Л. Николаевский успешно развил кампанию против закона «о плененных нациях Р. Л. 86—90», в котором среди поработанных коммунистами наций не упоминается русская, зато названы новоизобретенные «Казакция» и «Идель-Урал».

• 7 ноября в печальную годовщину Октябрьской революции в Брюсселе состоялся «День непримиримости». Собрание открыл В. В. Орехов, нарисовавший весьма неприглядную картину положения в свободном мире. Доклад прибывшего из Стокгольма В. К. Муценека анализировал создавшееся в Советском Союзе экономическое, моральное и политическое положение. Следующий докладчик, М. В. Славинский, прибывший из Парижа, говорил о разгроме русской деревни и катастрофическом положении земледелия. Закрывая собрание, В. В. Орехов сказал, что нужно верить в вечную бессмертную Россию и помочь тем мужественным людям, которые бесстрашно поднимают свой голос за свободу России, а тем самым и за спасение всего мира.

• В воскресенье, 7 ноября, в Мельбурне (Австралия) в прицерковном зале состоялся очередной День непримиримости. Как всегда, собралось много людей, и день прошел под знаком единства и солидарности. Выступали с обстоятельными речами докладчики. Участники концерта посвятили свои выступления патриотическим художественным произведениям.

• 5 декабря в Вашингтоне состоялся концерт в пользу Литфонда, поддерживающего престарелых русских писателей, художников и артистов. С большим успехом выступила Анна Марли-Смирнова, — в прошлом участница французской организации сопротивления, и Леокадия Джорджевич, окончившая театральную школу в Минске. 14 января состоится ставший традиционным «бал старой России», на котором бывает несколько сот представителей вашингтонского общества. На этот раз покровительство бала приняла на себя Ее Высочество Вера Константиновна Романова. Чистый приход пойдет на пособия престарелым русским во всех странах мира.

• 21 ноября в Русском доме в Мельбурне (Австралия) был проведен вечер «Зеленая лампа». В первой части выступила вице-председатель по культурной части З. Кжеминская с сердечным словом и стихотворением,

посвященным Русскому дому. Затем Тарлов, один из организаторов Фестиваля русских поэтов в Австралии, продемонстрировал часть звукозаписи Фестиваля лауреатов Сухатина и Пестпрова. Во второй части выступали местные поэты со своими произведениями — Богут, А. Кузьминская, З. Кжеминская, Г. Жеромский, И. Смолянинов, А. Карель (читал Петропуло), А. Федорович. Вокальные выступления Васильевой и И. Богут имели, как всегда, успех. Под конец З. Кжеминская показала детские миниатюры.

• Начатые этой весной периодические встречи за чашкой чая в церковном доме в Каннах (Франция) успешно продолжаются. Уже состоялось три встречи, посвященных разным темам: первая — «Русской поэзии», а вторая — «Русской армии». Два зала при этих встречах были настолько переполнены, что было решено для третьей встречи 17 октября «Мать» ограничить число присутствующих семьюдесятью пятью. Инициатива этих встреч всецело принадлежит А. А. Герману-Вершковскому, который взял на себя устройство и руководство. Смысл этих встреч: выделить понемногу круг лиц, не только не порвавших связи с русской культурой, но и готовых принять активное участие в русской культурной работе. Перед масленицей намечается встреча на тему «Смеяться, право, не грешно над тем, что кажется смешно». Доход с этих встреч идет на покрытие расходов по постройке и укреплению часовни-усыпальницы на каннском кладбище.

• 29 октября в Мельбурне (Австралия) в зале «Кью» был проведен Осенний бал Русского дома. Прекрасный оркестр, веселая программа кабаре, лотерея и богатый буфет создали оживленную атмосферу. Все искренне веселились. Чистый доход составил 954 доллара.

• В Мельбурне (Австралия) произведены перевыборы правления Русского дома, председателем которого избран М. И. Климецкий, вице-председателем по культурной работе — З. А. Кжеминская, вице-председателем по административной части — П. И. Долгов, секретарем — Л. Д. Бодно, казначеем Стрикул. В числе 7 действительных членов известная артистка М. С. Стефани. Избраны два запасных члена правления. Бывший пред. правления Мокрый и глава культурного отдела А. А. Федорович, ушедшие на покой, оставлены по просьбе общего собрания почетными членами с правом решающего голоса. Дамский кружок при Русском доме успешно закончил годовой план работы, и переизбранный новый состав под руководством Е. Г. Трикоус успешно и жертвенно начал свою работу.

• В Сан-Франциско в октябре состоялось полугодовое общее собрание

«Русского центра», насчитывающего около 400 членов. Материальное положение «Центра» за полугодие еще более упрочилось. Общая сумма поступлений за 6 месяцев составляет 24 тысячи долларов. Из этой суммы было возможно около четырех тысяч выделить на нужды благотворительности.

• После окончания гражданской войны за границу попало более ста офицеров Лейб Гвардии Конного Гренадерского полка. Сейчас их только тринадцать человек. Один из них, Платон Львович Стефанович (5. rue Beau Site, 06 Nice, France), намерен создать объединение «Потомков Конно-Гренадер», так как «не должна пропасть для потомства память о доблестном полке, не может быть забыта его славная вековая история».

• 5 декабря в Буэнос-Айресе был открыт памятник Т. Г. Шевченко. На торжество съехались группы украинцев из США, Канады и Европы.

• Бывший узник сталинских лагерей пастор Вурмбрандт основал в Калифорнии общество «Христианство против коммунизма».

• Израильская организация бывших политзаключенных и выходцев из СССР «Маоз» (по-русски — «Твердыня») обратилась ко многим организациям в разных странах с предложением принять участие в проведении всемирной однодневной голодовки в защиту политических заключенных в Советском Союзе.

• Долголетний председатель Русского православного палестинского общества генерал Михаил Григорьевич Хрипунов награжден грамотой Архиерейского Собора.

• 12 декабря — день памяти всех, кто погиб в борьбе против коммунизма, одновременно день призыва ко всем в защиту тех и для помощи тем, кто стоит в борьбе за права человека словом правды, кто, жертвуя свободой и жизнью, защищает свободу. Этот знаменательный день начался в Нью-Йорке торжественным богослужением в соборе Знамени Божией Матери. Храм был переполнен молящимися. Некоторые прибыли во главе со своими настоятелями. Съехались группы эмигрантов из Найка, Патерсона, Пасейка, Филадельфии и других городов. Молебен служил епископ Мэнхэтенский Лавр, в сослужении десяти священников. После молебна более 500 человек с русскими и американскими флагами, плакатами и портретами заключенных в советских психотюрьмах собрались на митинг у здания ООН. Митинг открылся молитвой, прочитанной владыкой Лавром. Затем выступали протопреподобный Георгий Граббе, К. В. Болдырев и как представитель молодежи Андрей Ильинский. Митинг закончился словом архиепископа Никона Вашингтонского и Флоридского: «Мы просим освободить в Советской России из тюрем и пси-

хиатрических больниц ни в чем не повинных лучших русских людей, страдающих за свои убеждения...» Энергичный протест был с предельной ясностью сформулирован К. Н. Болдыревым. Резолюцию протеста подписали сотни присутствующих. Соответствующие письма были направлены Президенту Никсону и Генеральному Секретарю Объединенных Наций. Собравшиеся постановили создать постоянный комитет с целью мобилизовать американское общественное мнение на борьбу со злодеяниями советской власти. После митинга в лекционном зале Синода состоялось чтение документов самиздата. «Сегодня память их», сказал во вступительном слове о. Александр Киселев — «самых разных людей, мучеников и героев». Документы самиздата читали И. Гашурова, В. Гашурова, Е. Зезюлина, Ю. Красовский, З. В. Трифунович, Р. Дудин, В. Комаров, М. Холод и М. Харитонов. 12 декабря не только день памяти погибших, но и день призыва ко всем гражданам свободного мира — «Защитите и нашу и вашу свободу».

• В 1971 году вышел в Париже ежегодный номер газеты «Русский инвалид», официальный орган «Главного управления Зарубежного союза русских военных инвалидов». На первой странице помещена фотография государя и великой княжны Ольги в Тобольске. Под фотографией выдержка из письма великой княжны, написанного в ссылке в Тобольске: «Отец просит передать всем тем, кто ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за него, так как он всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили и за себя и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но что не зло победит зло, а только любовь... Ольга». На двух последних страницах помещен денежный отчет и список жертвователей за истекший год. На помощь инвалидам израсходовано 176 293,62 фр.

• Ежемесячный русский православный журнал «Вечное», выходящий в Париже под редакцией епископа Мефодия, отметил свое 25-летие особенно «нарядным» номером. Для оценки журнала приводим отрывок из письма его читателей: «Что такое „Вечное“? Это маленький по объему, но такой широкий и глубокий по своему содержанию духовный журнал, журнал, призывающий нас помнить о главном — о „Вечном“»; «Замечательны статьи или выписки из творений святых отцов»; «Нам остается только благодарить преосвященного епископа Мефодия и его сотрудников за „Вечное“ и пожелать им сил и здоровья для дальнейшей столь плодотворной и нужной работы».

• Под редакцией протоиерея А. Чекана, ключаря св. Александро-Невского собора в Париже, вышел Православный русский календарь на 1972 год. Размеры календаря значительно уве-

личены. Он пополнен указанием празднуемых святых с хронологическими сведениями о жизни святых Православной Русской Церкви. В конце календаря помещены краткие богослужебные справки. В работе по составлению приняли участие А. Д. Борисов и Л. М. Лифарь.

• В последнем номере сборника «*Russia Cristiana*» («Христианская Россия»), выходящем в Сериате (Бергамо, Италия), помещены статьи на религиозные темы и выдержки из самиздата.

• Театральная группа витязей поставила в театральном зале St. Pierre в Париже комедию в трех действиях М. Булгакова «Иван Васильевич». Постановка В. М. Греч. Насколько известно, эта комедия ставится впервые. По ходу действия, благодаря изобретенной машине времени, Иван Грозный попадает в Московскую коммунальную квартиру, а двое советских граждан переносятся в Москву Ивана Грозного. Увлекательные приключения этих «переселенцев» насыщены сатирой на советскую действительность.

• Известная артистка Т. А. Левицкая основала в Нью-Йорке театр русской молодежи. 24 октября в Сиклиффе состоялся первый спектакль. Была поставлена комедия Н. В. Гоголя «Женитьба». Декорации были выполнены художником В. З. Сорокиным. Успех спектакля обязан усилиям его режиссера Т. А. Левицкой и ее помощницы М. П. Суваловой.

• В Мельбурне (Австралия) 14 ноября в прицерковном зале была поставлена «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» силами учащихся школы. Художественные руководительницы Бюгданова и Виноградова добились полного успеха. Родителями были созданы ценные декорации, характерные для постановки, а также богатые и красивые костюмы. Дети были прекрасно подготовлены.

• Центральное место в жизни русской молодежи в Буэнос-Айресе занимает «Барак» — так по старой памяти называют каменный дом, построенный на месте старого барака, принадлежащий Аргентинскому отделу ОРЮР (Организация Российских юных разведчиков). Начальником отдела является общественный деятель Г. Лукин. 13 ноября гостем ОРЮР в Буэнос-Айресе был бразильский консул, который продемонстрировал специально для русской молодежи три своих любительских фильма: «Архитектура Бразилии», «Водопад Игаузу» и «Поездка по тихоокеанскому побережью на футбольную олимпиаду в Мехико». Обращаясь к русской молодежи, консул сказал несколько слов по-русски. Он изучает русский язык и русскую культуру. 14 ноября был поход дружины в Эсейс — лесистую местность недалеко от Буэнос-Айреса. 20 ноября в разведческом «Бараке» со-

стоялся доклад о путевых впечатлениях поездки в Советский Союз. 21 ноября был устроен вечер «Граней» для молодежи — «Современная поэзия в СССР». Программа была специально составлена для молодых слушателей, и это обеспечило ей особый успех. 4 декабря был школьный акт в русской субботней школе ОРЮР, закончившийся большим костром, около которого собрались все, кто состоит в организации или когда-либо в ней состоял. Затем была вечеринка и ужин на свежем воздухе. У костра было также объявлено о результатах звеньевых состязаний 1971 года. 9 января 1972 года начнется летний лагерь Аргентинского отдела ОРЮР.

• Основатель русского скаутизма Олег Иванович Пантюхов обратился к русским скаутам-разведчикам и русской молодежи зарубежья со следующим воззванием: «С праздником Рождества Христова! Мы в этот день будем слышать в церквях: „Рождество Твое, Христе Боже наш, воссия миру Свет Разума... Тебе кланяемся Солнцу Правды...“ Мы будем в эти дни славить Господа и верить, надеяться, что на нашей родине, в России, воссияет Солнце Правды — Христос Бог наш. Приближается и Новый Год. Как всегда, мы говорим друг другу: С Новым Годом, с новым счастьем! Вы хорошо знаете, что означают слова «новое счастье». Мы желаем друг другу здоровья, радостей и духовных и житейских. Итак, с Новым Годом, с новым счастьем! С праздником Светлого Рождества Христова!». Напоминаем друзьям Олега Ивановича, что ему 25 марта 1972 года исполнится 90 лет.

• В этом году исполнилось 10 лет лагерной церкви летнего лагеря витязей «Русь». Значение церкви в религиозной жизни лагеря и воспитании детей несомненно велико. Этим летом лагерь продолжался 68 дней. Помимо обычной программы: занятий русским языком, родиноведением, ручным трудом, спортом, играми, ежедневным русским пением, были костры, посиделки с играми и развлечениями и туманные картины. Праздник девочек-вожатых, день памяти св. равноап. вел. кн. Ольги, как обычно, отпраздновали торжественно с ночными дежурствами у знамени и парадом в день праздника.

• Дружина ОРЮР «Нижний Новгород» в Лос-Анжелесе организовала в этом году летний лагерь в местности Дэдменс Крик, вблизи озера Джун-Лейк и горячих источников. Мужской и женский лагеря находились на некотором расстоянии друг от друга, с общей кухней. Лагерями заведовали ски. Мария Сенкевич женским и инс. Георгий Говедник мужским. Кухней заведовал скм. Евгений Бобров и ски. Александр Ермилов. В лагере были проведены многочисленные состязания, походы, вечерние костры и другая скаутская практика.

• Сознавая необходимость воспитания детей и молодежи в православном и русском духе, при храме преп. Сергия Радонежского в Вилла Баллестер, Буэнос-Айрес (Аргентина), стараниями настоятеля о. Владимира Шеленева, в 1968 году была открыта церковно-приходская школа. Имеющееся помещение сразу же оказалось недостаточным — в школе 5 классов, кроме пригласительного и детского сада. На средства, пожертвованные отзывчивыми прихожанами и русскими людьми, рядом с храмом был куплен участок и началась постройка здания школы. С помощью Божьей, в этом году занятия уже ведутся в не совсем законченных классах. Зал со сценой, где молодежь сможет проводить свое свободное время в русской обстановке и под руководством старших, еще строится.

• Русская частная школа в Буэнос-Айресе, пользующаяся всеми правами государственной, помещается в здании, принадлежащем Аргентинскому отделу ОРЮР. По субботам в школьном помещении проходят занятия субботней русской школы ОРЮР для детей, посещающих аргентинские учебные заведения. В этом же здании проходят разведческие сборы ОРЮР, собрания клуба русской молодежи и репетиции Русского театра для детей.

• «Долг русских американцев отдавать своих детей в русскую гимназию, чтобы не забывали и хранили язык и ценности своей родной культуры» — так озаглавлено обращение руководства русской Св.-Сергиевской гимназии к русской общественности. Гимназия имеет права американских средних учебных заведений. Большинство предметов преподается на английском языке, русские предметы на русском. В актовой речи директор Свято-Сергиевской гимназии архимандрит Антоний Граббе (Нью-Йорк) сказал: «Только при условии создания и воспитания крепкого и стойкого в своих жизненных принципах характера, характера, закаленного в высоких принципах морали и общественной ответственности, наша смена, наша молодежь, наше будущее, будет достаточно защищена от умертвляющей и разлагающей ее душу и тело смертельной опасности, рожденной и воспитанной безбожной коммунистической системой, — той моральной чумы, или, лучше сказать, проказы, которая безудержно разливается сейчас по всему миру». Адрес гимназии: St. Sergius High School. 1190 Park Avenue, New York, N. Y. 10028. USA.

• В 1971 году епископ Мефодий, совершая свое первое в этом году паломничество на Святую Землю, передал собранные среди русских людей пожертвования в общей сумме 9042,70 амер. долларов, которые были распределены следующим образом: мат. иг. Тамаре на женскую Обитель на Елеоне — 2857,4 долл., мат. иг. Варваре на Общину в Гефсимании со школой в

Вифании — 2963 долл., иг. Игнатию у Дуба Мамврийского — 217,5 долл., арх. Феодосию — 123 долл., на Святой Гроб Господен (за два года) — 1600 долл., помощь православным арабам — 500 долл., разным лицам — 632,7 долл., на храм Рождества Христова в Вифлееме, в Лавру преп. Савы Освященного и иные православные храмы в Палестине — 149,1 долл.

• Член правления Русского благотворительного общества в Камбраматта инженер Д. А. Шамшурич руководит постройкой русского госпиталя на 58 кроватей. Стоимость проекта, включая оборудование, оценивается в сумму около 550 000 долларов.

• 19 октября в Доме Свободной России в Нью-Йорке состоялось чествование председательницы дамского комитета Американско-русского союза помощи Зинаиды Ивановны Высоковской, пробывшей на этом посту 20 лет.

• Епископы Русской Православной Церкви за границей выступили против так называемого «лечения» свободомыслящих людей заключением их в психиатрические больницы в Советском Союзе: «От имени Русской Православной Церкви и от имени страждущего нашего народа взываем мы к совести мира: Осудите коммунистические преступления против человечности так, как вы осудили преступления национал-социализма! Окажите моральное давление на преступников! Заставьте правительства свободных стран, международные организации, печать, телевидение и радио выступить в защиту людей, которых калечат врачи-палачи! Молитесь за ваших гонимых братьев». — Филарет, Митрополит Нью-Йоркский и Восточно-Американский; Архиепископ Филофей, управляющий Берлинской и Германской епархией; Антоний, Архиепископ Женевский и Западно-Европейский, управляющий Австрийской епархией; Епископ Нафанаил, настоятель Обители преп. Иова Почаевского в Мюнхене; Иаков, Епископ Гаагский, начальник Голландской миссии Русской Православной Церкви; Павел, епископ Штуттгартский и Южно-Германский.

• В пятницу, 15 октября в Иерусалим прибыл Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви Митрополит Филарет в сопровождении Епископа Штуттгартского и Южно-Германского Павла и протопресвитера Георгия Граббе. Владыка прибыл из Парижа через Рим, проведя несколько дней в Лесненском монастыре. На другой день Митрополит Филарет посетил Вифанскую русскую школу, где был встречен игуменией Варварой, администрацией школы и учащимися. Всенощное бдение в этот день владыка Митрополит совершил в Елеонском монастыре, где во время полиелей торжественно вручил грамоту Архиерейского Синода матушке игумении Тамаре, настоятельнице монастыря, за

уже 20-летнее несение игуменского подвига в обители. В этот же день вечером явился к нему и представитель местного радио, который интересовался вопросами, связанными с его пребыванием в Святой Земле и иском на возвращение незаконно отнятого от миссии имущества.

• В связи с политическими и экономическими осложнениями в Иерусалиме, а также и продолжающимся юридическим процессом по защите Св. Мест и необходимыми ремонтами, сильно возросли материальные нужды Духовной Миссии. Администрации Миссии трудно справиться со всеми многосторонними расходами, помимо основных, самых насущных нужд по содержанию обителей. Чтобы справиться с возникшим осложнением, начальник Миссии Архимандрит Антоний, по благословению Архиерейского Собора, рассылает из Иерусалима Послание Собора ко всем русским людям и воззвание самого начальника Миссии. Нужда там сейчас очень велика, но монашествующие Миссии не теряют надежды на то, что русские люди откликнутся на призыв о помощи.

• Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме Архимандрит Антоний (Граббе) сделал Архиерейскому Собору в Нью-Йорке подробный доклад о политическом, экономическом и юридическом положении Миссии в Иерусалиме. Собор архиереев, обстоятельно обсудив положение дела, решил обратиться с особым посланием к президенту Никсону от имени всех русских свободного мира не отнимать своего покровительственного внимания от Святых Мест в Святой Земле и заступиться за права нашей Миссии, охраняющей свои святыни от посягательств на них атеистического правительства СССР.

• Приходом русского храма в Каннах (Франция) предусмотрено в 1972 году устроить два паломничества. Первое — в крестопоклонное воскресенье 12 марта к месту, где будущий Равноапостольный Царь Константин видел на небе явление Святого Креста — в местечке Croix Valmer в 70 километрах от Канн. Это паломничество — однодневное. Второе — повторение паломничества в Бари к святым мощам Николая Чудотворца с 10 по 23 или 25 сентября через Флоренцию, Рим, Неаполь, Бари с посещением Рима и Пизы.

• В Брюссельском православном храме, построенном в 1934 году, не было колоколов, так как местная городская управа тогда не разрешила. Теперь это разрешение получено. Колокола отлиты под руководством и по рисункам известного русского архитектора, специалиста по постройке храмов Николая Ивановича Исцеленова. Самый большой колокол весит 1 200 кг. Колокола подвешены прочно, качается только язык. Благодаря этому система звона отличается от принятой в

католических или евангелических храмах.

• Православный храм во Владимирово близ Чикаго (США) летом этого года украсился двумя новыми золотыми куполами, в дополнение к главному куполу.

• На ферме «Рова» в Джексоне (США) строится Храм-Памятник во имя св. Равноапостольного Князя Владимира. До окончания работ по постройке Храма-Памятника необходимо произвести капитальные работы: закончить паперть, установить каменные лестницы и обводную вокруг храма каменную стену. Также предполагается провести иконную роспись стен храма и приобрести соответствующую утварь храма: паникадила и прочее. Для этого потребуются еще десятки тысяч долларов.

• На собрании Братства «Православное Дело» 11 и 12 ноября в Брюсселе в помещении русской школы св. Владимира подробно обсуждалось положение Православной церкви в России. С докладами выступили священник о. Александр Трубников, Г. А. Рар, К. В. Скорцов и князь В. Д. Голицын. Председательствовал Архиепископ Женевский и Западно-Европейский Антоний.

• 24 ноября в Нью-Йорке скончался известный русский летчик и верный сын России Борис Васильевич Сергиевский. В первую мировую войну покойный был одним из наиболее блестящих боевых летчиков Русской армии. Он был многократно награждаем вплоть до ордена св. Георгия. После поражения Добровольческой армии эмигрировал в США. Во вторую мировую войну был призван в американскую армию и участвовал в высадке союзных войск во Францию. В эмиграции Борис Васильевич активно участвовал во многих русских организациях и всегда охотно откликался на просьбы о помощи.

Редактирует коллегия
Редактор В. Сорокин
Секретарь редакции А. Желнин

Перепечатка разрешается,
но с указанием источника

Адрес редакции:

SARUBESCHIE

8 München 86

Postfach 860327

Bundesrepublik Deutschland

Банковский счет № 90 246
Банк: Reuschel & Co.
8 München 80, Ismaningerstr. 98

Verantwortlich für den Inhalt
V. Sorokin

Druck: „Logos“, München 19, Bothmerstr. 14